

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова

Факультет журналистики

Кафедра редакционно-издательского дела
и информатики

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

Продолжающийся сборник



Москва – 2010

Татьянин день: продолж. сб. / под общей редакцией
М. И. Алексеевой. М.: Факультет журналистики МГУ
имени М.В. Ломоносова, 2010.
160 с.: ил.

Авторов и составителей сборника интересовали еще не прочитанные страницы истории Московского университета, малоизвестные подробности и факты жизни, научного творчества, общественной деятельности профессоров, преподавателей и выпускников его, студенческая жизнь во всех ее проявлениях, традиции и обычаи студенческого братства. Особое место отведено истории церкви св. Татьяны.

Публикуемые материалы могут представлять интерес не только для профессоров, преподавателей, студентов и выпускников Московского университета, но и для всей читающей публики.

© Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова

© М. И. Алексеева, Е. В. Скударь, Н. В. Фролова (сост.)

К читателю

В предисловии к сборнику «Московский университет в судьбах русских писателей и журналистов» И.Л. Волгин отметил, что «присутствие Университета в историческом центре Москвы – в своих исконных *родовых* владениях – возможно, последняя физически осязаемая связь с безвозвратно минувшим»*. Одна из задач предлагаемого читателю издания – не дать прошлому уйти в небытие, обозначить связь прошлого, настоящего и будущего.

Другая, не менее важная, задача – показать, что университет воспитывает совершенно особенный тип личности – универсальный. Это люди, неравнодушные и к судьбе Отечества, и к судьбе отдельного человека, и к судьбе человечества в целом, причем неравнодушие это активное, действенное, оставляющее России и миру плоды как духовные, так и материальные.

Почему потомственный дворянин С. А. Муромцев посвятил свою жизнь укреплению русской государственности – понятно. Удивительно то, что действительный статский советник, владелец доходного имения И. И. Шаховской упорно старался обеспечить Москве и ее пригородам достойный «санитарно-гигиенический климат» и сохранить для потомства исторические памятники и документы, а А. И. Коновалов – богатейший промышленник, строивший на свои средства приюты, школы и больницы для рабочих, – являет собой образ совершенно далекий от ставшего для нас привычным образа «фабриканта-кровопийцы».

Объяснение этому феномену есть. Все эти люди – питомцы Московского университета, воспитанные самим воздухом его, а значит, всем им свойствен «микроб человеколюбия».

Говоря о прошлом, мы не прибегаем к исторической снисходительности. Мы видим в нем корни тех традиций, которые позволяют Университету не разрушаться в ходе самых трагических кол-

* И.Л. Волгин. Крепость духа на Моховой // Московский университет в судьбах русских писателей и журналистов. М., 2005. С. 10.

лизий. Конечно, Университет образовывает и воспитывает (существует некая *система*), но делает это, оставляя простор для самостоятельных рассуждений, не навязывая ни излишней религиозности, ни излишнего атеизма, ни вообще какой-либо категоричности поступков и мыслей.

Вместе с тем, университет никогда не отделял себя от жизни России. Были в его истории трудные времена. Но в любых ситуациях одерживало верх стремление к научному знанию. И он живет до сих пор жизнью самой насыщенной, полноценной прежде всего благодаря универсальности и толерантности.

«В отечестве любезном дорого все», – писал в свое время Н. М. Карамзин. Так и нам дорого все, что связано с университетом: и подробности университетской жизни студентов XIX века в письмах Белинского, и малоизвестные факты научной и общественной деятельности профессоров, сотрудников и выпускников Московского университета, и история университетской церкви, без которой немыслимо здание на Моховой, и приметы времени, нашедшие свое отражение в пригласительных билетах на всякого рода университетские мероприятия.

Само название сборника – «Татьянин день» – предполагает некую периодичность его выхода в свет. Заявленный как продолжающееся издание, он со временем может стать альманахом.

Приглашаем к сотрудничеству профессоров, преподавателей, студентов, выпускников Московского университета и всех желающих.

Времена не выбирают

«Мы, русские, должны принимать результаты европейской науки во всей чистоте, без всякой примеси чуждых нам интересов; но должны принимать их не как тунеядцы, а с тем, чтобы и с своей стороны вносить в общую сокровищницу вклад русской мысли».

С. М. Соловьев*

М. И. Алексеева

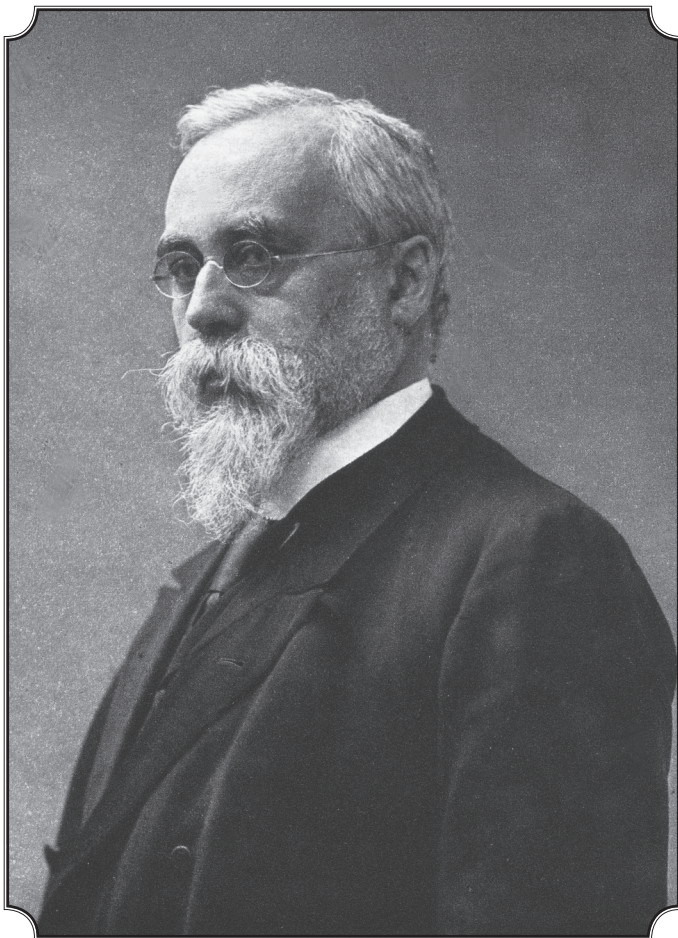
Российский государственный

Беспощадный XX век! Россия вошла в него монархией. Русско-японская война, революция 1905 года, царский манифест 17 октября – исторические вехи развития России начала столетия. Накануне империалистической войны страна переживала глубочайший кризис власти. Гибель империи стала неотвратимой.

Лучшие умы России конца XIX – начала XX веков осознавали, что страна живет, как бы «колеблясь над пропастью», и видели выход из кризиса в преобразовании существующего государственного строя. Одним из видных государственных деятелей того времени был профессор Московского университета, председатель I Государственной думы Сергей Андреевич Муромцев.

Сергей Андреевич Муромцев, выдающийся профессор, ученый, крупный общественный и политический деятель, видный юрист и адвокат, родился в 1850 г. в Петербурге. Происходил из старинного дворянского рода. В 1871 г. закончил юридический факультет Московского университета. На формирование либеральных взглядов Муромцева особенно повлияли лекции С. М. Соловье-

* Московские ведомости. № 38 от 29 марта 1851 г. С. 322.



Сергей Андреевич Муромцев

ва. С 1878 г. – он ординарный профессор. С 1880 г. – проректор Московского университета. В 1885 г. С. А. Муромцев был уволен из университета за «распространение либерализма» и политическую неблагонадежность. Уволен без предупреждения. Сам узнал об этом из газет. Был подписан приказ, о котором его не поставили в известность. Этот удар не сломил Муромцева. Он целиком посвятил себя профессиональной и общественной деятельности.

Общественная деятельность С. А. Муромцева заслуживает того, чтобы о ней было рассказано подробно.

С 1880 по 1899 г. С. А. Муромцев – председатель Московского юридического общества. Был редактором «Юридического вестника», публиковался в «Судебной газете», «Русских ведомостях» и других изданиях. Заведовал юридическим отделом словаря Брокгауза и Ефрона. Являлся гласным Московской городской думы, членом Губернского собрания, заместителем председателя Совета присяжных поверенных Московского округа. Был одним из основателей партии кадетов («Партии народной свободы») – партии либерально-монархической буржуазии России. Она существовала с 1905 по 1917 г. Программа партии – конституционная и парламентская монархия, буржуазные свободы, увеличение крестьянских земель за счет удельных, монастырских, государственных и частично помещичьих. Центральными органами кадетов были газета «Речь» и журнал «Вестник партии народной свободы». С. А. Муромцев был членом умеренного крыла партии. Его избрали депутатом I Государственной думы от Москвы.

Выборы в I Государственную думу проходили в 1906 г. Кадеты провели предвыборную кампанию успешно, привлекли на свою сторону демократически настроенных избирателей, пообещав им свести счеты с правительством, которое тогда обвиняли во всех бедах России, добиться крестьянской и рабочей реформ, ввести гражданские права и политические свободы. В Думе кадеты получили треть мест от общего числа депутатов. Председателем I Государственной думы единогласно был избран С. А. Муромцев. Для многих он воплощал в себе достоинство независимого народного представительства. Для всех русских, для всех иностранцев он стал исторической личностью, потому что с его имени начинается русская конституционная история. Он прекрасно знал запад-

ную парламентскую практику, но шел впереди нее. Он убежденно старался провести реформы в стране, закрепить в общественном сознании идею парламентаризма.

С. А. Муромцев прекрасно сознавал ответственность, которая лежала на Председателе Государственной думы.

«Чем должен быть Председатель по отношению к парламенту и всем в нем присутствующим? Он должен быть блюстителем беспристрастия, он должен быть защитником свободы слова каждого, но он вместе с тем должен быть и хранителем высокого достоинства учреждения, он должен поэтому предостерегать и останавливать говорящих в случае злоупотребления ими правом слова, в пылу ли увлечения, или под влиянием каких-либо особых целей. В этом отношении должность Председателя парламента и весьма трудна, и даже как бы внутренне противоречива. Однако выход из этих трудностей и противоречий ясно преуказан: Председатель должен формально выйти из числа членов той партии, к которой он принадлежал, и стать вне партии или над партиями; но он должен сделать это также и по существу – он не должен вести в парламенте никакой своей политики и подчиняться ничьему постороннему влиянию. Тогда и возможные с его стороны случайные промахи в ведении заседаний не умалят ни его авторитета, ни уважения к нему со стороны членов палаты»^{*}.

При Думе существовало Общество думских журналистов, к которому С. А. Муромцев, безусловно, имел отношение. Он входил и в Общество деятелей периодической печати и литературы, возглавлял суд чести при нем.

I Государственная дума просуществовала в России всего 72 дня, так и не выполнив своей программы. Против нее активно выступали реакционные силы, прежде всего придворное окружение, о чем свидетельствуют публикации в «Правительственном вестнике». Против нее выступал и Председатель Совета министров П. А. Столыпин, опасавшийся государственного переворота.

Дума была распущена, но около 200 ее депутатов собрались в Выборге (среди них оказался и С. А. Муромцев). Было принято воззвание «Народу от народных представителей». В нем отмечалось, что правительство сопротивляется наделению крестьян зем-

* Гредескул Н. А. Недосыгаемый образец (цит. по кн.: Венок на могилу Сергея Андреевича Муромцева. М., 1910. – С. 89, 90).

лей. Воззвание призывало к отказу давать деньги в казну (без решения народного представительства), саботажу призыва в армию. Но народ не откликнулся на этот документ. Он считал Думу, быть может, не без оснований, пустой «говорильней».

По решению суда всех подписавших воззвание арестовали. Они просидели в тюрьме три месяца, а затем их лишили избирательных (а значит, гражданских) прав при выборах в новую Думу и на другие общественные должности.

С. А. Муромцев вернулся в Московский университет к своей любимой работе. Он был профессором римского и гражданского права, читал догму римского права – та отрасль юриспруденции, которая должна была развивать у слушателей юридическое мышление, умение применять право к жизни. Муромцев являлся противником классической римской догматики, схоластической, господствующей в то время в Германии. В ответ слышались яростные нападки на ученого, которого обвиняли в «упразднении истинной юриспруденции». Лекции Муромцева отличались пониманием современных юридических явлений сквозь призму учений римских юристов. Он не верил в вечные юридические понятия и учил, что не жизнь подчиняется этим понятиям, а они служат жизни. Эти понятия постоянно совершенствуются и изменяются вместе с ее развитием. Муромцев был горячим поборником теории «гражданско-правовой политики», применения права к жизни. Муромцев осознавал всю сложность, многообразие жизненных отношений и связанных с ними социальных проблем. Это был консерватизм, но в лучшем смысле этого слова. Его взгляды изложены в книге «О консерватизме римской юриспруденции» и монументальном труде «Гражданское право древнего Рима». Идеалы права и индивидуализирующей справедливости – основа его учения о правосудии. Закон и общее благо человечества – об этом Муромцев размышлял всю свою сознательную жизнь.

Муромцев стремился создать серьезную научную школу юриспруденции. В некоторых отношениях его мысль опережала научные воззрения западных ученых. Он стремился приобщить русских юристов к общей мировой работе в области правоведения.

Сергей Андреевич не знал усталости. У профессора было более 20 часов лекций в неделю. Он постоянно задумывал новые курсы, говорил об этом накануне смерти.

Ученый-юрист высокого ранга, авторитетнейший адвокат, он с большим вниманием и благодарностью выслушивал на консультациях противоречивые мнения своих учеников. Он умел учиться у своих учеников, и это отличало его от многих коллег-профессоров. Его слушатели говорили, что он, в отличие от других юристов и адвокатов, безошибочно отличал несчастье от преступления.

В 1908 г. ему снова грозили увольнением, но на сей раз этого удалось избежать. Университет сумел защитить его. С. А. Муромцев был полон сил и новых планов. Увлечен идеей создания общественных народных университетов, которые считал «маяками в стране, пребывающей во тьме». Читал лекции в Городском народном университете им. Шанявского и ряде других учебных заведений. Последние годы работал над законопроектом о школьном образовании.

С. А. Муромцев умер в 1910 г. внезапно, еще полный сил и энергии. Его похороны превратились в событие общенародного значения. Сотни тысяч людей провожали Председателя I Государственной думы в последний путь – от Сретенки, через Театральную площадь, Моховую (отпевание проходило в университетской церкви), Каменный мост к Донскому монастырю. Порядок обеспечивала не полиция, а студенты. Вот что об этом пишет один из очевидцев происходящего: «Но самое лучшее впечатление производило студенчество, поддерживающее на всем пути удивительный порядок. Московское студенчество в эти муромцевские дни обнаружило большую чуткость и прямо поразительную дисциплину. По всему пути процессии и на всех примыкающих улицах с раннего утра стояли двойные цепи студентов. Кроме того, были организованы дежурства при гробе, при венках, для подаяния скорой помощи, хор певчих, смены для несения гроба, сотни распорядителей-студентов, взаимно соподчиненных. Мы наблюдали, как приказания студентов-распорядителей, отдаваемые товарищам, исполнялись «цепями» быстро и беспрекословно. Смены почетного караула студентов у гроба в университетской церкви производились с такой аккуратностью, что могли бы позавидовать и военные.

Да, дух московского студенчества не угас. И в сущности, душой московских похорон прежде всего был Московский универси-

тет с его славными традициями, с его организованной профессорской коллегией, с его десятилетиями молодой молодежью, дышащей в стенах университета гуманитарными идеями»^{*}.

Речь студента Гзовского

«Вместе со всей Россией скорбим мы, студенты Московского университета, будущие русские граждане, утратив в твоём лице беспристрастного ученого, честного гражданина и мужественного борца за освобождение. Словом он учил нас с кафедры – мыслить и всей своей личностью – жить. Вечную память сотворим ему, приняв в наши молодые, ещё сильные руки оставленное им дело освобождения, и доведем его до конца».

*Представитель полиции громко сказал: «Больше не могу разрешить говорить».
Оратор оставил кафедру.*

Речь студента Аполлонова,

делегата общей университетской сходки студентов Петербургского университета

«Дорогой народный избранник, горячо любимый нами профессор, защитник права и свободы русского народа! Вся твоя деятельность была направлена на поднятие культурного самосознания широких народных масс, к проведению в них идей права вообще и гражданственности в частности. Нам, студенчеству, ты особенно дорог потому, что стойко защищал университетскую автономию, что хотел видеть в каждом студенте прежде всего гражданина, полагая, что в высшей школе должны быть две равноправные коллегии – профессура и студенчество. В момент упразднения автономии ты вынужден был оставить дорогую для тебя Alma mater, вернувшись в нее лишь в светлом октябре 1905 г. Дорогой профессор-гражданин, образ вечной юности, студенчество петербургского университета низко тебе кланяется. Sit tibi terra levis, дорогой учитель. Дорогой Сергей Андреевич, мы будем помнить твою деятельность и твою защиту народных требований и, помня их, мы пойдем вперед за полное осуществление чаяний русского народа».

Эту речь также прерывал представитель полиции, требуя прекратить ее.

В «Летописи Московского университета» есть только одна запись за 1910 г.: «Участие части профессоров и студентов университета в антиправительственной демонстрации в связи с по-

^{*} Венюк на могилу Сергея Андреевича Муромцева. С. 69.

хоронами Председателя I Государственной думы профессора С. А. Муромцева»*.

Последние годы жизни С. А. Муромцев любил повторять слова из Библии, которые по странной случайности звучат как «Пророчество о Думе»: «Сторож! Сколько ночи? Сторож! Сколько ночи?» «Еще ночь, но приближается утро...».

Муромцев был идеалистом, не лишенным здравого смысла, и свято верил в будущее России.

Р. С. Из глав книги «Венок на могилу Сергея Андреевича Муромцева» мы можем почерпнуть сведения об общественных и иных организациях Московского университета того времени.

В число учащих входили студенты Московского университета, слушатели Московского университета, вольнослушательницы Московского университета.

О многом говорит даже краткий перечень университетских организаций того времени:

Общество взаимопомощи студентов Московского университета
Общество взаимопомощи студентов-юристов Московского университета
Общество взаимопомощи студентов-евреев Московского университета
Общество взаимопомощи студентов-караимов Московского университета
Общество взаимопомощи студентов-медиков Московского университета
Общество взаимопомощи студентов-филологов Московского университета
Армянское землячество при Московском университете
Костромское землячество Московского университета
Минское землячество Московского университета
Московское землячество при Московском университете
Землячество Польши Московского университета
Украинское землячество Московского университета
Грузинское землячество при Московском университете
Общество студентов по устройству студенческой столовой
Общество для пособия нуждающимся студентам

Высочайший утвержденный Комитет и Попечительский совет студенческих обществ.

Сам С. А. Муромцев был пожизненным членом Попечительского совета университета.

* Летопись Московского университета. Т. I. М.: Изд-во Мос. ун-та, 2004. С. 244.



Похороны Сергея Андреевича Муромцева.
Цепи студентов на Театральной площади



Похороны Сергея Андреевича Муромцева.
У здания Московской городской думы

А. В. Бакунцев

Анатолий Кони: жизнь ради правды и красоты

Петроград. Разгар гражданской войны. По Невскому проспекту, утратившему свой былой блеск и многолюдство, ковыляет, опираясь на два костылька, сгорбленный старик в выдавшем виды пальтишке, с белой шкиперской бородой.

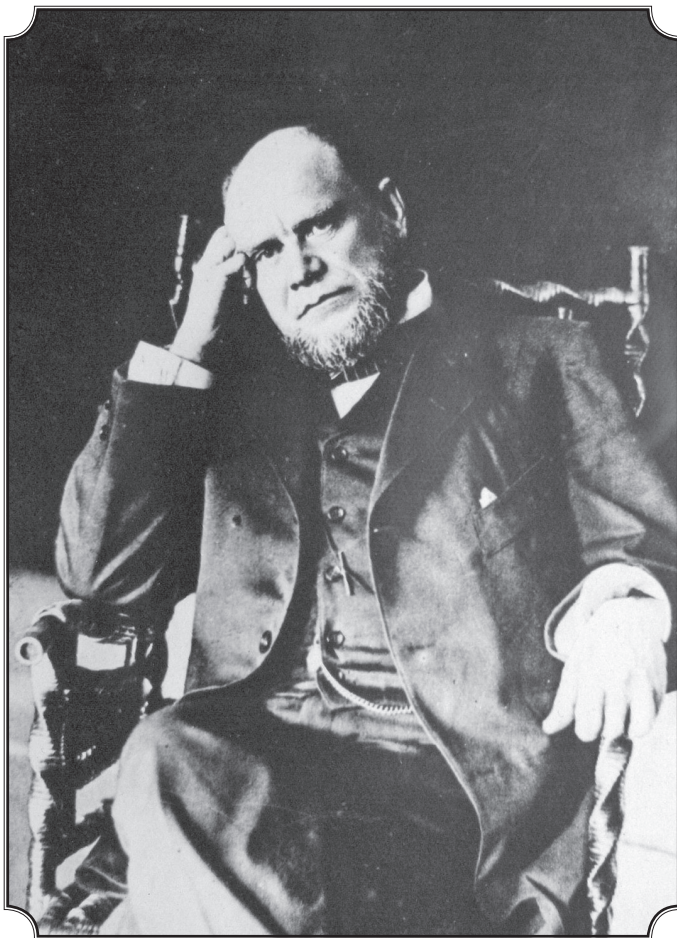
– Ах ты, дедушка, – говорят ему два встречных красногвардейца. – Ползешь на четырех? Ну, ползи, ползи, Бог с тобой...

И обоим невдомек, что этот колченогий «дедушка» не кто иной, как бывший действительный тайный советник, сенатор, почетный член Санкт-Петербургской Академии наук, член Государственного совета, кавалер высших орденов Российской империи, известный юрист и литератор Анатолий Федорович Кони.

Он родился 28 января (или, по новому стилю, 9 февраля) 1844 года в театральной семье. Отец, Федор Алексеевич, был известным в 30-х годах XIX века водевилистом, издателем журнала «Репертуар и пантеон», историком русского театра, мать, Ирина Семеновна (в девичестве Юрьева), – не менее известной актрисой, выступавшей на сцене под псевдонимом Сандунова. Дом супругов Кони – сначала в Москве, потом в Петербурге – был всегда открыт для артистов, художников, писателей, и связь с этим миром, миром искусства, Анатолий Кони сохранил на всю жизнь. Он дружил с писателями Львом Толстым, Иваном Тургеневым, художником Ильей Репиным, актером и драматургом Александром Южиным-Сумбатовым, издателем Иваном Сытиным и другими деятелями русской культуры. Многие из них стали впоследствии героями его мемуарных очерков.

Художественная среда, в которой рос Кони, наложила свой отпечаток и на его мировоззрение. Высшими ценностями для него навсегда стали человеческая личность и художественная культура.

От природы исключительно и разнообразно одаренный, он мог добиться выдающихся успехов на любом поприще: на сцене, в литературе, в точных и гуманитарных науках. В начале 1860-х годов он блестяще сдал вступительные экзамены на математический факультет Петербургского университета. Но, как говорит-



Анатолий Федорович Кони

ся, было бы счастье, да несчастье помогло. Вскоре в столице начались студенческие волнения, и университет был закрыт. Кони уехал в Москву и сдал вступительные экзамены повторно – только на сей раз уже на юридический факультет Московского университета. Он считал, что в качестве юриста он принесет обществу большую пользу. На его окончательный выбор, видимо, повлияли и последние события в жизни Российской империи: только что император Александр II отменил крепостное право и приступил к реформированию судебной системы.

Юный Кони возлагал большие надежды на эти реформы и в 1865 году так увлекся их «развитием» в собственной кандидатской диссертации под названием «О праве необходимой обороны», что включил в число разновидностей такой «необходимой обороны» и право народа на сопротивление произволу властей – проще говоря, на бунт. Как ни странно, сочинение Кони было одобрено Ученым советом Московского университета и напечатано в университетских «Известиях», а перспективному выпускнику предложили место заведующего кафедрой уголовного права и стажировку за границей.

Но этим планам не суждено было осуществиться. В 1866 году министром народного просвещения вместо либерально настроенного Александра Головина стал «мрачной памяти» граф Дмитрий Толстой. Он отменил заграничные стажировки российской научной молодежи и отправил в отставку её куратора – прославленного врача, общественного деятеля и филантропа Николая Пирогова. В это же время Ученому совету Московского университета министром внутренних дел Петром Валуевым было объявлено замечание «за напечатание труда, содержащего зловерные мысли о праве обороны против незаконного насилия власти и ее агентов»*. Из-за всего этого Кони на многие годы пришлось отказаться от преподавательской и научной деятельности.

Он поступил на службу в военное ведомство, но вскоре перевелся в ведомство судебное, где и сделал поистине блестящую карьеру, начав ее помощником секретаря судебной палаты в Петербурге и закончив сенатором Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената. За годы этого

* Кони А. Ф. <Чем заняты наши писатели> // Вестн. литературы. 1921. № 9. С. 15.

служения правосудию ему довелось, как он сам говорил, «иметь счастье участвовать во введении судебной реформы в Петербургском, Московском, Харьковском и Казанском судебных округах»*.

Кони много печатался в специализированных и общедоступных журналах, публиковал аналитические статьи о разных получивших общественный резонанс уголовных делах, а также воспоминания о современниках. Но по-настоящему он прославился после судебного процесса по делу знаменитой революционерки Веры Засулич, стрелявшей 24 января 1878 года в петербургского градоначальника Федора Трепова за то, что тот приказал высечь в камере предварительного заключения арестованного революционера Алексея Емельянова-Боголюбова. Суд присяжных под председательством Кони счел поступок Засулич мотивированным и вынес ей оправдательный приговор, что, естественно, вызвало раздражение Императорского Дома. Зато в глазах либеральной и демократической интеллигенции 34-летний юрист был настоящим героем и получил от нее прозвище «красный прокурор».

Но, как ни странно, вольнодумство, или как сказали бы в 70–80-х годах прошлого века, «диссидентство» Кони нисколько не мешало его продвижению по карьерной лестнице и укреплению социального статуса. Уже в 1887 году, после 9-летней опалы за то, что в деле Засулич он «был слугою правосудия, а не лакеем правительства», Кони получил назначение на должность оберпрокурора Кассационного департамента Сената. В 1890-м «красный прокурор» стал доктором права, в 1900-м – почетным академиком, в 1907-м – членом Государственного совета. Всевозможные профессиональные и общественные объединения – в том числе Московский университет, Петербургское юридическое общество, Медицинский совет – считали своим долгом включить Кони в число своих почетных членов, а то и сделать его своим председателем. При этом постепенное должностное и всякое прочее возвышение Кони ничуть не роняло его авторитета у оппозиционно настроенной общественности: Кони уважали все, независимо от убеждений и положения в обществе.

* Кони А. Ф. <Чем заняты наши писатели> // Вестн. литературы. 1921. № 9. С. 15.

Интеллигенция зачитывалась «Очерками и воспоминаниями» и другими его книгами в крепких, солидных переплетах, с золотым тиснением и золотым обрезом. Поклонники из числа помощников присяжных поверенных, вчерашние выпускники юридических факультетов, в подражание «красному прокурору» начисто выбривали верхнюю губу и отращивали ту самую, от виска до виска, шкиперскую бородку, а экзальтированные барышни, когда он в двуколке проезжал по Невскому, бросали ему на колени перевитые красными ленточками букетики фиалок. Такие были времена. Недаром говаривал «экспроприированный» советской властью издатель-магнат Иван Сытин о жизни в России до Октября 1917 года:

- Нет, господа, хорошая была жизнь, может, и несправедливая, а хорошая...

Но всему когда-нибудь приходит конец. Пришел он и благополучию Анатолия Кони.

- Октябрьская революция, - рассказывал он впоследствии, - застала меня в звании первоприсутствующего в Общем собрании кассационных департаментов Сената и в должности члена Медицинского совета, высшего врачебного учреждения в России. Когда оба эти учреждения были упразднены, пришлось искать применения своих душевных сил, знаний и опыта долгой жизни.

Поэтому Кони «с особой готовностью» откликнулся на предложения 1-го и 2-го Петербургских университетов, учрежденных вместо прежнего Императорского, занять в них кафедры уголовного суда. Тогда же, после Октябрьского переворота, в Петрограде было создано еще несколько учебных заведений, в том числе так называемый Институт живого слова, Школа русской драмы, Курсы всемирной литературы в Аничковом дворце. Все они приглашали Кони читать лекции и вести практические занятия.

«Это был праведник и великомученик. Он боролся против тех форм суда, какие существуют теперь, - против кривосудия для спасения государственного строя».

Чуковский К. И. Дни моей жизни. М.: Бослен, 2009. С. 547.

Но чтобы приступить к преподавательской деятельности, требовалось разрешение новой власти, и вот в конце 1917 года Кони отправил тогдашнему наркому просвещения Анатолию Луначарскому записку, в которой прямо заявил о своем намерении взойти на университетскую кафедру и предложил встретиться по этому поводу у себя дома.

Слух об этой записке быстро распространился по всему Петрограду. Зинаида Гишпиус отреагировала на нее так: «Еще одного надо записать в синодик. Передался большевикам А. Ф. Кони. Известный всему Петербургу сенатор Кони, писатель и лектор, хромой 75-летний старец. За пролетку и крупу решил “служить пролетариату”. Написал об этом “самому” Луначарскому. Тот бросился читать письмо всюду: “Товарищи, А. Ф. Кони – наш! Вот его письмо”. Уже объявлены какие-то лекции Кони – красноармейцам.

Самое жалкое – это что он, кажется, не очень и нуждался... За чем же это на старости лет? Крупы будет больше, будут за ним на лекции пролетку посылать, – но ведь стыдно!»*

Гишпиус напечатала это в начале 1921 года, когда уже была в эмиграции. Но далеко не все, даже среди эмигрантов, разделяли ее точку зрения. А Василий Немирович-Данченко, родной брат знаменитого режиссера, создателя Московского Художественного театра, и вовсе назвал высказывание Гишпиус «клеветой» и с болью вспоминал, как глубоко оно задело старого юриста.

В тот день Немирович застал Кони в его квартире на Надеждинской улице больным, точно оглушенным.

– Вы слышали, как *там* отзываются обо мне? – с отчаянием в голосе спросил его Кони. – Обухом в темя.

Он попробовал улыбнуться, опустил голову.

– Могу сказать, дождался оценки.

Прослыть на старости лет иудой и ренегатом было обиднее, чем узнать из той же эмигрантской прессы о собственной смерти – быть может, потому, что в те времена ложные сообщения о кончине той или иной знаменитости появлялись довольно часто. Так, Илья Репин писал Кони 15/28 апреля 1921 года со своей дачи «Пе-

* Дневник Зинаиды Николаевны Гишпиус // Рус. мысль (София). 1921. Кн. 1-2. С. 168-169.

наты» в Куоккала: «Вера* меня так обрадовала известием, что Вы живы и читаете лекции! Я также был похоронен; и из Швеции получил даже сочувственный некролог с портретом...»**

В общем, чаша сия не миновала и Кони. Эмигрантская газета «Общее дело», которую в Париже издавал известный публицист и разоблачитель провокаторов Владимир Бурцев, писала 5 января 1921 года: «В тифлиских газетах напечатан некролог А.Ф. Кони, скончавшегося, по словам “Правды”, 15 декабря, в Петрограде»***. Тут же была помещена подписанная инициалами И.Б. (Иван Бунин?) статья «Памяти А.Ф. Кони».

Что это было – недоразумение или злой умысел, попытка отомстить старому юристу за его «сотрудничество» с большевиками, как на том настаивали советские биографы Кони? Какая, в сущности, разница! И Кони на самом деле это было безразлично. Вот только глубина и искренность скорби, виновником которой, сам того не желая, он стал, его одновременно трогала и веселила. И он в конце концов не смог удержаться от ёрничанья по этому поводу, вполне в духе Марка Твена:

– Известия некоторых зарубежных русских газет о моей смерти лишены достоверности, а сопровождающие их, как мне говорили, некрологи несколько преждевременны.

И все же ему было горько. Получалось так, что вот уже и «белые» ставили на нем крест – ведь «красным» он изначально был не нужен. Та встреча с Луначарским, о которой он просил в конце 1917 года, все-таки состоялась, и разрешение читать лекции и выступать с воспоминаниями он получил. Потом еще приезжали представители наркомюста, он пообещал консультировать их специалистов. Но никакой помощи – в виде пенсии – престарелому «судебному деятелю», как Кони сам себя называл, новая власть не оказывала.

Понятно возмущение Василия Немировича-Данченко словами Гиппиус о «крупе» и «пролетке», за которые бывший сена-

* Имеется в виду В.И. Репина – дочь художника.

** Репин И. Е. Письма к художникам и художественным деятелям. М., 1952. С. 224.

*** Общее дело (Париж). 1921. 5 янв. № 174. С. 3. На самом деле «Правда» о смерти Кони в указанный период не писала, и, следовательно, тифлиские газеты либо что-то перепутали, либо сами зачем-то запустили эту информационную «утку».



Иван Алексеевич Бунин

тор Кони якобы «передался» большевикам. Какие там «крупа» и «пролетка»! Холодные, голубые от махорочного дыма «клубы» и «народные библиотеки», в которых он рассказывал о встречах со знаменитыми современниками, в лучшем случае, как вспоминал Корней Чуковский, «вознаграждали его – да и то не всегда! – ржавой селедкой или микроскопическим ломтиком заплесневелого хлеба»*.

– Люблю я молодежь, – говорил он в то время известной переводчице Татьяне Щепкиной-Куперник. – Я бы и даром ей читал.

Да и «пролетку» – а на самом деле обычную телегу с запяженной в нее клячей – за ним стали присылать только после того, как он, на глазах у своих студентов, упал, сходя с подножки трамвая, и тогда они потребовали у Петроградского совета обеспечить профессора Кони «личным транспортом». А уж выглядел профессор Кони в то время так, что иные «сердобольные женщины – это бывало не раз! – покушались подавать ему милостыню».

Но, несмотря на лишения, на боли в сломанной много лет назад ноге, на сердечные недомогания, Кони не унывал, находя утешение в «профессуре», как он называл свою преподавательскую деятельность. Хотя и тут не все было гладко.

– Трудно предугадывать будущее, – говорил он одним, – но профессура так меня захватила, что я даже не хотел бы вернуться в судебную деятельность. Меня эти занятия очень увлекают, а отношение ко мне молодежи очень трогает.

– Никогда не думал, – сетовал другим, – что мне будет так тяжело говорить для новой аудитории. Сидят, случается, против меня, силится сообразить и не могут. Самые элементарные положения надо пережевывать. Разумеется, есть исключения. Но между хорошо подготовленными и остальными, провал. И не придумашь, как его заполнить**.

То он искренне радовался, находя «в учащейся молодежи обоюдого пола несомненную жажду знания и интерес к нему» и не раз испытывая «отрадное чувство духовной связи лектора со

* Чуковский К. Анатолий Федорович Кони // Кони А. Ф. Собр. соч. В 8 т. М., 1969. Т. 8. С. 5.

** Там же.

слушателями»*, то возмущался их откровенным, а то и воинствующим невежеством.

– Разве вы не видите, – говорил он однажды Немировичу-Данченко, – как мысль и сознание отстают перед напором невежества и безграмотности? В общественность и на государственную работу выступают массы из такой темени, в которой им нельзя было ничему научиться. Я говорю не о политической борьбе, в ней мы сейчас бессильны, а о защите того, что было завоевано нашей культурой... Чего стоит теперь один язык, которым говорят и пишут! И потом, какая самоуверенность безграмотности! Сегодня матрос мне подчеркнуто громко:

– Что ж ваш Толстой? Попробовал бы он у нас на «Авроре»... Все это не настоящее и народу совсем не нужное.

– А вы его читали? – спрашиваю.

– Стану я! Барская рухлядь... Нам она ни к чему**.

Хуже всего, что и власти смотрели на это дело примерно так же. И Кони с его назойливым просветительством был для них чем-то вроде занозы, соринки в глазу – в общем, «диссидентом». Да, он опять сделался диссидентом, но уже при новом режиме.

Просто убить, извести большевики его не могли: слишком еще велик был его авторитет и в России, и за рубежом, а выдворить из страны – не удавалось. В конце октября 1919 года его попробовали было припугнуть: «чрезвычайка» нагрянула к нему на квартиру с обыском, невесть зачем арестовала, посадила в камеру. Но, видимо, кто-то заступился за старика, его отпустили. На утро, вернувшись домой, Кони обнаружил, что часть вещей и бумаг из его бесценного архива бесследно исчезла.

– Я помню, – рассказывал Немирович-Данченко, – как Анатолий Федорович у нас в Доме литераторов жаловался на варварский обыск, произведенный у него этими одичавшими буйволами. Они не только переворошили все его книги, совершенно изгадив некоторые издания. Все записки, манускрипты, дневники, заметки, памятные листки, приведенные им в строгий порядок, были разбросаны, перемешаны, затоптаны. Надо отдать справед-

* Кони А. Ф. <Чем заняты наши писатели> // Вестн. литературы. 1921. № 9. С. 15.

** Немирович-Данченко Вас. Великий сеятель (Несколько страниц об А.Ф. Кони из книги «Иов на гноище») // Сегодня (Рига). 1927. 2 окт. № 222. С. 4.

ливость Анатолию Федоровичу! Он не изводился малодушными, впрочем, ни к чему не ведущими жалобами. Он с величайшим достоинством переносил все невзгоды того времени^{*}.

Его как будто бы оставили в покое. Но не прошло полутора лет, как красные вожди снова заинтересовались бывшим «судебным деятелем». 8 марта 1921 года управляющий делами Совнаркома Николай Горбунов, по поручению Ленина, отправил Луначарскому «секретное отношение за № 2244», в котором говорилось: «Посылаю Вам при этом список ученых. Владимир Ильич очень интересуется этой группой и просит Вас дать характеристики известных Вам из этого списка ученых, инженеров, литераторов и пр.»^{**}.

Это происходило в то время, когда большевистская верхушка уже отбирала пассажиров для будущего «философского парохода».

В перечне, присланном Горбуновым, значилось более десятка имен. Было среди них и имя академика Кони. К чести Луначарского, обо всех этих людях он отозвался в ответном письме благоприятно.

«Академик Кони, – докладывал Луначарский, – пожелал познакомиться со мною еще в конце 1917 года. Мы имели с ним большой разговор, в котором он высказался чрезвычайно дружески по отношению к новому режиму, от души желал успеха новой России. Он сказал, что только такой “свирепо-радикальный” переворот и переход власти в руки одновременно смелых и близких народу людей и в то же время знающих, что в России силой авторитета ничего не сделаешь, – был единственным выходом из создавшегося положения. Кони говорил мне тогда: “Между монархией и большевизмом решительно ничего жизнеспособного не вижу”. С тех пор Кони принимал участие в качестве лектора в разных наших учебных заведениях, например, в Институте живого слова, выступал с разными воспоминаниями и окрашивал их неизменно в более или менее симпатичный для Советской власти дух»^{***}.

Нарком просвещения, конечно, лгал: едва ли Кони мог симпатизировать новому режиму и тем более заискивать перед ним. Но де-

* Немирович-Данченко Вас. Великий сеятель (Несколько страниц об А.Ф. Кони из книги «Иов на гноище») // Сегодня (Рига). 1927. 2 окт. № 222. С. 4.

** В. И. Ленин и А.В. Луначарский. Переписка. Доклады. Документы // Лит. наследство. М., 1971. Т. 80. С. 257.

*** Там же. С. 258.

лать было нечего, с мнением Луначарского красные вожди считались. Им оставалось только «сделать хорошую мину при плохой игре», и однажды советское правительство официально предложило Кони отправиться за рубеж на лечение. Но старый юрист не поддался на эту уловку. Свой отказ покинуть Россию он объяснял так:

– Переехав за границу, я обрекал бы себя на тяжкую тоску по родине и оставлял бы в России дорогих мне людей.

Он понимал, что уже не вернется. А кроме того, как считал Немирович-Данченко, «его привязывали к Петербургу и любимые книги, с которыми он сжился, как со старыми и верными друзьями. Любимые книги и дневники и записки его драгоценнейшего архива. Но, понятно, большевицкие Неуважай-Корыты никак не могли понять и оценить таких привязанностей»*.

Была и еще одна причина, пожалуй – самая главная: тревога за судьбу России, за ее культуру, столь же великую, сколь и беззащитную. Не выходил из головы матрос с «Авторы», считавший книги Толстого «барской рухлядью». А сколько было их еще, таких же огульных ниспровергателей, Базаровых «от сохи»? Каждый второй? И далеко не всегда дело у них ограничивалось одними словами. Интеллигентный Петроград долго не мог прийти в себя после того, что случилось в 1919 году, в самый разгар просветительской деятельности Кони, во время съезда «деревенской бедноты». Максим Горький впоследствии описал это в своем очерке о Ленине:

«Из северных губерний России в Петроград явилось несколько тысяч крестьян, и сотни их были помещены в Зимнем дворце Романовых. Когда съезд кончился и эти люди уехали, то оказалось, что они не только все ванны дворца, но и огромное количество ценнейших северских, саксонских и восточных ваз загадили, употребляя их в качестве ночных горшков. Это было сделано не по силе нужды, – уборные дворца оказались в порядке, водопровод действовал. Нет, это хулиганство было выражением желания испортить, опорочить красивые вещи. За время двух революций и войны я сотни раз наблюдал это темное, мстительное стремление людей ломать, искажать, осмеивать, порочить прекрасное»**.

* Немирович-Данченко Вас. Великий сеятель... С. 4.

** Горький М. Литературные портреты. Минск, 1986. С. 23.

Так мог ли Кони после *такого* покинуть Россию?! То, что других пугало, гнало прочь, его еще сильнее убеждало в необходимости остаться и продолжать начатое дело – читать пролетарской молодежи лекции по уголовному судопроизводству, ораторскому искусству, «этике общежития», рассказывать о выдающихся русских людях.

И власти в конце концов махнули на него рукой. Мешать не мешали, трогать не трогали, но «пролетку» в конце концов отобрали. И Кони, оставшись без «личного транспорта», опять заковылял на своих костыльках из одного конца Петрограда в другой, то и дело присаживаясь на чугунную тумбу или на ступеньки закрытой лавчонки, чтобы передохнуть. 27 апреля 1922 года Корней Чуковский сообщал жившей в Лондоне писательнице и журналистке Ариадне Тырковой-Вильямс: «Недавно я был у А. Ф. Кони. Этот 78-летний старик добывает пропитание лекциями в грязных (и часто пустующих) клубах. Жалованья ему не платят. Он принужден продавать свои книги»*.

9 февраля 1924 года, через 20 дней после смерти Ленина, Кони исполнилось 80 лет. По этому поводу в петроградском Доме ученых был устроен вечер. Старого профессора чествовали его ученики – недавние красноармейцы, рабочие и «учащаяся молодежь обоего пола». Кони был тронут этим, пусть и запоздалым, признанием его заслуг перед новым строем, который, вопреки ожиданиям многих, оказался жизнеспособным. И вот именно к ним, к молодым, обратился он, отвечая на многочисленные поздравления. И хотя выглядел он совсем уже дряхлым и усталым, профессионально поставленный голос был по-прежнему крепок, речь – четка и внятна.

– Молодые поколения, – сказал Кони, – должны вкладывать в свой труд не только знания, но и связанные с ними нравственные начала. Я счастлив, что на склоне лет, в виду уже недалекой могилы, судьба послала мне трудовое общение с вами...**

Жить ему и впрямь оставалось недолго. Однажды весной 1927 года, читая лекцию в холодной аудитории, Кони простудил-

* С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М., 2002. С. 357.

** Кони А. Ф. Собр. соч. В 8 т. – М., 1966. Т. 1. С. 35.

ся. Затянувшаяся болезнь оказалась неизлечимой. В том же году, 17 сентября, бывший «судебный деятель» Анатолий Кони умер.

У нас в последнее время происходит какая-то ожесточенная порча языка, и трогательный завет Тургенева о бережливом отношении к родному языку забывается до очевидности: в язык вносятся новые слова, противоречащие его духу, оскорбляющие слух и вкус и притом по большей части вовсе ненужные, ибо в сокровищнице нашего языка уже есть слова для выражения того, чему дерзостно думают служить эти новшества. Рядом с этим протискиваются в наш язык иностранные слова взамен русских и, наконец, употребляются такие соединения слов, которые, по образному выражению Гонкура, «hurlent de se trouver ensemble» (рычат, оказавшись вместе – Ред.) Неточностью слога страдают речи большинства судебных ораторов. У нас постоянно говорят, например, «внешняя форма» и даже – horrible dictum (страшно сказать – Ред.) – «для проформы». При привычной небрежности речи нечего и ждать правильного расположения слов, а между тем это было бы невозможно, если бы оценивался вес каждого слова и взаимоотношения с другими. Недавно в газетах было напечатано объявление: «актеры-собаки» вместо «собаки-актеры». Стоит переставить слова в народном выражении «кровь с молоком» и сказать «молоко с кровью», чтобы увидеть значение отдельного слова, поставленного на свое место.

Кони А. Ф. Советы лекторам // Об ораторском искусстве. М.: Госполитиздат, 1963. С. 156

Радетели земли русской

«Все воспитанники этого особенного учебного заведения счастливо отличаются от выпускников иных учреждений: на государственной службе они проявляют благородство характера, честность и человеколюбие – качества, весьма редкие в сей сфере деятельности»

Н. Тургенев

М. И. Алексеева

«Достоинство Москвы требует...»

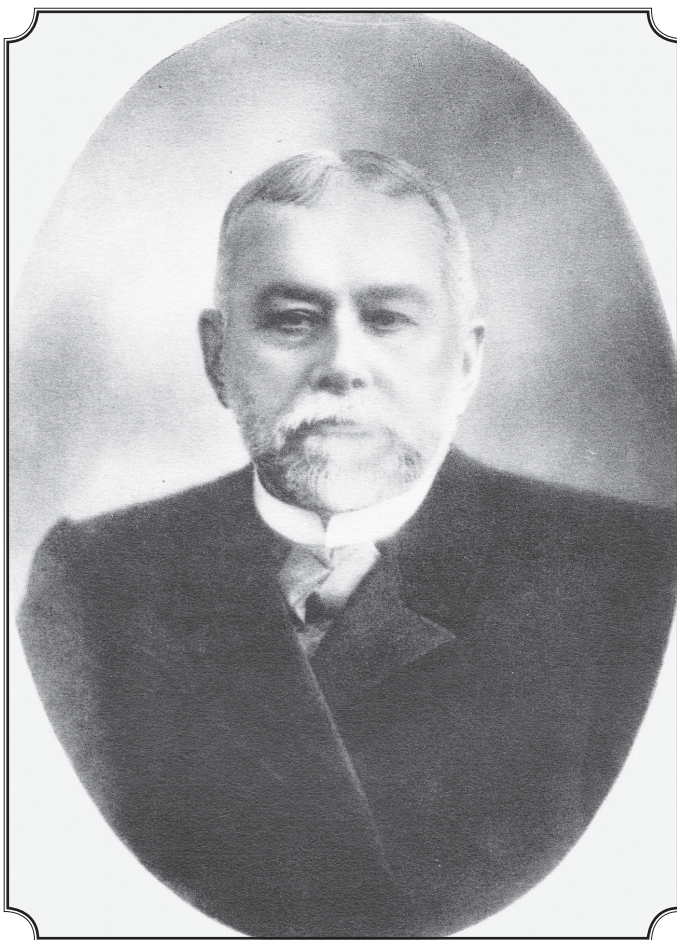
Имя выпускника Московского университета Ивана Ивановича Шаховского* мало кому известно сейчас. А личность эта весьма замечательная. Именно ему мы обязаны тем, что до наших дней сохранилось подробное историческое описание одного из уголков Подмосковья – памятников культуры, жизни и быта помещиков, богатых и средней руки, способов ведения хозяйства в предместьях большого города. Сейчас это территория Юго-Восточного округа Москвы и Балашихинского района Подмосковья.

Отец И. И. Шаховского был участником русско-турецкой войны 1828–1829 гг.**

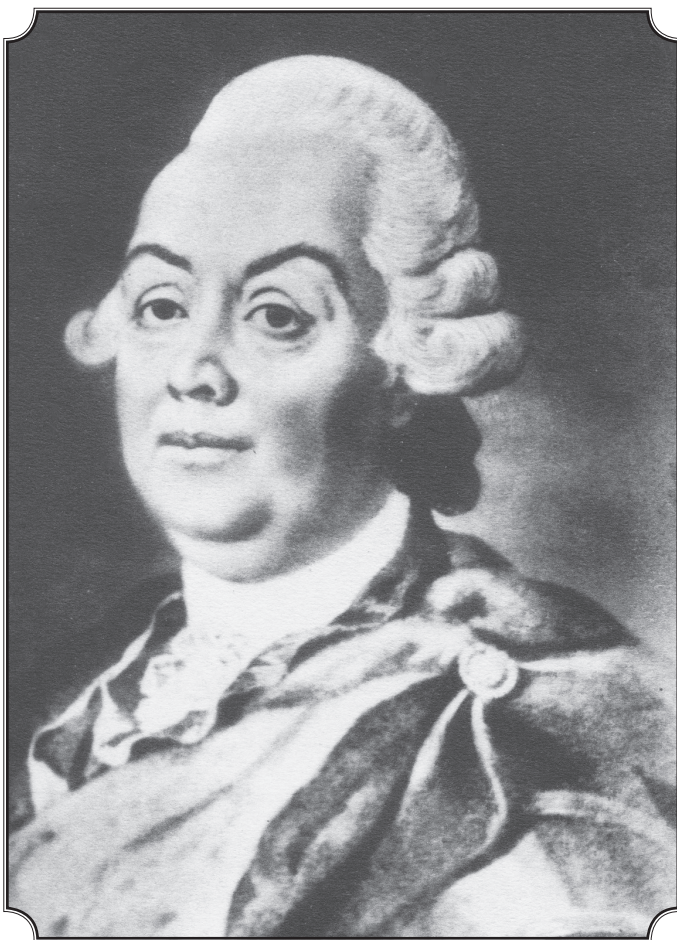
Увлекательные рассказы отца о ратных подвигах русских воинов запомнились мальчику на всю жизнь. Многие он узнал из уст родителя о замечательном полководце Петре Александровиче Румянцеве, сыне одного из ближайших сподвижников Петра I.

* Иван Иванович Шаховской – действительный статский советник, гласный Московской городской думы.

** В результате победоносных действий русской армии объявленная России Турцией «священная война» была проиграна. Россия закрепила за собой Южную Украину, Крым, Бессарабию, часть Кавказа и прочно утвердилась на берегах Черного моря.



Иван Иванович Шаховской



Граф Петр Александрович Румянцев

В русско-турецкую войну 1768–1774 г. П. А. Румянцев командовал армией, одержал победы при Рябой Могиле, на реках Ларга и Кагул, занял левый берег Дуная в его нижнем течении. Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. признал независимость Крыма от Турции, автономию Молдавии и Валахии и переход под власть России части Черноморского побережья.

За одержанные победы П. А. Румянцев был удостоен высочайших наград. Среди них орден Святого Георгия первой степени, титул графа и чин генерал-фельдмаршала с почетным названием «Задунайский», фельдмаршальский жезл, шпага, лавровый венок, деньги, картины и пять тысяч крепостных крестьян.

Рассказы отца самым непосредственным образом повлияли на судьбу И. И. Шаховского. Будучи студентом Московского университета, он избрал предметом сочинения на степень кандидата права Молдавию, Валахию и Бессарабию. Выдержал экзамены на степень магистра международного права. Тема его диссертации – «Кючук-Кайнарджийский мир и его значение для России».

Волею судеб И. И. Шаховской стал владельцем подмосковного имения Зенино, которое являлось частью села Троицкое-Кайнарджи, принадлежавшего некогда графу Петру Александровичу Румянцеву.

Подробные сведения о селах Троицкое-Кайнарджи и Зенино приводятся в книге «Село Троицкое-Кайнарджи и сельцо Зенино, Карнеево тож». Книга издана в 1915 г. по инициативе и при участии И. И. Шаховского. Удивительная история её рассказана нами ниже.

Впервые село Троицкое упоминается в 1571 г., когда оно принадлежало боярину Андрею Сабурову «со товарищи». Затем оно перешло к роду Сукиных, которые владели им с 1623 по 1681 г. После смерти Ивана Осиповича Сукина оно переходит в качестве приданого к дочери его Анне, по мужу Голицыной, через нее – в род князей Голицыных.

Наконец, в 1760 г. оно становится владением графа Петра Александровича Румянцева. С этого времени начинается период его процветания. Графиня Марья Андреевна, мать Петра Александровича, во многом способствовала этому. В 60-х гг. в нем был построен новый дом, сооружены оранжереи, выкопаны пруды. Особую известность село приобретает в 1775 г. В июле 1775 г. Екатери-



Императрица Екатерина II

на II прибыла в Москву на празднование по поводу победоносного окончания русско-турецкой войны. После десятидневных торжеств в Москве Румянцев принимал императрицу в своем подмосковном имении. Екатерину II сопровождал весь двор. В Троицкое съехались министры, полководцы, послы иностранных государств. К приезду государыни был построен павильон, стилизованный под турецкую крепость. Пышный бал, народное празднество с песнями и плясками закончились блистательным ночным фейерверком.

Прощаясь с Троицким, императрица в знак особой милости повелела «месту сему» дать название Кайнарджи. Ферма, находящаяся при имении, получила название Кагул, а три ближайших пустоши стали именоваться Румянцевскою, Кагулскою и Задунайскою.

Село Троицкое-Кайнарджи заключало в себе четыре тесно между собой соприкасающихся поселения, из которых одно – деревня Фенино – располагалось на правом берегу реки Пехорки, остальные три – на левом, более высоком. Здесь находилось Троицкое. В центре его – каменная церковь, сооруженная в 1774 г. графом Петром Александровичем Румянцевым. Ряд домов принадлежал церковнослужителям. К Троицкому примыкало Кайнарджи – сад и барский дом с пристройками. В версте от господского дома графом Румянцевым в 1767 г. была построена ферма, получившая впоследствии название Кагул. Ферма славилась тем, что там был собран большой гербарий всех русских семян и сельскохозяйственных растений. Здесь же находился обширный склад земледельческих машин и орудий. Уже сами названия этих мест пробуждали в памяти целую эпоху русской истории.

Младший сын П. А. Румянцева граф Сергей Петрович Румянцев*, желая увековечить в Троицком память о Екатерине и о

* Сергей Петрович Румянцев – личность весьма известная. В 80-х годах XVIII века он был посланником в Пруссии и Швеции. Затем становится членом Коллегии иностранных дел. Указом Александра I от 21 апреля 1802 г. он назначается членом Государственного совета. Именно в это время он обращается к Императору с проектом «Об увольнении крестьян в свободные хлебопашцы». После обсуждения вопроса в Государственном совете был издан указ «О вольных хлебопашцах». Исполняя волю своего брата Николая, Сергей Петрович передал в дар России унаследованную от него коллекцию – рукописи, книги, монеты, этнографические материалы и дом на набережной Невы для размещения музея, доступного публике. Туда же он отдал свою библиотеку – десять тысяч сочинений.

(см. продолжение на след. стр.)

лучших дней своего отца, поставил памятник в деревне Фенино. На высоком постаменте бюст императрицы. Ниже на белом мраморе надпись «Кайнарджи». Центральная фигура – богиня победы Ника, попирающая змею раздора. На пьедестале памятника надпись – «От Екатерины дана сему месту знаменитость, оглашающая навсегда заслуги графа Румянцева-Задунайского». И еще одна: «Крестьяне приобрели безвозмездную свободу в 1833 г. от благовоющей благодарности графа Сергея Румянцева». Автор памятника – выдающийся скульптор начала XIX века В. И. Демут-Малиновский.

П. А. Румянцев не имел возможности оставаться в своем имении, так как был назначен на пост украинско-курского генерал-губернатора. После его смерти все поместье перешло к его младшему сыну, Сергею Петровичу, который разделил имение на две части. Северную (непосредственно Троицкое) передал старшей дочери своей, Варваре Сергеевне, вышедшей замуж за князя Голицына. Южная часть имения Троицкое-Кайнарджи была отделена от прилегавшей к господской усадьбе и к Троицкой церкви земли и передана графом дочери Зинаиде Сергеевне (по мужу Дивовой). Отделенное пространство под общим названием Карнеево в 30-х годах XIX века было переименовано по имени владелицы в Зенино. В него входили Румянцевская, Кагульская и Задунайская пустоши.

В конце XIX – начале XX века подмосковные имения, за немногими исключениями, стали приходить в упадок. Общей участи не избежало и Троицкое. К этому времени оно представляло собою полуразрушенные прежние строения, руины домов. Известная ферма Кагул, в свое время прекрасно оборудованная, перестала существовать. Из развалившихся стен были разобраны все кирпи-

В 1831 г. музей был назван Румянцевским. В 1861 г. собрания были переведены в Москву и положены в основу Московского публичного музея, включавшего и государственную публичную библиотеку. Размещался он в доме Пашкова. В 1921–27 гг. музей был расформирован, а его собрания переданы в соответствующие музеи и картинные галереи. Библиотека была выделена в самостоятельное учреждение. В 1925 г. она преобразована в Государственную библиотеку им. В. И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека). С. П. Румянцев был знаком с А. С. Пушкиным (состоял членом литературного общества «Арзамас» и посещал «субботы» В. А. Жуковского).



Памятник в ознаменовании Кючук-Кайнарджийского мира
в деревне Фенино

чи. На месте господского дома устроена ночлежка для бездомных. Правда, остался цел памятник в деревне Фенино.

К настоящему времени от всей усадьбы сохранилась двухколокольная Троицкая церковь (прекрасный образец архитектуры раннего классицизма) и мавзолей графа Сергея Петровича Румянцева. Церковь известна тем, что на протяжении двух с половиной столетий она ни разу не закрывалась и в ней продолжались службы. В мавзолее – надгробие из темной яшмы, с трех сторон – небольшие иконостасы.

Об истории села Зенино следует сказать отдельно.

Существуют документально подтвержденные сведения о том, что в 1634 г. Карнеевым владел Артемий Васильевич Измайлов. Оно было жалованной ему вотчиной. Род Измайловых – один из древнейших. Он внесен в шесть родословных книг Московской, Рязанской и Тамбовской губерний. Затем имение переходит к Бутурлиным. В 1698 г. «бездетный стольник» Никита Иванович Бутурлин строит в Карнееве деревянную церковь Знамения и оно получает название Знаменского.

После Никиты Ивановича Бутурлина Карнеевым владела сестра его Анна Ивановна, бывшая замужем за князем Петром Михайловичем Долгоруковым. Карнеево и прилегающая к нему деревня Лопатино закреплены за ним в 1706 г. Роду князей Долгоруковых земли эти принадлежали до 1728 г., когда Владимир Долгоруков продал их Анне Ивановне Головиной, вдове Матвея Головина, – представительнице древней благородной фамилии. В 1737 г. село было продано Татьяне Дмитриевне Шаховской, вдове князя Алексея Ивановича Шаховского. С 1767 г. Карнеево принадлежит Наталье Алексеевне Пассек. Оно досталось ей от брата – князя Николая Алексеевича Шаховского.

Затем оно становится поместьем Петра Александровича Румянцева (впоследствии Румянцева-Задунайского), расширявшего пределы своих подмосковных владений путем покупки соседних земель. При графине Марье Андреевне и внуках ее Карнеево несколько раз удостаивалось посещения высоких особ. Так, например, в 1826 г. императрица Мария Федоровна и Великая княгиня Елена Павловна приезжали туда даже в отсутствие хозяев. Это была просто прогулка высоких гостей по живописным местам Карнеева.



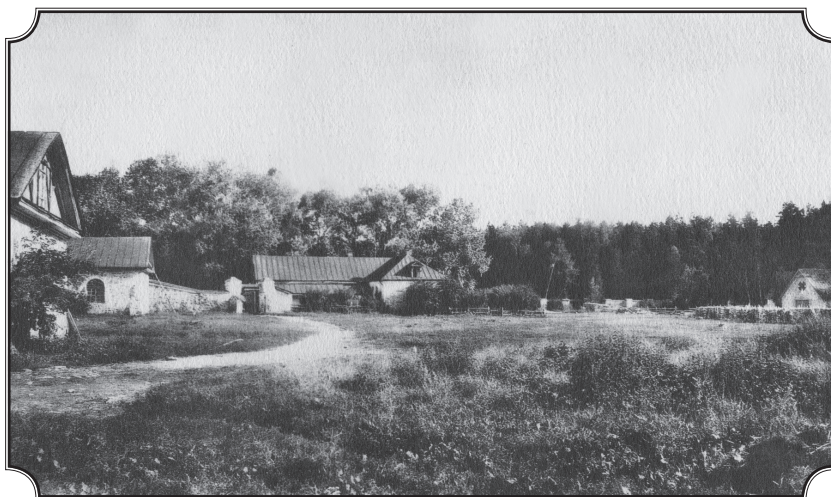
Зинаида Сергеевна Дивова

З.С. Дивова, которой Карнеево (Зенино) досталось от отца, способствовала благосостоянию села.

Покидая эти края, Дивова продала имение купчихе А. И. Шеллапугиной, не любившей и не умевшей хозяйствовать. Зенино стало приходить в упадок. Последним владельцем его являлся И. И. Шаховской. Почти 50 лет имение было в его руках. Большим трудом и грамотным ведением хозяйства он добился его восстановления. Сделал все для сохранения исторических памятников на территории Зенина. Неожиданный поворот судьбы заставил И. И. Шаховского изменить планы на будущее. Он вынужден был отдать землю под строительство второй очереди московской канализации. История вопроса заслуживает особого внимания.

О развитии канализационной системы России имеются достоверные свидетельства. В XIV веке на Руси рыли подземные каналы для отвода сточных вод. В 1367 г. в Москве был построен водосток от центра Кремля к Москве-реке. Через несколько веков, в 1825 г., прорыты Самотечный и Неглинный каналы, предназначенные для сбора атмосферных осадков. В них попадали и бытовые стоки. Во дворах скапливались нечистоты. Вывозили их золотари. Бесчисленные свалки окружали Москву. Заражалась почва, отравлялась атмосфера. Шесть тысяч сорокаведерных бочек отходов вывозилось из Москвы ежедневно в 80-х годах XIX века. Сточные воды попадали в притоки Москвы-реки и каналы. Разумеется, воды эти никак не очищались.

Проблему следовало незамедлительно решать. В тот период неоценимый вклад в дело развития городской канализации внес инженер В. Д. Кастальский. Он предложил создать отдельную канализацию. Первоначально Дума приняла решение о канализации только центральной части Москвы. Но городской голова Н. А. Алексеев заявил о необходимости канализации всего города и обосновал свое заявление. В конце концов выделили средства и началось строительство, которое закончилось в 1894 г. 30 июля 1898 г. состоялось торжественное открытие первой очереди московской канализации. Заработали паровые двигатели главной насосной станции, которые перекачивали сточные воды на Люблинские поля орошения.



Часть скотного двора и служб в Зенине



Ваймутовые сосны

В скором времени стала ощущаться нужда в расширении площади сооружений. Назрела необходимость в приобретении участков земли, по возможности недалеко отстоящих от района первой очереди канализации. К тому же в это время истекал срок договора на вывоз отходов из жилых помещений Москвы на загородные свалки. Город мог захлебнуться в собственных отходах. Озабоченная этим и стремясь применить на практике новейшие способы отчистки нечистот, Городская управа через посредство газет обратилась с призывом ко всем желающим продать городу землю для устройства канализации второй очереди. На предложение откликнулось более 50-ти владельцев подмосковных участков. По соображениям финансового и технического характера Управа остановилась только на одном из полученных ею предложений. Землю соглашался продать купец-чаеоторговец Некрасов, владелец села Бедрина близ станции Люберцы Московско-Казанской железной дороги*. Но ввиду того, что количество предложенной им земли оказалось недостаточным, признали необходимым обратиться к соседним владельцам, в частности, к И. И. Шаховскому. В село Зенино были направлены представители Управы для ведения переговоров. Шаховской сначала не выразил желания продавать землю. Слишком много сил и энергии было затрачено им, чтобы сделать имение доходным, чтобы возродить памятники старины. У владельца были большие планы на будущее. В Зенино приехал заведующий канализационным отделом Городской управы Д. Д. Дувакин и стал убеждать И. И. Шаховского, что без его земли городу не обойтись, что его отказ затормозит все дело. Дувакин обратился к Шаховскому не как к владельцу Зенина, а как к бывшему гласному Московской городской думы, всегда близко к сердцу принимавшему интересы городского хозяйства. Однако даже после этого И. И. Шаховской не счел возможным сразу дать утвердительный ответ и оставил за собой право подумать еще несколько дней. Почти полвека он владел Зениным. Привел его в хорошее состояние. В то время как многие подмосковные имения приходили в упадок из-за отсутствия у владельцев средств или из-за неумения вести хо-

* Отсюда происходит название населенного пункта Некрасовка. Сейчас Некрасовка – район Юго-Восточного округа Москвы. Больше половины территории его занимает Люберецкая станция аэрации.



Липовая аллея в Зенине



Полоса известняка у деревни Марусино

зайство. И все же после зрелого размышления, учитывая интересы города, И. И. Шаховской дал положительный ответ. Нелегко было ему принять это решение. Ведь он посвятил всю свою жизнь Зенину. Но долг гражданина Москвы оказался сильнее желания сохранить за собою благодатную для него землю.

Покупка Зенина была на некоторое время отложена из-за возникших осложнений. После неоднократных обсуждений в Городской думе вопроса об участках земли близ станции Люберцы встревожилось правление Казанской железной дороги и всполошились дачники. Они письменно обратились в Московское городское присутствие с протестом против устройства канализации на предложенных участках. Мотив, ими руководивший, заключался в том, что заражение воздуха, якобы, неминуемо связанное с устройством канализации, заставит их отказаться от дач, что приведет к большим убыткам и даже разорению (удивительно все это похоже на то, что происходит в наши дни). Городское присутствие воздержалось от собственного решения этого вопроса, и письмо было передано в Министерство внутренних дел, которое приняло во внимание заявление Московской городской управы о крайней необходимости иметь это место для спуска нечистот, а также о том, что при современном устройстве канализации не могло быть и речи о зловонии. Появление последнего свидетельствовало бы о каком-то недостатке устройства, и пострадавшие люди могли бы взыскать убытки по суду. Дело было решено с учетом интересов Москвы.

Окончательно город рассчитался с И. И. Шаховским только в 1914 году.

1 января 1915 г. был учрежден Люберецкий загородный канализационный участок. В условиях войны, в канун крушения империи государственные мужи заботились о благосостоянии города.

Дав согласие на продажу Зенина И. И. Шаховской обратился в Московскую городскую думу с заявлением, в котором, в частности, говорилось:

«В течение многих лет моего владения Зениным я лично употреблял все усилия, чтобы сохранить памятники труда и умения наших предков, как-то: часовню, барский дом, которые посещали Царственные Особы, готическую башню, каменные мосты, парк с богатою и замечательною растительностью, состоящую из ваймутовых и других сосен,

лип, вяза, дуба, кедра, американской и сибирской лиственницы, серебристого и душистого тополя и разных колеров пихты*, и теперь остаюсь вполне уверенным, что Московское городское управление не оставит Зенино своими заботами в этом смысле и сохранит навсегда за ним значение историческое. Кроме этого, имение обладает богатствами в недрах земли на довольно большом пространстве, до сих пор не вполне разработанными, а именно: имеется много бутового и кремниевого камня, мрамора, голубой глины и хорошего качества торфа. Изыскивая способы быть полезным и в будущем Городскому управлению в деле забот о Зенине, я остановился на мысли внести в Городскую управу капитал, проценты с которого или бы сперва на учреждение одной или нескольких премий за подробное научное исследование об имении, как о его историческом прошлом, так равно и о современном его состоянии, о желательной разработке его богатств и о способе сохранения памятников старины, а затем на стипендию при Московском сельскохозяйственном институте, питомцы которого, по всей вероятности, будут вести труд по заведованию Зениным**.

Городская дума согласилась с предложением И. И. Шаховского. Для осуществления задуманного им плана действий была избрана комиссия в составе Г. А. Пузыревского, С. В. Челнокова, С. В. Пучкова, К. К. Линдемана и П. Ф. Королькова. Комиссия пригласила в свой состав И. И. Шаховского и просила его взять на себя труд собирания материала и подготовки исторического очерка. В помощь себе он взял Е. В. Воздвиженскую, готовившуюся в то время к экзамену на степень магистра русской истории, и Н. В. Устрялова, оставленного при Московском университете на кафедре философии права.

Материалы, послужившие основанием для исторического очерка, были печатные и рукописные. К первым принадлежат сочинения С. М. Соловьева, Д. И. Иловайского, «Исторические материалы о церквях и селах XV–XVIII веков», «Лесостроительный отчет по имени Зенино», «Лесопромышленный вестник» за разные годы, статьи в «Русском архиве» за разные годы, энциклопедиче-

* В 1822 г. И. И. Шаховской был награжден золотой медалью Императорского русского общества акклиматизации животных и растений за успешную акклиматизацию в Московской губернии пород лиственницы, пихты и ваймутовой сосны. До наших дней сохранились еще могучие вязы, кедры, серебристые тополя, лиственницы. До сих пор можно пройти по липовым аллеям.

** Село Троицкое-Кайнарджи... С. VI.

ский словарь Брокгауза и Эфрона, путеводители по окрестностям Москвы, газеты и прочие документы. К рукописным источникам относились выписки из архива Министерства юстиции и Межевой канцелярии, земельные планы, купчие крепости, договоры и хозяйственные распоряжения по имениям. Принимались во внимание и рассказы местных старожилов, видевших многое своими глазами и слышавших о делах давно минувших дней от своих отцов и дедов. Рукописные материалы были вполне достоверными и изображают подмосковное хозяйство, во многом похожее на хозяйства других имений средней полосы России.

Книга была издана в Москве в 1915 г. и стала своего рода памятником скромному радетелю земли русской.

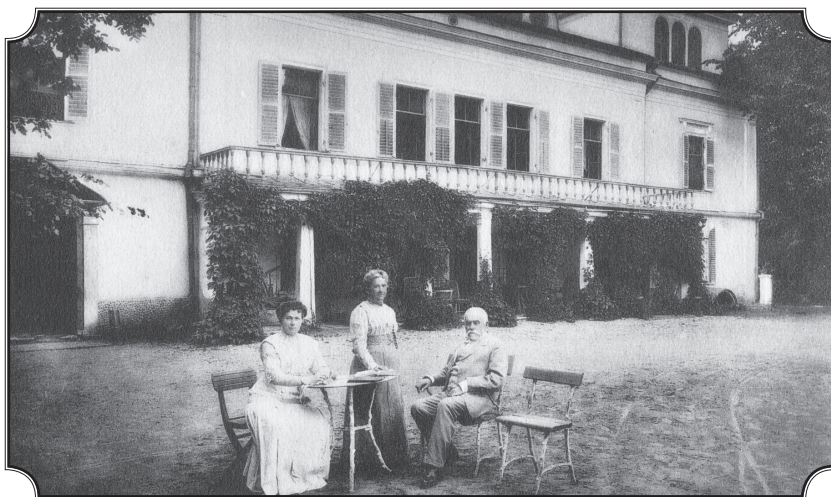
Можно только удивляться, с какой тщательностью и любовью описываются означенные в названии книги села. Прекрасной иллюстрацией могут служить страницы, посвященные Зенину в пору владения им З. С. Дивовой:

«Из земли, в большом количестве вычерпанной со дна Пехорки, образовалась на левом берегу возвышенность, и там был построен господский дом. Речка на сравнительно значительном пространстве стала чистой и широкою, а у дома на ней возникли два маленьких острова, которые, посредством специально для этого переброшенных мостиков, были соединены с берегами. Еще далее по направлению течения Пехорки вырыт был длинный, обими концами соединившийся с Пехоркою канал для свободного истока воды в дни половодья, и там же поставлен был широкий, удобный для проезда, деревянный на каменных устоях мост».*

*В ближайших к усадьбе местностях выбраны были наиболее сухие места для посева хлебов: пшеницы, ржи, овса, ячменя, проса и др. Урожаи обычно получались превосходные вследствие прекрасного качества предназначавшихся для посева семян, а также вследствие обилия материала для удобрения – навоза от своего скота**. На границах засеянных участков ставились из белого камня специальные столбики с надписями, обозначающими размер занятого посевам поля. Затем отмежёваны были*

* Сегодня можно увидеть только полуостров и один разрушенный мост.

** Содержали коров, коз, овец. Часть скота закупалась за рубежом. Даже скотники приглашались из-за границы. Хозяйство получило название «Зенинская ферма». И сейчас можно увидеть здесь огромный валун с надписью «Граница Зенинской фермы».



Барский дом в Зенине



Зенинское училище

определенные пространства земли для искусственных лугов, на которых произрастали различные сорта трав. Каменные столбики с обозначениями размеров каждого участка ставились также и здесь.

Из своего буттового камня, выбиравшегося на собственной каменоломне, устроенной в Бушеве, проведено было длинное и удобное пятиверстное шоссе, огибавшее собою все имение, облегчая сообщение между отдельными его пунктами*. На подходящих местах по обоим берегам Пехорки возводились опять-таки из своего же буттового камня многочисленные строения, отличавшиеся рациональностью и фундаментальной солидностью постройки. Всех этих строений там было 22. Наибольший интерес и наибольшую ценность из них представляет, разумеется, барский дом. Выстроен он был в итальянском стиле, с большими окнами, и состоял из трех этажей (кроме подвального, где имелся колодезь с хорошей водою), причем нижний этаж был каменный, а верхние два – деревянные; сверху до низу весь он был оштукатурен. По обеим сторонам его находились площадки с цветниками, и здесь же, на довольно высоком берегу Пехорки, было приступлено к устройству парка... В 10 саженьях от главного барского дома выстроен был другой дом, одноэтажный, из своего буттового камня, высокий, с готическими окнами, с большим подвалом, предназначенным для склада вина, провизии, булочной и прочей**. К одной стороне этого здания была пристроена башня, двухэтажная, тоже каменная; внутри башни деревянная лестница приводила на крышу, откуда открывался широкий вид на окружающее пространство, причем виднелся верхний конец креста на колокольне Симоновского монастыря в Москве.

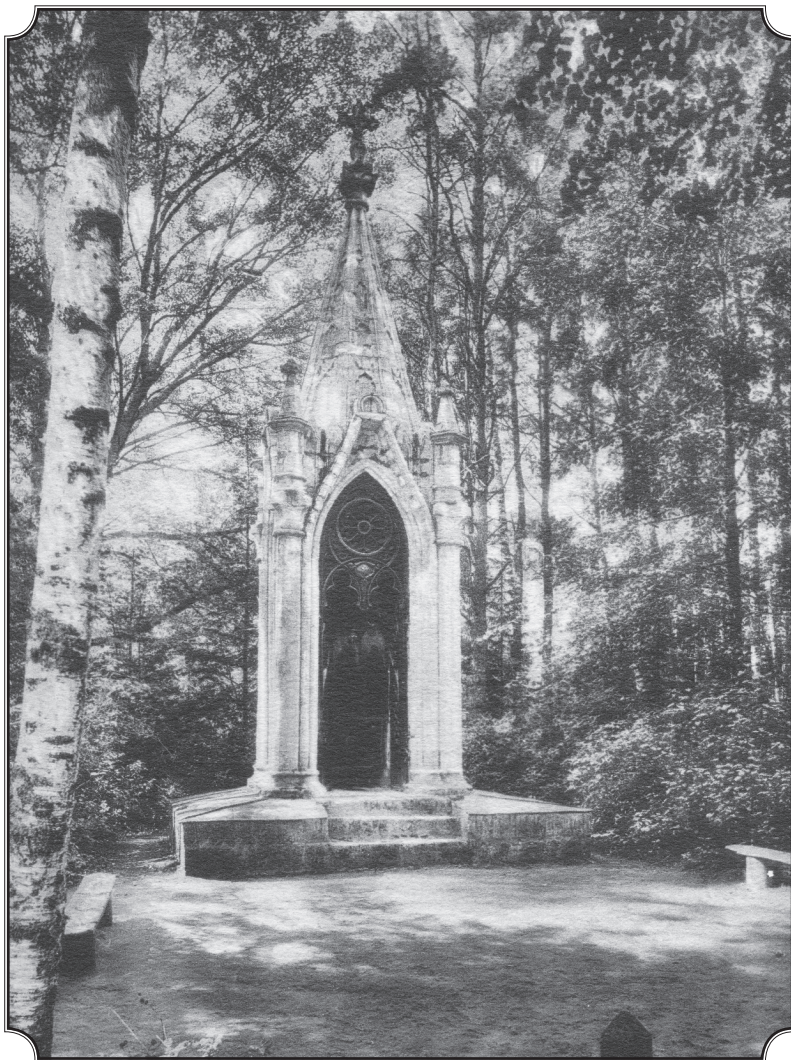
Кроме этих двух домов, в разных местах имения выстроены были десять хорошо оборудованных для жилья строений, а в 1837 году, невдалеке от главного дома, на том самом месте, где прежде стояла старинная деревянная церковь, сооружена была часовня из белого камня, в готическом стиле. Стояла она у самой шоссеиной дороги, представляя собой красивую картину на фоне окружавшей ее зелени от ваймутовых сосен и листвы берез. На юго-восток от нее, саженьях в ста, находились каменные домики садовников, состоявших при оранжереях и огородах, а также специальный сарай, служивший складом огородных продуктов. Тут же,

* Часть шоссе сохранилась. Дорогой пользуются и сейчас.

** Этот дом дожил до наших дней. В нем находится сейчас медицинское учреждение.



Башня в Зенине



Часовня

на обширной площади, обнесенной валом и окопанной канавой, стояли пять фундаментально построенных больших кирпичных оранжерей для ананасов, винограда, персиков, абрикосов, слив»*.

Была составлена подробная «родословная» означенных в названии книги сел, описаны достоинства земли и исторические памятники тех мест, намечена программа деятельности Городской управы, определены пути хозяйственной эксплуатации угодий.

Книга изобилует интереснейшими подробностями, уникальными фактическими сведениями, представляющими для нас сейчас большую ценность. Приведем только два примера:

*«Однако подобное создание нового имения потребовало, разумеется, не только больших денежных затрат, но и значительного количества рабочих рук, а между тем, последних на месте не было. И вот для удовлетворения назревшей потребности в начале тридцатых годов переводят из степных губерний крепостных крестьян, поселяют их на речке Черной в полуверстном расстоянии от барской усадьбы и пользуются их трудом. Из переселенных крестьян образовалась деревня Марусино, существующая на том же самом месте вплоть до нашего времени. Любопытно, что и до сей поры население ее заметно отличается от крестьян соседних деревень и, надо сказать, отличается выгодно. Чувствуется в нем природное трудолюбие, открытая прямота нрава, и вообще та разумная хозяйственность, благодаря которой общее материальное положение крестьян степной полосы России стоит так высоко по сравнению с положением крестьян средней ее полосы. Итак, таково было возникновение Зенина и такое оно было при З. С. Дивовой, его создательнице и устроительнице»**.*

Марусино существует и сейчас. Люди живут в нем и, быть может, не знают своих корней.

Пример второй:

«Но отнюдь не следует думать, что З. С. Дивова вывезла все имеющиеся в Зенине памятники старины. Такие памятники сохранились и после нее. Можно упомянуть из них о следующих:

* Село Троицкое-Кайнарджи... С. 12-13. Воду брали из колодца, от которого через подземные трубы и акведуки, частично ныне сохранившийся, она поступала в оранжереи, теплицы, к огородам.

** Село Троицкое-Кайнарджи... С. 16.

Камень плоский длиной 11, шириной 8 ½ и толщиной 1 ½ в. На нем краской изображен Император Александр I во весь рост в молодом возрасте, ведущий разговор с дипломатом или с государственным деятелем, внизу имеется надпись, малоразборчивая, на немецком языке.

Колонна на 4 столбиках с шаром наверху из мрамора. Это – миниатюра памятника, увезенного З. С. Дивовой.

Поясной портрет П. А. Румянцева-Задунайского на полотне длиной в 16, шириной в 12 в.

Каменная баба, вывезенная, вероятно, с юга России и стоявшая напротив дома, близ берега речки Пехорки, высеченная из цельного камня.

Все эти 4 предмета были И. И. Шаховским пожертвованы в Румянцевский музей*.

Интересно было бы разыскать эти экспонаты. Каменная баба до недавней поры стояла во дворе библиотеки им. Ленина. Место нахождения других предметов неизвестно. Когда создавалась Румянцевская публичная библиотека, многие экспонаты были переданы в различные музеи Москвы.

В ночь на 3 января 2010 года Москва лишилась еще одного исторического памятника. В Царицине сгорела знаменитая дача С. А. Муромцева. В этом доме он жил в начале XX века. Здесь работал над первой российской конституцией. Сюда часто навещивался И. А. Бунин, который был женат на племяннице Муромцева – Вере Николаевне. В 70-е годы прошлого века здесь жил у знакомых и работал Венедикт Ерофеев. Жители района по собственной инициативе основали в доме народный музей, который стал филиалом Литературного. Но они не сумели добиться для дома и его окрестностей статуса «достопримечательного места». А это была, быть может, последняя дачная усадьба в черте города. Местные власти планируют разместить здесь стоянку для уборочной техники. Не мешало бы напомнить всем ответственным за сохранность исторических памятников и достопримечательностей города завет И. И. Шаховского: «Достоинство Москвы требует, чтобы не пропал ни единый памятник ее славной истории».

* Троицкое-Кайнарджи... С. 20.

Исторический очерк завершался словами: «Достоинство Москвы требует, чтобы не пропал ни единый памятник ее славной истории». На титуле значилось: «Вся выручка от продажи этого издания предназначается в пользу больных и раненых воинов, содержащихся в городских лазаретах города Москвы». Шла война...

Память о прошлом должна стать достоянием будущих поколений москвичей. Иначе потомки наши обречены на бесконечные и бесплодные поиски утраченного времени.

Свою лепту в дело изучения истории Москвы внес выпускник Московского университета Иван Иванович Шаховской.

*Из материалов практики студентки III курса
факультета журналистики Алины Сафроновой*

А. И. Коновалов – предприниматель XX столетия

Каждое столетие имеет своих героев – это личности, которые способствуют прогрессивному развитию своей Родины, они стремятся улучшить жизнь людей путем проведения мирных реформ, направленных на создание социальной стабильности. Одним из героев XX века был Александр Иванович Коновалов (1875–1948) – крупный отечественный предприниматель и государственный деятель. Он внес значительный вклад в такие сферы жизни русского общества, как экономика, политика и законотворчество.

А.И. Коновалов родился 17 сентября 1875 г. в Москве в семье потомственных текстильных фабрикантов. Прадед Александра Ивановича был крестьянином, он жил в деревне Бонячки Костромской губернии и стал одним из первых предпринимателей, положивших начало хлопчатобумажной промышленности в этой местности. А.И. Коновалов принадлежал к четвертому поколению владельцев текстильным производством. Дело перешло ему из рук отца И. А. Коновалова, который был отстранен от предприятия в начале столетия и сослан в Харьков.

Воспитание и образование стали важными факторами, повлиявшими на формирование личности А.И. Коновалова, и сделали его в дальнейшем либералом. Он рос в семье, в которой придерживались вековых традиций старообрядчества, заботы о ближнем, в нем было воспитано острое чувство справедливости и стремление доказать окружающим свою полезность. Уже с детства Коновалов понял значение таких ценностей, как свобода личности, свобода слова, свобода вероисповедания.

На становление личности А.И. Коновалова особенно сильно повлияло обучение в Московском университете. Университет во все времена был местом, где зарождались лучшие либеральные идеи и витал дух свободомыслия. Несомненно, именно там Коновалов начал серьезно задумываться о политической деятельности. В 1895 г. он закончил физико-математический факультет Московского университета и продолжил обучение за границей – это был

третий этап формирования личности Коновалова. Он проходил стажировку в городе Мюльгаузен в Германии в профессиональной технической школе прядения и ткачества, практиковался на текстильных предприятиях. Знакомство с европейской культурой укрепило его либеральные взгляды: в этот период он понял, что лишь политическая борьба способна привести в жизнь русского общества положительные начала.

Вернувшись из Германии, А. И. Коновалов в 1897 г. стал председателем правления товарищества мануфактур «Иван Коновалов с сыном». В 22 года он оказался во главе огромной текстильной империи с уставным капиталом 5 миллионов рублей. Это стало основным фактором, оказавшим влияние на развитие личности Коновалова. Молодой человек взял на себя ответственность не только за деятельность предприятия, но и за судьбы его работников. В отличие от многих предпринимателей того времени, А. И. Коновалов прекрасно понимал, что увеличить производительность труда и размеры прибыли можно, только улучшив условия труда и жизни рабочих. Он активно занимался «рабочим вопросом». Важным для него было правовое положение рабочих. А. И. Коновалов не только внедрял на своих предприятиях передовые технологии, но пытался облегчить положение рабочих, например, в 1900 г. он ввел девятичасовой рабочий день. Предприниматель создал работникам своих мануфактур благоприятные условия для жизни: за счет прибылей фирмы построил казармы-общежития для холостых и поселок для семейных рабочих, открыл две школы, бесплатную библиотеку, создал две больницы и родильный приют с бесплатным лечением, построил ясли и клуб. Уровень социальной стабильности на фабриках его товарищества в период роста забастовочного движения был выше, чем на других предприятиях.

С того момента, как Коновалов стал во главе фирмы «Иван Коновалов и сын», он начал активно заниматься общественно-политической деятельностью. В 1905 г. он стал одним из организаторов Торгово-промышленной партии. Коновалов получил членство в Совете Съездов представителей промышленности и торговли (1906 г.) и Московском отделении торговли и мануфактур (1906–1911 гг.), председательствовал в Костромском комитете тор-

говли и мануфактур (1905–1908 гг.), а также в Совете Российского страхового союза (1908–1911 гг.).

Деятельность Коновалова не осталась незамеченной, и в 1910 г. его наградили почетным званием мануфактур-советника. А. И. Коновалов был инициатором создания Хлопкового комитета при Московской бирже (1908 г.), он входил в состав учредителей Московского банка Рябушинских и Русского акционерного льно-промышленного общества (1912 г.). В десятые годы XX века в Москве предприниматель организовал для рабочих сберегательную кассу, а также потребительское общество, которое снабжало их товарами по более низкой цене, чем у частных торговцев. В 1908 г. он стал гласным Московской городской думы.

Особо следует сказать о деятельности А. И. Коновалова, связанной с печатью того времени. В 1909 г. он стал одним из финансистов ежедневной газеты «Утро России», которая являлась печатным органом банковских и промышленных магнатов. Она давала возможность предпринимательскому классу открыто заявлять о своих экономических и политических требованиях. Это была газета прогрессивного направления, она затрагивала «рабочий вопрос», занималась защитой интересов землевладельцев и промышленников, выступала за политику протекционизма. Коновалов занял активную позицию в печати во время нарастающего общественного недовольства. В 1911 г. после забастовки студенчества в знак оппозиции царскому режиму, по инициативе Коновалова, в газете «Русские ведомости» был опубликован протест 66 московских промышленников и торговцев против репрессий по отношению к студентам Московского университета со стороны царской администрации. Предприниматель был противником насилия и старался по возможности проводить миротворческие акции.

В жизни Коновалова 1912 г. стал ключевым. Именно тогда началась самая серьезная часть его работы. В 1912 г. он входит в Центральный Комитет партии прогрессистов. От этой партии он баллотируется в Государственную думу четвертого созыва. Становится одним из лидеров процесса организации единой оппозиции правящему режиму и одним из организаторов «Прогрессистского блока». Коновалов получил возможность перенести опыт реше-

ния «рабочего вопроса» на своих предприятиях на масштаб всей России. Он чувствовал острую необходимость общества в рабочем законодательстве и к началу 1913 г. создал законопроект по рабочему вопросу, носивший либеральный характер. Законопроект предусматривал меры по охране труда женщин и малолетних, строительство жилищ для рабочих, страхование по инвалидности и старости. После продолжительных дискуссий и дебатов страховые законопроекты были приняты Думой. Вслед за этим был введен закон о страховании от несчастных случаев служащих, мастеровых и рабочих с железных дорог. Подобная «спешка» с принятием страховых законов была вызвана все более нарастающим рабочим движением, особенно после Ленского расстрела 4 апреля 1912 г. – расправы царских войск над рабочими приисков Ленского золотопромышленного акционерного товарищества.

В 1912 г. в жизни Коновалова произошло еще одно важное событие – он вступил в масонскую ложу “Великий Восток народов России”. Вместе с А. Ф. Керенским, М. И. Терещенко, И. Н. Ефремовым и Н. В. Некрасовым он составлял так называемую “масонскую пятерку” в Государственной думе. Ложа “Великий Восток народов России” объединяла несколько других масонских лож: думскую, военную, литературную и т.д. Думская группа, в которую входил Коновалов, занималась сглаживанием конфликтов и противоречий между различными фракциями в Государственной думе и обеспечивала их совместные выступления. Цели и задачи ложи сводились к защите прав гражданина и человека, допуская при этом свободу политических действий. В нее входили представители разных партий и движений, объединенных оппозиционным отношением к правящему режиму и стремлением достичь политической свободы. Вступление А. И. Коновалова в масонскую ложу было вызвано его стремлением создать оппозиционный антиправительственный блок. Он играл важную роль в масонской ложе, так как не только вкладывал в ее деятельность средства и привлекал капиталы, но также был посредником между оппозиционно настроенными людьми. Его деятельность была направлена на то, чтобы изменить изживший себя строй и провести модернизацию страны.

Коновалов пытался объяснить другим предпринимателям, что начиная войну с рабочими, они вредят прежде всего себе.

Он выступал против насильственных методов разрешения социальных конфликтов, считал необходимым ввести рабочее движение в легитимные рамки, не допустив, чтобы оно приобрело антигосударственный анархический характер.

С началом Первой мировой войны возникла реальная угроза кровавого народного бунта. Желая предотвратить анархию в обществе, Коновалов организовал Всероссийский рабочий съезд, на котором, как пишет К. П. Курылев, «должно было быть создано объединение, базировавшееся на действующих при военно-промышленных комитетах рабочих группах». «Армия пролетариата», как называл новую организацию Коновалов, должна была предотвратить революционный взрыв и стать тем могучим рычагом давления на самодержавную власть, той силой, которой не хватало отечественным либералам^{*}. В 1915 г. он стал товарищем председателя Военно-промышленного комитета, при котором создавались рабочие организации, он хотел создать рабочий союз, во главе которого стояли бы рабочие депутаты. «Рабочие группы» должны были стать легальными организациями рабочих, социальной основой оппозиционной деятельности либеральных партий. Коновалов придавал «рабочей группе» огромное значение, так как рассматривал ее, с одной стороны, как двигатель изменений, с другой, – как «оплот против других опасных течений в массе».

Правительство не поддержало инициативу Коновалова помогать «рабочей группе», и в начале февраля 1917 г., накануне открытия очередной сессии Думы, «рабочая группа» была арестована по обвинению в заговорщической деятельности и подготовке государственного переворота. В сложившейся ситуации найти компромисс с властью было невозможно. Разразившиеся в стране события вылились в Февральскую революцию, которую и предрекал Коновалов.

А. И. Коновалов вошел в состав первого Временного правительства. В марте он участвовал в переговорах с Великим князем Михаилом Александровичем, на которых последний отказался от престола. Весной 1917 г. Коновалов был назначен министром торговли и промышленности первого состава Временного правительства. В этот период он пытается сделать все возможное для того,

^{*} <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/17991>

чтобы улучшить ситуацию в обществе: решает создать отдел труда – коллегиальный орган с участием рабочих, предпринимателей и общественных организаций, говорит о развитии профсоюзов, приступает к разработке законопроектов о продолжительности рабочего дня, об охране труда, страховании, о биржах труда.

В то время в правительстве шли споры о введении восьмичасового рабочего дня. Коновалов выступил за выработку законопроекта о восьмичасовом рабочем дне, возможность введения которого он признавал после окончания войны. Он был сторонником отмены уголовного преследования рабочих за стачки, лимитации прибылей предпринимателей с целью смягчения социальных конфликтов в стране. Но все попытки Коновалова изменить положение не находили отклика у широких рабочих масс, подстрекаемых их социалистическими вождями, которые взяли курс на конфронтацию с правительством «министров-капиталистов».

Важно знать, что Коновалов был против удовлетворения абсолютно всех требований рабочих. Например, он считал, что удовлетворение их политических требований приведет к анархии и социальному взрыву. Коновалов занял жесткую позицию по целому ряду вопросов, особенно по тем, которые вели к снижению производительности и наносили ущерб предприятиям и государству. Он считал, что единственно возможный выход из кризисной ситуации – овладеть движением рабочих и направить его в русло закономерной классовой борьбы. Предприниматель всегда был против насилия. Он верил, что в отношениях с пролетариатом можно достичь компромисса. Он был решительным противником любых действий, чреватых вооруженным столкновением. Как только правительство решило применить силу в ответ на действия рабочих, Коновалов подал в отставку.

Летом 1917 г. А.И. Коновалов вступает в партию кадетов. Он ратует за сепаратный мир с Германией, утверждая, что отсутствие его автоматически приведет к власти Ленина. В сентябре 1917 г. он вошел в 3-й состав Временного правительства в качестве министра торговли и промышленности, а также заместителя министра-председателя. Перед отъездом из Петрограда А.Ф. Керенский поручил ему организацию вооруженного сопротивления

большевикам в столице 25 октября. Днем позже Коновалов был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В тот же день он направил письмо на имя председателя Учредительного собрания, подписанное всеми министрами, в котором Временное правительство передавало власть Учредительному собранию.

В начале 1918 г. А. И. Коновалов был освобожден и эмигрировал во Францию. Жизнь Коновалова в эмиграции была тяжелой: он видел, что несмотря на все усилия, его деятельность не принесла ожидаемых результатов. Предприниматель страдал от неумения жить в новой эпохе и чувствовал себя человеком прошлого века. В двадцатые годы он активно поддерживает противников большевиков, становится председателем совета общественных организаций, объединявшего левые эмигрантские круги. С 1924 г. он был председателем правления газеты "Последние известия", издававшейся в Париже. После вступления немцев во Францию вынужден был бежать с семьей в США. В 1948 г. в тяжелых страданиях Александр Иванович Коновалов скончался.

Хотя мы и называем Коновалова «героем своего века», на самом деле, он во многом опережал свое время, отчасти поэтому трагически сложилась его судьба, а лучшие идеи так и не были воплощены в жизнь. Значение этого человека для истории нашей страны немаловажно. А. И. Коновалов был одним из очень немногих, кто не просто на словах, но на деле оказывал помощь рабочим, пытался обеспечить им достойную жизнь. Он не был фанатиком своей идеи и с помощью логики и здравого смысла сформировал оптимальную для того времени позицию по отношению к происходящим событиям. Она заключалась в том, чтобы удовлетворять объективные требования рабочих, сохраняя за собой руководство предприятиями. Коновалов прекрасно чувствовал, что общество еще не достигло достаточной степени развития, чтобы передать правление в руки рабочих. Сегодня мы знаем, насколько прав был Коновалов и к чему привел социальный экстремизм лидеров рабочего движения. К сожалению, его разумные предложения о том, что надо начать переворот (скорее, поворот) с постепенного решения насущных проблем рабочих в период острейшего кризиса и в условиях войны, когда общество требовало радикальных перемен, так и не были услышаны.

Несомненно, Александр Иванович Коновалов прилагал все усилия для того, чтобы направить Россию на путь демократического развития. Хочется повторить слова директора Московского коммерческого института П.Н. Новгородцева, сказанные об А.И. Коновалове: «...Побольше бы таких Коноваловых у нас было, хорошо бы тогда народу жилось»*.

* <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/17990>

Учителя и ученики

«Никто не имеющий воспитания сам, других учить не может, и учитель, не показывающий собою примеров честности, добродетели, непорочности нравов и благоразумия, больше вреда, нежели пользы, приносит воспитываемым».

*«Способ учения» – первый коллективный труд
в университете. Издан в 1771 г.*

«Студенты ценили профессоров, профессора понимали студентов: те и другие гордились своим университетом, тех и других уважало общество».

В. О. Ключевский

Из воспоминаний выпускников Московского Императорского университета XIX века

(воспоминания печатались в № 2 журнала «Заря» за 1914 г.)

Одна из наиболее интересных эпох в жизни Московского университета это, безусловно, период сороковых-шестидесятых годов (XIX века. – Ред.). Тогда еще университет представлял из себя действительно храм науки, какую-то своеобразную чисто научную республику, членами которой являлись профессора и студенты. Здания, принадлежащие университету, весь этот клочок земли, являлись маленьким государством в государстве.

Жизнь профессора проходила на виду у всех студентов. Он был их другом, старшим товарищем. Со всяким недоразумением, со всякой просьбой студенты шли непосредственно к своему профессору. Для студента и для его учителя были одинаково дороги интересы университета, задачи науки. Это были главные цели их существования.

Профессора Бабухин, Полунин, Матюшенко, Захарьин – все это типичные москвичи, типичные питомцы Московского университета. На всех них лежит какая-то своеобразная печать, все они отличались, каждый в своем роде, какими-нибудь привычками, чудачествами. Но это все было неотъемлемо от них, все это проходило на виду у студентов, которые знали их, любили, прощали очень многое, так как понимали их душу и характеры.

Наиболее характерную фигуру профессора того времени представляет из себя профессор Бабухин. Его бюст стоит и теперь в гистологической лаборатории Московского университета, но скульптор только отчасти передал наружность профессора, так как был очень грешен против анатомии.

Уже одна внешность Бабухина поражала всякого, кто его встречал. Тонкий, худой, очень изящного склада, с маленькими руками и ногами, он очень походил на изображения подвижников, которые обычно принято исполнять с неземными, постными, худыми лицами. Серые умные глаза смотрели иногда сурово, иногда очень милостиво, смотря по настроению или по поведению слушателя. Лицо его вечно нервно подергивалось, часто меняло свое выражение, и когда профессор был чем-нибудь очень рассержен, то было даже жутко смотреть на него.

Оригинал с головы до пят, Бабухин больше всего на свете боялся холода, боялся до того, что вечно носил самые странные необычайные наряды. Несмотря на то, что у него были прекрасные длинные волосы, он носил кроме того на голове парик. Сверх парика он всегда надевал шелковую шапочку, а при выходе на воздух – большую шапку. Этих шапок у него был целый ассортимент. Он так боялся простудить голову, что даже имел специальную спиртовую лампу, чтобы нагревать шапку перед тем, как надеть ее на голову. В комнате он ходил всегда в шерстяном белье, в толстом суконном платье и поверх всего в легком драповом пальто. На ногах вечно были кожаные калоши, с которыми он не расставался ни на минуту. При выходе на воздух он надевал шинель, шапку и закутывался еще в большой плед. Конечно, ходить в таком виде он не мог, передвигаться было совершенно невозможно. Квартира его находилась во дворе университета в 20 шагах от лаборатории. И вот, каждое утро на дворе можно было наблюдать любопытную

картинку, как профессора Бабухина везут в университет на извозчике. Его знали все извозчики, бравшие по 10 копеек за такое оригинальное путешествие через двор. Но иногда попадался новый извозчик, не знавший, к какому подъезду надо подвезти профессора. Бабухин начинал ругаться, кричать. Сбегались все служители университета, и извозчика торжественно направляли на нужную дорогу. Боязнь простуды у профессора Бабухина была так сильна, что он по окончании лекции всегда нагревал на спиртовой лампе свою шапку, надевал ее, молчал некоторое время и только тогда выходил на воздух, чтобы совершить свое обратное путешествие домой на извозчике.

Профессор Бабухин был одним из первых русских ученых шестидесятых годов, поднявшим русскую науку на один уровень со всей западно-европейской и заставившим уважать эту науку. А это было трудно в то время, когда университет до него питался только выписанными немцами-профессорами и их трудами. Происходивший из бедной семьи, из разночинцев, он сумел добиться того, что стал одним из уважаемых и любимых профессоров своего времени. Прекрасный лектор, живой, чрезвычайно остроумный, он всегда кстати умел коснуться всевозможных предметов в своей лекции в самой увлекательной и интересной форме. Обладавший редким аналитическим умом, он был человеком яркого критического таланта. Критик и скептик он был такой, что это даже вредило как ему самому, так и его ученикам. Все научные выводы более или менее несовершенны, временны и вечно изменяются. Видя везде возможность ошибок и ложность выводов, Бабухин сам подсекал себя в корень, оставался без определенных теорий и выводов из добытых им данных. Он требовал непреложных, непоколебимых теорий и в результате не добивался никаких.

Наиболее плодотворной его деятельность была в начале его профессуры. К этому времени относится и его труд «Развитие электрических органов из мышц». Первый профессор микроскопической анатомии в Москве, обладавший большим числом учеников и последователей, Бабухин всю свою жизнь прожил, на первый взгляд, незаметной, но очень богатой содержанием жизнью кабинетного ученого.

Из интервью В. А. Садовниченко корреспонденту газеты «Трибуна» А. Заозерской (2 декабря 2004 г.)

Какие имена – Погодин, Грановский, Каверин, Цветаев, Соловьев, Ключевский, Вернадский! Светила науки, выдающиеся историки, первооткрыватели верой и правдой служили Московскому университету. Интересно, а кто у ректора МГУ самый любимый профессор?

Безусловно, мой кумир – академик Андрей Колмогоров, хотя и не был его прямым учеником! Ну а самый любимый – Дмитрий Евгеньевич Меньшов. Это был человек, что называется, не от мира сего. Он ходил в одном пиджаке, который вместо пуговиц застегивал булавкой.

Своим видом напоминал Даниила Хармса – такой же худой, высокий, с профессорской бородкой, в чудаковатой одежде, Дмитрий Евгеньевич вообще не понимал смысла в деньгах. Спал на сундуке, внутри которого находились книги. Жил в коммуналке, хотя ему не раз предлагали отдельную квартиру. А когда его дом снесли, то остался на улице. Последние годы профессор провел в санатории «Узкое», где я его нередко навещал. Это был последний из могикан – человек самозабвенно преданный науке. За свою почти столетнюю жизнь, кроме математики, он ничего другого не знал и не принимал.

Если бы я мог вернуться в свои студенческие годы и выбрать научного руководителя, а наши студенты вправе это делать на третьем курсе, то, не задумываясь, взял бы в наставники профессора Меньшова.

Еще более оригинальна личность профессора более раннего периода Алексея Ивановича Полунина. Он обладал необыкновенно чудаковатой внешностью и оригинальной фигурой. Его иначе нельзя было увидеть, как в форменном фраке с золотыми пуговицами и с какой-то звездой на левом боку. Толстая короткая фигура с необыкновенно большими ушами, на лице необычайная бородавка с волосами и громадные круглые золотые очки. Шею сти-

скивал какой-то воротник вроде жабо. Между прочим, все это отличалось поразительной чистотой и аккуратностью.

Когда Полунин выходил на воздух, он надевал громадную енотовую шубу с колоссальным воротником, картуз с козырьком и боты. В таком виде, не раздеваясь, он читал лекции студентам в анатомическом театре, помещавшемся во флигеле при Екатерининской больнице. Этот флигель отличался тем, что его никак нельзя было нагреть более чем до четырех градусов тепла. Все студенты поэтому принуждены были тоже сидеть в шубах, и лекция представляла из себя оригинальную картину.

Полунин не читал лекцию, он пел ее, особенно распевая все предлоги и союзы. Каждая лекция его начиналась со слов: «Прошлым разом мы...» – профессор делал выпад левой рукой вперед, ударял себя по уху и по бородавке, прищелкивал пальцами. Новые слушатели Полунина в первое время, пока не привыкли к его пению и прищелкиванию, хохотали в течение всей лекции. Хохот еще более усиливался, когда Полунин вдруг начинал рассказывать о всевозможных заболеваниях, иллюстрируя их примерами и соответственной жестикულიей. Так он вдруг начинал изображать слушателям, как происходят у женщины роды, в другой раз описывать картинку, как на балу было сто девиц, из них 99 благоразумных и одна зефирная, неблагоразумная, в декольте, как она благодаря этому декольте простудилась и умерла от чахотки. И все это он иллюстрировал соответственными жестами, распакивал свою шубу, чтобы показать декольте девицы и т. д. В аудитории все время стоял гомерический хохот. Несмотря на свои чудачества, Полунин был очень благородный и бескорыстный человек. Во время своей врачебной практики он терпеть не мог, чтобы ему платили много за визит. Если это случалось, он страшно сердился, вынимал кошелек и давал сдачи, так как признавал только сумму не выше трех рублей за визит.

Когда он был назначен деканом и был при исполнении своих обязанностей, то, боже упаси, студенту назвать его по имени и отчеству. Он моментально выходил из себя.

– Что-сс?.. Кто я такой вам дался?.. Я господин декан, а не Алексей Иванович...

Но стоило ему войти в аудиторию как профессору, он начал сердиться на тех, кто теперь называл его господином деканом, а не Алексеем Ивановичем.

На экзаменах с ним происходили самые невероятные случаи. Строгий, требовательный, он все-таки в результате никому не ставил меньше тройки. Но вот однажды случилось небывалое: Полунин поставил какому-то студенту двойку. Узнав об этом, студент заявил Полунину, что он застрелится, так как двойка непереводной балл, и с этими словами студент ушел.

Полунин пришел в неописуемый ужас. Немедленно позвал на совещание субинспектора Богословского, и на совете этом было решено ехать отыскивать самоубийцу-студента. После долгих поисков они находят его где-то на окраине, на Девичьем поле. Полунин и Богословский входят в комнату и видят, что студент лежит на кровати.

– Мы вам поставили удовлетворительный балл, – заявляет Полунин. – Только вы должны дать нам подписку в том, что не застрелитесь.

Студент, конечно, дал требуемую подписку, и весь инцидент окончился к обоюдному удовольствию.

У Полунина был служитель латыш – Иван Иванович, на редкость бестолковый человек. Удивительно, что Полунин говорил ему всегда «вы», а Иван Иванович профессору – «ты». Однажды в анатомическом театре, в Екатерининской больнице, Полунин во время лекции потребовал полотенце. Один из студентов, подражая голосу Ивана Ивановича, вдруг ответил: «Эка... Не дам я полотенца».

Полунин, не подозревая мистификации, вступает в пререкания с затерявшимся в толпе студентом – мнимым Иваном Ивановичем.

– Что это с вами, Иван Иванович? Как это вы не дадите?

– Не хочу дать и не дам, – отвечает мистификатор.

– Иван Иванович, опомнитесь, с вами говорит профессор!

– Да вы белены объелись, Иван Иванович, – произносит Полунин, расталкивает группу студентов и натывается на настоящего Ивана Ивановича, который был здесь все время.

Полунин начинает бранить его, повторяет все вышесказанное. Иван Иванович ничего не понимает и, наконец, произносит:

– Да ты никак сам белены в самом деле объелся...

Однажды Полунин ехал по Немецкой улице. Вдруг он замечает, что на подоконнике, на третьем этаже одного из домов, стоит ящик с припасами, выставленный одной из кухарок. Полунину пришло в голову, что этот ящик может упасть, что он угрожает опасностью прохожим. Недолго думая, он останавливает извозчика, идет в незнакомый дом и требует, чтобы убрали «опасный ящик».

И таких курьезов с Полуниным была масса. Но несмотря на все это, он был абсолютно бескорыстный, добрый, отзывчивый человек, всегда готовый прийти на помощь талантливому человеку, много сделавший хорошего в бытность свою деканом как администратор.

Наиболее ценным его трудом были записки о холере. В них Полунин описал все свои наблюдения, сделанные им еще в годы юности, когда болезнь эта появилась у нас впервые. По тому времени книга его представляла собою единственный труд в своем роде, имевший громадное значение.

Никита Иванович Крылов читал такую скучную и сухую науку, как римское право, но его чтение захватывало слушателей – так своеобразно и оригинально передавал он свой предмет. Отличительной чертой Никиты Ивановича во время чтения им лекции была поразительная подвижность. Он ни минуты не оставался в покое, жестикулировал, то свертывал, то развертывал носовой платок. Нередко он сходил с кафедры и изображал в лицах высказываемые мысли. Слушатели переносились в древний Рим, как бы присутствовали на римском судоговорении у претора, ясно усваивали зарождение и развитие различных институтов римского права. Между прочим, учениками Н. И. Крылова были покойный С. А. Муромцев и поныне здравствующий князь Л. С. Голицын. Крылову же приписывают любопытное столкновение с обер-полицмейстером на Политехнической выставке в Москве. Крылов будто бы явился на выставку в такой потертой, выцветшей шинели, что обер-полицмейстер грубо обратился к нему с требованием уйти и на отказ Крылова закричал: «Ты знаешь, с кем ты разговариваешь?». «Судя по невежеству, с вами, г-н обер-полицмейстер».

Впрочем, достоверность этого рассказа находится под сомнением, и этот факт произошел, может быть, и не с Крыловым, а с одним из студентов, его слушателей.

Из студенческих воспоминаний Ю. А. Бунина

Я учился в Московском университете в конце 70-х начале 80-х годов. Жизнь университета в то время во многих отношениях резко отличалась от современной. Тогда действовал еще устав 1863 года, и я думаю, что тогда совершенно были немислимы факты, пережитые нашей Alma mater 3 года тому назад и поведшие к крушению ее славных традиций.

Напротив, в описываемое мною время в университет привлекались лучшие силы из молодых ученых. Достаточно вспомнить имена покойных А. И. Чупрова, С. А. Муромцева и В. О. Ключевского и ныне здравствующих М. М. Ковалевского, И. И. Янжула и др. Слушать их сходились студенты со всех факультетов, в том числе и многие из нас – студентов физико-математического факультета. Особою любовью и популярностью пользовался А. И. Чупров. Почти каждая его лекция заканчивалась громом аплодисментов. Некоторые старые профессора также были любимцами молодежи. Теперь, мне кажется, трудно себе представить, чтобы, например, на лекции такого специального предмета, как гистология, сходилась чуть не весь университет. А тогда именно было так. Профессором гистологии был знаменитый ученый А. И. Бабухин, читавший не более 5–6 раз в году. По виду он напоминал гетевского Фауста, погруженного в решение мировых проблем. Его лекции касались всегда самых основных вопросов науки и философии.

На нашем факультете были также такие выдающиеся ученые, как профессор Бредихин, Столетов, Цингер, Бугаев и др. Исключение представлял лишь профессор опытной физики Любимов, сподвижник Каткова и Леонтьева. Чуть не все профессора, выражаясь нынешней терминологией, «бойкотировали» его после того, как он в половине 70-х годов выступил противником академического автономии. Его курс физики мало чем отличался от гимназического, и студенты относились к нему с явным пренебрежением*.

Ректором университета был в мое время известный историк литературы Н. С. Тихонравов, а проректором – блестящий молодой

* Тяжелое воспоминание оставило по себе еще одно лицо – субинспектор нашего факультета, впоследствии инспектор университета Брызгалов. Он кончил печально. Ему нанес оскорбление действием один студент в конце 80-х годов.

ученый С. А. Муромцев (ему не было тогда еще и 30 лет). Несмотря на то, что Тихонравов был очень гуманный и прогрессивный человек, ему не удалось избежать резкого конфликта со студенчеством в 1880–81 учебном году. Довольно значительная часть молодежи была тогда очень радикально настроена и не могла примириться с «постепеновщиной» ректора. Я сам принадлежал к этой группе молодежи и теперь, вспоминая прошлое, должен признаться, что наша психология была вполне понятна. Двойственная политика «новых веяний», «диктатура сердца» Лорис-Меликова и его сподвижников не могла действовать умиротворяющее на романтически настроенную молодежь.

Активное студенчество делилось тогда на две группы: радикалов и либералов. Теперешних «академистов», «черносотенцев» и т. п. тогда почти совсем не было, по крайней мере, они совсем ступшеывались. Борьба шла лишь между «либералами» и «радикалами», и борьба подчас ожесточенная, но нередко случалось, что в этой борьбе сказывалась не столько разница идей, сколько разница темпераментов. Мы – «радикалы» – своими духовными вождями считали Чернышевского, Лаврова, Михайловского и др., зачитывались Гл. Успенским, Некрасовым, Златовратским и проч. Мы глубоко верили в скорое наступление на земле царства равенства и справедливости. Много прекрасных и идеальных образов молодежи на всю жизнь запечатлелось в моей памяти. Я уверен, что их хорошо помнят и прочие мои сверстники. Назову покойного Н. Ф. Омирова – автора петиции министру народного просвещения Сабурову, человека, заставлявшего своими речами плакать целые сходки, и И. Ю. Старыковича, пошедшего на 20 лет в каторжные работы за распространение прокламаций среди гимназистов.

Он жестоко пострадал только за то, что на суде держался с чисто юношескою откровенностью. Большую роль среди студентов играли еще П. П. Викторов, П. П. Кащенко (теперь оба врачи-психиатры), С. В. Мартынов и др.

Наш кружок «воронежцев» также пользовался большою популярностью. Несмотря на то, что большинство радикальной молодежи было предано политике, оно в то же время усердно занималось и наукой. К числу отрицательных черт нашей университетской жизни надо отнести наше слабое общение с профессорами и

недостаток различных практических занятий (исключение составляли только медики). В наше время среди студенчества функционировали различные учреждения, такие, как касса взаимопомощи, библиотека-читальня, кухмистерская и проч.

Известную дань студенчество отдавало и развлечениям. Устраивались балы, концерты, вечеринки и проч. Многие увлекались театром и оперой. Из артистов наиболее любимыми были тогда М. Н. Ермолова, Г. Н. Федотова, баритон П. А. Хохлов и др. Однако главный наш интерес, захватывающий и увлекающий, все же составляла политика и общественность.

Первый директор Московского университета *Иван Иванович Мелиссино*

Вот что писал об И. И. Мелиссино (1718-1795) русский и украинский историк, археограф и составитель восьмитомного «Словаря достопамятных людей Русской земли» Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский: *«В Москве с давних времен жило много греческих семей, которые тем не менее ничем не отличались от своих русских соседей. Это было связано с тем, что греки гармонично сосуществовали с русской средой.»*

Семья Мелиссиносов принадлежала к одному из самых знатных византийских родов, члены которого после падения Константинополя поселились в греческих провинциях, находившихся под покровительством Венеции (Крит и Ионические острова, прежде всего Кефалония).

Выходцы с острова Кефалония сделали блестящую карьеру в России в период правления Петра Великого. Одним из них был и Иван Мелиссино.

Его отец изучал медицину в Италии, а затем, как и многие его соотечественники, эмигрировал в Россию, где под влиянием реформ, проводимых Петром, сложились благоприятные условия для развития науки. Позднее Мелиссино-старший, сделавший в России головокружительную карьеру, стал лейб-медиком императрицы Елизаветы Петровны.

Брат Ивана Мелиссино Петр, генерал русской армии, долгое время возглавлял Артиллерийский инженерный кадетский корпус, выходцем которого впоследствии стал граф Аракчеев.

Сам Иван Иванович, несмотря на учебу в кадетском корпусе и блестящие перспективы на военном поприще, как и его отец, избрал гражданскую службу, венцом которой стало его 24-летнее пребывание в должности главы Московского университета.

Он был известен и почитаем не только как талантливый филолог – специалист в области греческой и латинской словесности, но и как искусный руководитель: до нас дошли своего рода легенды о самоотверженности Мелиссино в период эпидемии моровой язвы, когда он, рискуя жизнью, спасал своих студентов.

Судьбы представителей рода Мелиссино, проживавших в обеих российских столицах, типичны для ранней греческой иммиграции в Российскую империю: как и большинство греков, оказавшихся в этой стране в XVIII столетии, они реализовывали себя в области высшего образования, медицины или на военном поприще и нередко добивались действительно значительных успехов.

Эти успехи можно объяснить тем, что «русские» греки являлись православными носителями западной культуры, чем облегчали ее восприятие в целом во многом консервативном русском обществе того времени».*

* *Словарь достопамятных людей Русской земли. М.: 1836. Ч.3.С. 300–302.*

Профессор Московского университета А. А. Грушка, его учителя и ученики

Аполлон Аполлонович Грушка родился 31 декабря 1869 г. по старому стилю (12 января 1870 – по новому) в Санкт-Петербурге. Происходил из семьи потомственных дворян Петербургской губернии. По сведениям, полученным от его вдовы Ульяны Михайловны (точнее Юлианы, урожденной Боголеповой. – *Е. Скударь*) и дочери Евдокии Аполлоновны Дугладзе, его фамилия имеет чешское происхождение.

Мы практически ничего не знаем о родителях и о детстве А. А. Грушки. Из недавно обнаруженной в архиве его внучки Марьяны Вахтанговны Воронковой научной биографии А. А. Грушки, «*Curriculum vitae* проф. А. А. Грушка», написанной его рукой, следует, что среднее образование он получил в Москве: четыре года проучился в реальном училище, а затем перешел в классическую гимназию, которую закончил в 1888 г. В этом же году был принят на юридический факультет Московского Императорского университета, где его учителями были такие крупные представители этой науки, как М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев, Ю. С. Гамбаров, Б. Н. Чичерин, Н. П. Боголепов (будущий родственник: в 1902 г. А. А. Грушка женился на его племяннице Ульяне Михайловне Боголеповой, которая обучалась на Московских Высших женских курсах, где Грушка преподавал помимо университета).

Прослушав здесь неполный курс, перешел на классическое отделение историко-филологического факультета. Тут он в полной мере ощутил свое призвание. В 1891 г. Грушка получил золотую медаль за представленное на заданную факультетом тему сочинение о языке Катгулла.

В 1893 г., сразу по окончании Университета с дипломом 1 степени, по представлению профессора Федора Евгеньевича Корша был оставлен при факультете для приготовления к профессорскому званию. блестяще сдал магистерские экзамены и в 1897 г. был принят на работу в качестве приват-доцента кафедры классической филологии.



Аполлон Аполлонович Грушка в 1929 г., незадолго до смерти
(Фотография публикуется впервые)



Аполлон Аполлонович Грушка с женой Ульяной Михайловной

В 1900 г. защитил диссертацию «Исследования из области латинского словообразования», получив степень магистра, а в 1906 г. стал доктором латинской словесности, защитив вторую диссертацию, докторскую, которая называлась «Этюды по латинскому образованию». Обе диссертации были опубликованы.

В сентябре 1907 г. Грушка был утвержден в звании экстраординарного, а в 1909 – получил звание ординарного профессора. С 1911 г. – заведующий кафедрой классической филологии, а в 1912 г.* уже декан историко-филологического факультета.

В этой должности А. А. Грушка прослужил до закрытия факультета в 1921 г.

В 1928 г. Грушка стал членом-корреспондентом Академии наук СССР. В 1929 г. – скончался после тяжелой болезни (рак гортани).

В предлагаемой вашему вниманию статье мы совсем не затрагиваем вопросов, связанных с общественной деятельностью профессора, не рассматриваем его ближайшее окружение, не освещаем его роль в жизни научной и культурной интеллигенции Москвы, и не только Москвы, но и России в целом (эту роль он, определенно, играл, о чем свидетельствует его переписка).

Здесь перед нами стоит совершенно конкретная задача: рассказать о любимых учителях А. А. Грушки – профессорах Московского университета, благодаря которым он достиг того, чего достиг, – и учениках Аполлона Аполлоновича, среди которых тоже много выдающихся личностей, считавших себя обязанными Грушке, любивших и почитавших его на протяжении всей жизни.

Сначала учителя. Грушке посчастливилось слушать лекции по истории В. О. Ключевского, В. И. Герье, И. В. Цветаева, учиться у таких корифеев филологии, как Ф. И. Буслаев, Н. С. Тихонравов, Г. А. Иванов, Н. И. Стороженко, О. М. Бодянский, Ф. Е. Корш, Ф. Ф. Фортунатов и др.

Наиболее близкими ему людьми среди них, равно как и Грушка был их любимым учеником, были академики Ф. Е. Корш, Ф. Ф. Фортунатов, профессора И. В. Цветаев и Г. А. Иванов.

* Здесь приводятся сведения из автобиографии. Они расходятся с данными из Отчетов Московского Императорского университета, где годом избрания деканом назван 1911.

Особая близость возникла между Грушкой и Федором Евгеньевичем Коршем (1843–1915) – знаменитым русским филологом и лингвистом, уникальным специалистом как в области классической филологии, так и востоковедения, профессором классической филологии, преподававшим в Московском университете и греческую, и римскую литературу. Кроме того, Корш работал в Лазаревском институте восточных языков, где занимался персидской филологией.

С 1900 г. Корш – академик. В лингвистике он, как и Фортунатов, был сторонником сравнительно-исторического метода.

Он был выдающимся поэтом и переводчиком, мнение которого считалось едва ли не самым авторитетным в среде многих знатоков и ценителей поэзии. В частности, его советами дорожил А. А. Фет, который состоял с ним в переписке*.

Академик Петербургской Академии наук Филипп Федорович Фортунатов (1848–1914) – замечательный русский ученый – языковед, основоположник московской лингвистической школы, чью роль в развитии общего и сравнительного языкознания и в изучении русского языка трудно переоценить и которому принадлежат труды не только по общему и русскому языкознанию, но и по индоевропеистике, славистике, санскриту, ведийской филологии.

Профессор Иван Владимирович Цветаев (1847–1913) – историк, искусствовед и филолог (Грушка очень высоко ставил Цветаева как филолога, что подтверждает его статья, вернее записанное выступление, «Цветаев как итальянский диалектолог»)**, создатель и первый директор открывшегося при историко-филологическом факультете Московского университета в 1912 г. Музея изящных искусств (первоначально Музея слепков). Существенную помощь

* Космолинская Г. А. Письма А. А. Фета к Ф. Е. Коршу // Из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета. (Исследования и материалы): Сборник. М., 1993. С. 204–228.

** Грушка А. А. Профессор И. В. Цветаев как итальянский диалектолог: Речь декана ист.-фил. Ф-та Московского университета // Отчет о соединенном заседании Высочайше утвержденного Комитета по устройству Музея изящных искусств имени Императора Александра III и Совета Императорского Московского университета, посвященном памяти И. В. Цветаева и Ю. С. Нечаева-Мальцова. 15 декабря 1913 г. М., 1914. С. 2–23.

и поддержку в этом деле оказал ему А. А. Грушка, в то время уже декан историко-филологического факультета. Об этом вспоминала дочь И. В. Цветаева Анастасия Ивановна*.

В годы, когда Грушка был уже заведующим кафедрой и деканом, все они еще продолжали свою научную и педагогическую деятельность.

На смерть И. В. Цветаева и Ф. Е. Корша** Грушка откликнулся траурными речами и некрологами, причем не формальными отписками, как часто бывает в связи с событиями такого рода, а настоящими исследованиями их заслуг перед наукой и культурой. Его искренняя скорбь подсказала ему удивительно проникновенные слова, тронувшие многих, знавших Ивана Владимировича и Федора Евгеньевича. Это подтверждается благодарственными письмами из архива А. А. Грушки. Например, профессор одесского Новороссийского университета Б. В. Варнеке*** писал Грушке в письме от 6 марта 1916 года: «Удивляюсь Вашему мастерству характеристики и личности Ф. Е. Корша и его трудов. Такой некролог скорее, чем в год, действительно написать нельзя было. И теперь я чувствую, как справедливо восторгался Вашим докладом 16 февр. А. Вас. Флоровский»****.

Большое влияние на формирование Грушки как ученого-латиниста оказал профессор Гавриил Афанасьевич Иванов (1826–1901). Об этом человеке имеются весьма противоречивые отзывы в воспоминаниях некоторых выпускников Московского университета. Одни, как например, П. Н. Милюков****, характеризует его как

* Цветаева А. И. Воспоминания. М., 1984. С. 462.

** Грушка А. А. Федор Евгеньевич Корш. М., 1916. 79 с.

*** Варнеке Борис Васильевич (1878–1944). Один из лучших знатоков античного театра. Профессор вначале Казанского (1904–1910), а затем Новороссийского (с 1910) университетов. Автор очерка «Памяти Ф. Е. Корша» (Одесса, 1915). Цитируется письмо из нашего архива, впервые.

**** Флоровский Антоний Васильевич (1884–1968). Русский историк-славист. С 1920-х гг. в эмиграции. Профессор Карлова университета в Праге.

***** Милюков Павел Николаевич (1859–1943). Историк. Общественный и политический деятель, один из основателей партии кадетов, депутат III и IV Государственных дум, публицист, с 1886 г. приват-доцент Московского университета. После 1917 г. – в эмиграции.

человека консервативных, верноподданнических взглядов, всегда заискивающего перед начальством, и отнюдь не плодovitого ученого, оставившего скудное наследие.

Другие, в частности А. А. Кизеветтер*, напротив, с восхищением говорит о нем как о талантливом самоучке, тонком знатке латинского языка и римской поэзии, прекрасном поэте и переводчике.

Заслугой Иванова перед наукой филологи-классики считают, например, издание им трактата предположительно Клеонида «Ἐπισημειώσεις ἐπὶ τῆς ἱστορίας τοῦ Ἰουδαίου» (М., 1895), снабженное подробными примечаниями.

Всех четверых А. А. Грушка высоко ценил, уважал и любил, сохранив чувство благодарности к ним на всю жизнь.

Сам он был таким же почитаемым и любимым учителем для других поколений студентов Московского университета, какими были для него Корш, Фортунатов, Цветаев и Иванов.

Одним из самых ярких учеников Грушки был Николай Сергеевич Арсеньев (1887–1977) – выдающийся историк западноевропейской литературы, философ, ученый-богослов, поэт. По окончании историко-филологического факультета он был оставлен при Университете для приготовления к магистерским экзаменам, а уже с 1912 г. занимался преподавательской деятельностью. В 1914 г. стал приват-доцентом, а 1919 – профессором. По рекомендации А. А. Грушки преподавал также на Высших женских курсах. С 1920 г. находился в эмиграции. Был профессором Варшавского, Боннского, Кёнигсбергского и других университетов. Сейчас его научное наследие наконец оценено по достоинству.

Публикуем здесь два письма Н. С. Арсеньева А. А. Грушке. В том и другом отсутствует датировка, но можно предположить, исходя из их содержания, что они написаны приблизительно между 1907 и 1912 гг.

* Кизеветтер Александр Александрович (1966–1933). Профессор-историк Московского университета, член-корреспондент Академии наук. Общественный деятель, член ЦК партии кадетов, депутат II Государственной думы, видный публицист.

Москва, Садовая, 3.
Четверг, 25-ое сент./7 окт.

Глубокоуважаемый Аполлон Аполлонович!

Пользуясь Вашим любезным разрешением, беру на себя смелость напомнить Вам, что Вы, равно как и Виктор Карлович Поржезинский, нашли вполне удобным, чтобы я держал у него экзамен в следующее заседание факультета, т. е. 8/21 октября экзамены по средне-верхне-немецкому языку (*mittelhochdeutsch*).

Позвольте мне еще раз глубоко поблагодарить Вас за всю Вашу доброту. Примите, глубокоуважаемый Аполлон Аполлонович, выражение глубокого почтения и искренней преданности Вам Николая Арсеньева.

Очевидно, что это письмо написано в период, когда Арсеньев был еще студентом или готовился к магистерским экзаменам. Из него следует также, что он был своим человеком в доме Грушки, знал его супругу. Упомянутый в письме Поржезинский (1870–1929) – профессор, с 1902 г. заведующий кафедрой сравнительной грамматики индоевропейских языков, специалист в области балтийского языкознания, полонист.

Другое письмо, вероятнее всего, написано Арсеньевым в пору, когда он уже окончил Университет и занялся издательской деятельностью. Как можно догадаться, А. А. Грушка был в курсе этой деятельности и, как мог, ее поддерживал. Вот текст письма:

Глубокоуважаемый Аполлон Аполлонович!

Позвольте приложить при этом письме счета на 100 р., переданные Вами мне в апреле. Еще раз от имени нашего Издательства горячо благодарю Вас за всю Вашу поддержку. В провинциальную прессу нами разослано циркулярно уже 24 статьи, которые печатаются в 25 органах печати. Прилагаю пока две брошюрки для народа, выпущенные в память мая нашим Издательством. На днях выходят в свет еще 5 брошюр (между прочим проф. Вишпера*).

С глубоким уважением и преданностью Николай Арсеньев.

Прошу Вас мое глубокое почтение засвидетельствовать Ульяне Михайловне.

* Вишпер Роберт Юрьевич (1859–1954) – в 1899–1924 гг. профессор всеобщей истории Московского университета, доктор наук, с 1943 г. академик АН СССР. Труды по истории от античности до современности.

Другой ученик Аполлона Аполлоновича – тоже философ и филолог – князь Сергей Евгеньевич Трубецкой (1890–1949)*. В своей книге «Минувшее» он рассказывает о том, что своим освобождением из тюрьмы, а может быть, даже жизнью, он обязан Аполлону Аполлоновичу Грушке, который придумал виртуозный план – написал письмо во ВЦИК, где требовал командирования студента Трубецкого на работу в Университет для разбора архива умершего профессора философии Л. М. Лопатина под тем предлогом, что никто, кроме Трубецкого, эту работу выполнить не сможет. Казавшаяся фантастической идея, неожиданно получила реальное воплощение, и Трубецкого стали ежедневно отпускать из Таганской тюрьмы на работу. Каждый вечер он возвращался в камеру, но днем мог побывать у родственников и знакомых, переодеться, пообедать, а со временем с него сняли обвинение и даже предлагали ему высокие посты в советском правительстве, но он отказался. Осенью 1922 г. Трубецкой был выслан из Советской России на знаменитом философском пароходе.**

Влияние, которое трудно переоценить, оказал А. А. Грушка на Сергея Михайловича Соловьева (1885–1945) – талантливого русского поэта, мыслителя – внука историка С. М. Соловьева и племянника поэта и философа В. С. Соловьева, родственника по материнской линии Александра Блока и соседа по квартире на Арбате и друга Андрея Белого.

Племянница Ульяны Михайловны художница Мария Владимировна Ивановская вспоминает, что Соловьев до последних дней жизни любимого профессора бывал в его доме в Б. Николопесковском переулке (теперь Старопесковский, в этом доме находится музей А. Н. Скрябина, который с 1912 г. снимал у Грушки квартиру), искал его общества, ценил его советы, связанные с переводческой деятельностью Соловьева, и свое положение друга дома.

В опубликованной части воспоминаний Соловьева ничего нет о Грушке, поскольку описываются события жизни автора до его поступления в Университет, однако в сохранившемся плане продолжения мемуаров находим следующее:

* Трубецкие – дальние родственники Ульяны Михайловны Грушки.

** Трубецкой С. Е. Минувшее // Князя Трубецкие. Россия воспрянет. М., 1996. С. 349-350.

«Часть III, глава I – Поступление в университет. Мимолетное знакомство с Эрном, Флоренским и Свенцицким. Начало увлечения Гете и классицизмом. Профессор А. А. Грушко (возможно, описка или ошибка Н. С. Соловьевой – старшей дочери, подготовившей к изданию воспоминания С. М. Соловьева, допущенная при прочтении. – *Е. Скударь*) и его влияние. Изучение римских лириков и греческих трагиков...»*.

Кстати сказать, Соловьев еще до поступления в Московский университет был знаком со всей семьей Трубецких, состоявших в дружеских отношениях с его родителями и другими родственниками. Это еще одно свидетельство общности мировоззрения, вкусов, интересов определенного круга московской интеллигенции того времени, свидетельство того, что все нити сплетались, все пути пересекались, все соединялось в одних и тех же точках.

Нельзя не сказать еще о тех безымянных учениках профессора Грушки, письма которых подписаны: «Слушатель» или «Оставленный при Университете». Иногда они достаточно ярко передают атмосферу общения между учителем и учениками. Приведем текст некоторых из этих писем:

Глубокоуважаемый Аполлон Аполлонович!

Ваша аудитория на лекции 29 ноября по Истории Римской литературы заметила, что Вы, делая обычный краткий обзор прочитанного на предыдущей лекции, упоминаете вещи, о которых еще не было речи, но которые по содержанию предыдущей лекции (бывшей не 15-го, а 8-го октября) Ваша аудитория ожидала услышать именно 29-го, т. е. о Законах XII таблиц как о литературном памятнике и пр. Опасаясь, не является ли это просто просмотром с Вашей стороны, объясняемым тем, что лекций не было в течение значительного промежутка времени (от 8 до 29 октября), Ваши слушатели решаются довести об этом до Вашего сведения, дабы не быть, по справедливости, обвиненными в невнимании.

*Слушатель
31 окт. 1914 г., Москва*

Глубокоуважаемый Аполлон Аполлонович!

Приветствую Вас с переизбранием деканом факультета. Я думаю, что лучшего выбора факультет сделать не мог, ибо все мы хорошо знаем, сколько умения, отзывчивости на все просьбы и самого тонкого ума внесли Вы в работу факультета.

* Соловьев С. М. Воспоминания. М., 2003. С. 408.

Мне остается пожелать, чтоб в это четырехлетие Вы на своем посту увидели бы не только тяжелый труд, как до сих пор, но и рост общественного и государственного внимания к научной работе всего факультета, и всестороннее улучшение положения всех причастных к нему.

Один из оставленных при У-те.

В одной из наших публикаций уже приводились письма А. Петровой – товарища председателя Философского кружка имени Льва Михайловича Лопатина, почетным членом которого и председателем был А. А. Грушка (см. нашу публикацию в журнале «Журналистика и культура русской речи», 2009, № 1. С. 44–52.).

Хочется привести еще одно очень красноречивое в смысле явно выраженной любви и привязанности к адресату и важное по научным и религиозным воззрениям автора письмо, подписанное пока, к сожалению, не поддающейся расшифровке фамилией.

16 ноября 1915.

Дача

Многоуважаемый и сердечно любимый Аполлон Аполлонович, при изменении моих жизненных путей, при поступлении в Академию и принятии Священства, я хочу от всей души благодарить Вас за все хорошее, что связывало нас с Вами в течение всей моей юности. Ваше преподавание, Ваша система наложили на нас неизгладимую печать, и думаю, что всегда в моей работе я останусь существенно Вашим учеником. Вы посвятили меня в самую суть латинской культуры через язык и римскую поэзию.

Часы работы для Вас были прекраснейшими часами моей жизни. Занятия латинским языком, лингвистикой и семасиологией я не оставлю и теперь.

Латинская культура, по-моему, есть основание всей церковно-христианской культуры. Мои богословские интересы приводят меня в святилище латинизма, ибо я привык видеть Вас, как жреца.

Мысль, что Вы немного будете помнить меня, была бы для меня всегда приятна.

Преданный Вам (подпись)

Все письма учеников профессора к нему проникнуты глубоким уважением и любовью, которых он, безусловно, заслуживал.

**Обращение ректора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
Виктора Антоновича Садовниченко к выпускникам 2009 года***

Дорогие выпускники!

Сегодня для вас одновременно и радостный, и грустный день. В ваших руках – диплом Московского университета. Вы стали настоящими специалистами, начинается новый этап жизненного пути, но вместе с ним завершается и один из лучших периодов вашей жизни – годы студенчества. Именно здесь, в стенах МГУ, на протяжении нескольких лет проходила большая часть вашей жизни – вы учились, дружили, любили, радовались и огорчались, приобретали жизненный опыт, преодолевая трудности и добиваясь побед. Те глубокие знания и навыки, которые вы получили за время учебы от ваших преподавателей, помогут вам найти свое место в жизни. Для кого-то, возможно, этим местом станет университет, кто-то захочет поступить в аспирантуру и посвятить свою жизнь науке, кто-то, вернувшись из Москвы домой, будет работать в родном городе... Перед вами открыты большие возможности. Но какой бы путь вы ни избрали, каким ему быть – во многом зависит от вас. Будьте целеустремленными, творите, держайте, не теряйте увлеченности и веры в себя. И хотя жизнь еще не раз будет устраивать вам экзамены, оценивая ваши знания и умение оставаться человеком, будьте настойчивы и преданны выбранному делу. Я уверен, что вашими жизненными победами будет гордиться Московский университет. Помните, что *Alma mater* любит своих сыновей и дочерей и всегда рада их успехам. Поздравляю вас с успешным окончанием обучения! Искренне желаю вам счастья, удачи, творческих и научных побед и успехов во всех начинаниях!

* Страница сайта <http://www.moscowuniversityclub.ru>

Слово выпускника Московского университета

Завершив свое обучение в МГУ и получая диплом первого российского университета, даю слово:

- Достоинно нести почетное звание выпускника Московского университета.

- Хранить верность духу университетской корпорации и оставаться неравнодушным к судьбе моего университета.

- Обогащать знания и профессиональное мастерство, приобретенные в университете.

- Развивать добрые традиции, приумножать славу и беречь богатства Московского университета.

- Употребить все знания и умения во благо своему Отечеству.

- И как бы ни сложилась моя жизнь, я навсегда останусь благодарен своей Alma Mater!

Из Этического кодекса Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Исходя из убеждения, что знания должны служить гуманным целям, а интеллектуальное развитие личности сочетаться с ее нравственным ростом, следуя традициям благородства и самоотверженного служения науке, осознавая свою культурную миссию, ответственность за поддержание здоровой моральной атмосферы в обществе, понимая, что принадлежность к ведущему университету страны требует соответствия высоким стандартам профессионализма и нравственно достойного поведения, коллектив Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова принимает этический кодекс.

Обретение храма

*«Сопрягая земное и небесное, интеллектуальное и духовное, мы со-
обща преобразим мир»*

Святейший Патриарх Алексий II

Н. В. Фролова

Три века св. Татианы

В 1868 году член Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете, писатель Н. П. Розанов прочитал лекцию «О Татъянинской церкви Императорского московского университета». Эта лекция стала отправной точкой для всех последующих научных изысканий и, в частности, для исследований историка-москововеда Е. В. Лебедевой, на основе которых сделан этот обзор.

Мало кто знает, что церковь св. Татианы пережила свое рождение трижды.

Одно из главных отличий Московского университета от университетов Европы было в том, что он не имел богословского факультета. Но это не значит, что преподавание было сугубо материалистическим или что богословие не преподавалось вообще.

Закон Божий входил в число обязательных для всех студентов дисциплин. Один из параграфов студенческого устава конца XVIII века гласил: «Паче же всего Университетский питомец из природных Россиян должен твердо знать Катехизис Греко-Российской Церкви, а иноверный сведущ быть в истинах религии по его вероисповеданию». В 1819 году была даже устроена отдельная общеуниверситетская кафедра Богопознания и Христианского учения для преподавания богословия, церковной истории и церковного законовещения.

Праздничный молебен в день открытия Московского университета 26 апреля 1755 года и первые богослужения по поводу университетских торжеств проходили в Казанском соборе Московского Кремля.

Но уже с июля 1757 года начались поиски храма для открытия в нем университетской домово́й церкви. Директор Московского университета И.И. Мелиссино обратился в Московскую контору Святейшего Синода с просьбой передать университету находящийся поблизости храм св. великомученицы Параскевы Пятницы в Охотном ряду. В нем предполагалось временно устроить собственную университетскую церковь «как для слушания всем ученикам, так и для истолкования Катехизиса».

Однако владелица церкви – княгиня Анна Грузинская, по мужу Голицына, родственница грузинского царя Вахтанга, которому этот двор вместе с церковью подарил еще Петр I, отказалась передать фамильное наследство в ведение университета.

Вскоре Московский университет получил усадьбы князей Волконского, Репнина и Барятинского на Моховой – здесь потом было выстроено Главное здание университета по проекту Матвея Казакова. И приблизительно на том месте, где сейчас стоит здание Зоологического музея с огромной аркой соседнего Ботанического корпуса МГУ, в старину находилась древняя церковь св. Дионисия Ареопагита, построенная еще в 1519 году Алевизом Фрязиным. В ней были два придела, принадлежавшие Репниным, и князь Репнин завещал их вместе с церковной утварью Московскому университету.

На тот момент здание церкви было уже очень ветхим, могло вот-вот обрушиться и для проведения богослужений было признано непригодным.

В 1784 году новый директор Московского университета П.И. Фонвизин – родной брат знаменитого писателя – обратился к архиепископу Платону с просьбой передать университету всю Дионисиевскую церковь, чтобы разобрать ее и на том месте построить новый, домовый храм: «Для исполнения христианской должности учащимся нужно Университету иметь свою приходскую церковь. Чтобы настоятель имел все законы и способности к наставлению в законе обучающегося юношества, был духовником

студентов и учеников, находящихся на казенном содержании, мог всегда исправить требы», – писал он в прошении.

Владыка Платон просьбу удовлетворил и в ответ потребовал построить церковь «лучшую и пространнейшую, соответствующую чести Университета и числу в оном обучающихся».

И в 1791 году в левом флигеле возведенного Казаковым Главного здания, там, где сейчас располагается ИСАА, была устроена *первая* университетская домовая церковь во имя св. мученицы Татианы – «в незабвенное воспоминание досточтимого дня, в который учрежден проект об Университете». Над ее проектом вместе с Казаковым работал архитектор и художник Антон Иванович Клауди. Он и расписывал ее интерьер. Клауди был видным специалистом. Наиболее известными из его сохранившегося наследия являются росписи известного московского храма св. Мартина Исповедника, который находится на Таганке.

5 апреля 1791 года Татянинская церковь была освящена митрополитом Платоном, который произнес слово на тему: «Премудрость созда себе дом и утверди столпов седмь», окончив свою торжественную проповедь словами: «Училище наук и мудрость мирская, внесенная во святилище Господне, становится освященною: одно другому спомоществует, но притом одно другим утверждается». А императрица Екатерина Великая прислала в подарок университетской церкви к заутрене Светлого Христова Воскресения полную богатую ризницу. В Москве говорили, что этим даром «Государыня как бы христосовалась с Университетом».

Эта первая университетская церковь сгорела вместе со всем зданием на Моховой в пожаре 1812 года. Ее настоятелю отцу Ионе удалось спасти из храма только старинную церковную утварь – видимо, ту самую, подаренную Екатериной II.

В тот день, когда армия Наполеона покинула Москву, именно отец Иона первым из московских священников отслужил в стенах Страстного монастыря благодарственный молебен Христу Спасителю. За свои подвиги во время Отечественной войны он был позднее награжден наперсным крестом.

Университетская церковь св. Татианы, оставшаяся без крова, вновь открылась временно в 1817 году на втором этаже соседнего с университетом храма святого Георгия Победоносца на Крас-

ной горке. Храм этот, разрушенный большевиками, стоял на месте нынешнего дома №6 по Моховой улице, построенного в 1934 году знаменитым архитектором И. В. Жолтовским. Именно здесь, в новоосвященном Татианинском приделе Георгиевского храма, студенты Московского университета присягали Великому князю Константину Павловичу, а потом его брату Николаю I в 1825 году. И здесь же, в Татьянин день 1831 года совершилось торжественное богослужение после страшной эпидемии холеры в Москве.

В 1832 году император Николай I купил для Университета усадьбу Пашковых на Моховой, расположенную между Воздвиженкой и Большой Никитской улицами и спроектированную, возможно, самим Василием Баженовым (ныне Аудиторный корпус МГУ).

Пашковы были родственниками богача П. Е. Пашкова, сына денщика Петра Великого, для которого Баженов построил дворец на углу Моховой и Знаменки, известный как “Дом Пашкова”.

В усадьбе же на Моховой ее владельцы собирались давать балы и театральные представления. Однако поначалу в левом флигеле этой усадьбы, где сейчас располагается университетская церковь, был устроен конный манеж. В 1806 году Пашковы сдали флигель в аренду казне для выступлений труппы бывшего Петровского театра Медокса, который перебрался сюда из сгоревшего здания на Театральной площади. И именно здесь, в скромном усадебном флигеле, возник московский Императорский театр, ставший колыбелью и родоначальником Большого и Малого театров.

В 1836 году архитектор Е. Д. Тюрин перестроил бывший пашковский флигель в Татьянинскую церковь, где она действовала вплоть до 1918 года. В 30-е годы он занимался общей перестройкой этой усадьбы для новых корпусов Московского университета.

Архитектор Тюрин, строитель Богоявленского собора в Елохове и Александринского дворца на Б. Калужской, считал честью работать для Московского университета и трудился безвозмездно. А потом подарил Университету свою коллекцию картин, в которой были полотна Рафаэля и Тициана. Он собирал эту коллекцию всю жизнь...

12(25) сентября 1837 года святитель Филарет, митрополит Московский, освятил новую – вторую – домовую церковь университета в присутствии министра просвещения С. С. Уварова. На фронтоне здания церкви, выходящего на Моховую ули-

цу, были выложены строфы из проповеди святителя Филарета – «Приступите к Нему и просветитесь», которые ранее были на иконостасе, над Царскими вратами. Эта же надпись была выложена и «на челе храма». Только в 1913 году на фронте появилась новая надпись «Свет Христов просвещает всех», сделанная древнеславянской вязью и восстановленная в наше время. Тогда же наверху был установлен деревянный четырехконечный крест.

Интерьер новой университетской церкви на Моховой был великолепен. Первоначально ее расписывал тот же Антон Клауди. По краям иконостаса, справа и слева от Распятия над Царскими вратами, находились скульптуры двух коленапреклоненных ангелов работы знаменитого мастера И.П. Витали: справа от Распятия – Ангел Радости, слева – Ангел Скорби. После революции они были перевезены в музей скульптуры в Донской монастырь, где находились в Михайловской церкви рядом с надгробием князя Голицына.

В 1855 году, к столетнему юбилею Московского университета, итальянский художник Ланжелотти заново расписал стены и свод Татьянинского храма. А преподаватели и студенты собрали тогда деньги на приобретение для церкви двух икон письма итальянского живописца Рубо: Святителя Николая Чудотворца и св. Елизаветы Праведной, выполненных в византийском стиле. А еще две иконы работы того же Рубо (Спасителя и Богоматери) подарил Университету его бывший попечитель граф С.С. Строганов.

В том же юбилейном 1855 году у Татьянинской церкви появилась святыня: историк М. П. Погодин передал в дар университетскому храму частицу мощей св. Кирилла. За двадцать лет до того ее преподнесли ученому в Пражском соборе, где хранится десница святого просветителя славян.

А в 1862 году в Московском университете впервые торжественно чествовали память св. Кирилла и Мефодия, и богослужения прошли в Татьянинской церкви.

В Татьянин день 1877 года духовенство университетского храма освятило первый памятник М.В. Ломоносову работы С. Иванова, тогда установленный перед Аудиторным корпусом. Во время Великой Отечественной войны в его постамент попали осколки разорвавшейся фугасной бомбы, и памятник перенесли в здание

бывшей Татианинской церкви, где тогда размещался клуб МГУ. А на его месте в 1957 году появился новый памятник, выполненный скульптором И. Козловским, который и поныне стоит во дворе факультета журналистики.

Каждый год 12 (25) января в университетской церкви торжественно служили праздничный молебен с акафистом святой мученице Татиане. После обедни все шли в актовый зал на Моховой, где проходила официальная церемония празднования Татьянинного дня, а после богослужения уже начиналась студенческая вольница. Как известно, в тот день в знаменитом ресторане «Эрмитаж» на Трубной спешно скатывали ковры и посыпали пол опилками, а вместо изящных стульев ставили лавки и сдвигали столики вместе. Главное пиршество студентов традиционно проходило там в совершенном соответствии с известными куплетами:

Да здравствует Татьяна, Татьяна, Татьяна,
Вся наша братья пьяна, вся пьяна
В Татьянин славный день!

Городовым же в Татьянин день повелевалось не трогать подгулявших студентов и не забирать их в часть.

Прихожанами Татьянинского храма были студенты и преподаватели Московского университета – здесь они исповедовались и причащались, венчались, крестили своих детей, отпевали родственников.

Здесь, в университетской церкви, отпевали профессоров Московского университета В.О. Ключевского и Т.Н. Грановского, С.М. Соловьева и А.Г. Столетова...

В феврале 1852 года в Татьянинской церкви отпевали Н.В. Гоголя. Прощание с ним решили устроить именно в Татьянинской церкви потому, что Гоголь был почетным членом Московского университета. Гроб с его телом друга писателя и профессора вынесли на руках и проводили на кладбище Данилова монастыря.

А в 1892 году в церкви св. Татианы отпевали выпускника Московского университета – А.А. Фета. И здесь же прошло отпевание первого избранного ректора Московского университета – С.Н. Трубецкого, скончавшегося от инсульта в приемной у министра в Санкт-Петербурге 27 сентября 1905 года.

В университетской домово́й церкви крестили будущего философа Владимира Соловьёва и, *возможно*, Марину Цветаеву. Сестры Цветаевы, дочери профессора Московского университета, конечно же, были прихожанками этого храма – именно здесь, под его сводами, прошли их первая исповедь и причастие.

Настоятель церкви одновременно был профессором богословия в университете. Одному из самых образованных священников, протоиерею Николаю Сергиевскому, студент Московского университета Сергей Толстой, старший сын писателя, учившийся на химика, не мог сдать предмет, не зная ответа на вопрос «каково происхождение души?» (правильный ответ: «Божественное»).

Университетский домовый храм был закрыт в 1918 году, в соответствии с декретом СНК об отделении Церкви от государства и школы – от Церкви. Богослужения в Московском университете еще малое время совершались в той же Георгиевской церкви, где в 1920 году тайком праздновали Татьянин день – в 165-летний юбилей университета.

Так закончила свое существование *вторая* церковь св. Татьяны.

После революции было запрещено отмечать этот старинный праздник, и торжества в Татьянин день официально вернулись к нам только в 1990 годы. В советское время в здании бывшей церкви, превращенном в клуб МГУ, выступали Луначарский и Бухарин, Качалов и Собинов, а в ноябре 1927 года Маяковский прочитал здесь только что законченную поэму «Хорошо!».

И именно в этих стенах 27 ноября 1936 года академик Н. Д. Зелинский предложил присвоить Московскому университету имя М. В. Ломоносова. Его предложение было принято, и с **7 мая 1940 года МГУ стал носить имя своего основателя**.

Здесь же **6 мая 1958 года** великая русская актриса А. А. Яблочкина торжественно разрезала ленту и **открыла Студенческий театр МГУ**.

Первым его руководителем был Ролан Быков, и при нем театр снискал себе такую славу, что даже ближайшая троллейбусная остановка стала называться «Студенческий театр МГУ». Этот театр подарил русской культуре немало выдающихся имен: Ия Саввина, Алла Демидова, Александр Филиппенко, Марк Захаров.

Однако история взаимоотношений общины университетской домово́й церкви, созданной в 1993 году, и Студенческого театра МГУ завершилась конфликтом в начале 90-х годов, который разрешился в пользу церкви: она обрела свои законные права на это историческое здание.

По символическому совпадению первый настоятель вновь открытой в 1995 году Татьянинской церкви МГУ протоиерей Максим Козлов был священником восстановленного незадолго до этого Казанского собора, и первые молебны о возвращении Московскому университету его домово́й церкви на Моховой совершались снова в Казанском соборе.

25 января 1995 года, в Татьянин день, здесь вновь была освящена домовая церковь Московского университета, которую можно назвать *третьей*, а позднее на первом этаже здания так называемый нижний храм был освящен как новый придел во имя святителя Филарета, митрополита Московского, когда-то освящавшего саму Татьянинскую церковь.

В тот же год здесь стала выходить первая студенческая православная газета МГУ «Татьянин День», в которой работали студенты московских вузов.

В настоящее время церковь действует, и все старинные традиции Московского университета возвращаются. А церковь св. Татианы на Моховой постепенно раскрывает свои секреты. Здесь есть интересные иконы, здесь царит атмосфера почти семейная, ибо все-таки, это – церковь св. Татианы, покровительницы одной большой семьи – Московского университета.

Святая Татиана (акварель М. В. Нестерова)

В марте 1922 г. отмечали 25-летие научной и педагогической деятельности декана историко-филологического факультета профессора А. А. Грушки.

Его друзья и коллеги хотели сделать ему оригинальный подарок и попросили Михаила Васильевича Нестерова, который был хорошо знаком с профессором, написать какую-нибудь акварель. Нестеров сначала категорически отказался, объясняя свой отказ тем, что до юбилея осталось всего три дня, а «всякое произведение, самое небольшое, должно быть выношено и выстрадано»*. Однако он пришел на юбилей и принес небольшую акварель «Святая Татиана», но подарил ее Аполлону Аполлоновичу лично от себя.

Об отношении М. В. Нестерова к А. А. Грушке можно судить по его письму:

Глубокоуважаемый Аполлон Аполлонович!

Примите мое поздравление с 25-летием Вашей научно-профессорской деятельности. Ученые собратья Ваши знают и оценят достойно талант Ваш, Ваши труды.

Я же, как художник, могу лишь поблагодарить Вас за то большое наслаждение, которое я испытал в беседах с Вами и тогда, когда Вы читали мне из пережитого, передуманного; я испытываю равно чарующее впечатление как от содержания, всегда возвышенного, так и от красоты формы дивного языка Вашего.

В гражданстве я встретил в Вас человека высоких христианских идеалов, глубоко скорбящего о несчастьях, духовном падении, переживаемом еще недавно великой Родиной нашей.

Храни Вас Господь на многие лета на благо России и истинного просвещения ее. Искренне Вас уважающий Михаил Нестеров.

*1922. Март**.*

* Об этом эпизоде рассказывает один из близких друзей А. А. Грушки композитор С. Н. Василенко в своей книге «Страницы воспоминаний» (М.-Л., 1948. С. 181-182).

** Письмо находится в архиве М. В. Ивановской – племянницы А. А. и У. М. Грушек – печатается с ее разрешения.



Святая мученица Татиана
(акварель из архива семьи А. А. Грушки)

«Свет христов просвещает всех»

Вот уже больше двух с половиной столетий мы празднуем Татьянин день. Сначала это был корпоративный праздник Московского университета, а сейчас – официальный День российского студенчества. Почему же именно 25 января, в Татьянин день, был основан первый российский университет? И какое отношение имеет к нему святая мученица Татиана?

Давайте обратимся к истории. 25 января 1755 года, в день, когда Православная Церковь празднует память святой мученицы Татианы, дочь Петра Первого императрица Елизавета подписала указ об открытии Московского университета. Великий Ломоносов разработал проект создания университета и передал его одному из ближайших соратников Елизаветы графу Ивану Ивановичу Шувалову. Шувалов специально подал этот проект на подпись императрице 25 января, чтобы таким образом сделать подарок на именины своей матери, которую звали Татьяной Петровной.

Казалось бы, мученица Татиана стала покровительницей Московского университета и студентов по случайному совпадению. Гораздо логичнее было бы выбрать в святые покровители какого-нибудь учёного мужа, каких много в истории Церкви, или, например, преподобного Сергия Радонежского, который издревле считался покровителем учащихся.

А святая Татиана, судя по её житию, никак не была связана с образованием и не отличалась учёностью. Она жила в Риме в III веке и была диаконисой: готовила женщин к принятию крещения, занималась благотворительностью, ухаживала за больными, помогала немощным. При этом Татиана сохраняла целомудрие и дала Богу обет безбрачия. Когда при нечестивом императоре Александре Севере в Риме начались гонения на христиан, Татиана отказалась поклониться языческим богам. По её молитвам упали и вдребезги разбились идолы, украшавшие храм Аполлона, в который привели Татиану для поклонения. За это её подвергли страшным мучениям: били по лицу, терзали железными крюками, резали тело бритвами, травили львами. Житие сообщает, что анге-

лы исцеляли раны, нанесённые Татиане, и многие мучители, видя её веру, сами отреклись от языческих богов и уверовали во Христа. По приказу суда Татиане отрубили голову. Произошло это в 226 году.

Как же можно связать судьбу мученицы Татианы с университетом и студенчеством? Об этом замечательно сказал Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в проповеди после богослужения в Татьянинском храме 27 марта 2009 года. Он предложил собравшимся поразмышлять, что такое мученичество. «Татьяна шла на страдания и на смерть за Спасителя, за Христа, за свои убеждения, – говорил Предстоятель Церкви. – Она оказалась верной Господу даже до смерти. Значит, мученичество и верность – это синонимы. Не может быть мученичества без верности... А как много нужно самоограничения и силы, и, если хотите, мученичества, чтобы сохранить верность своим убеждениям, верность избранному пути. Ведь, ступая на путь служения науке, человек тем самым как бы обязывает себя быть верным этому предназначению».

Развивая эту мысль, Патриарх сказал, что не случайно наука начиналась с монастыря, не случайно все западные колледжи выросли из монастырской общины, потому что настоящий научный подвиг тоже требует колоссального самоограничения, начиная со студенческой скамьи. «Все веселятся, и музыка за окном гремит, а ты сидишь и работаешь. А тебе так же хочется пойти и повеселиться, провести время хорошо и без забот, а ты сидишь над книгами, работаешь, готовишься к экзаменам или делаешь ещё что-то более существенное. Ты налагаешь на себя самоограничение, без которого не может быть интеллектуального роста, не может быть никаких научных прозрений».

Таким образом, случайный, на первый взгляд, выбор святой Татианы покровительницей Московского университета оказался глубоко промыслительным. Мученический путь святой Татианы повторил в XX веке и Московский университет, многие выпускники, преподаватели и студенты которого пострадали в послереволюционные годы от безбожной власти. Мученический путь прошел и Татьянинский храм – домовая церковь университета. Она была закрыта одной из первых в нашей стране, в начале 1918 года. Крест и икону святой Татианы на фронтоне храма сняли, наруж-

ную надпись «Свет Христов просвещает всех» сбили; ее место занял плакат «Наука – трудящимся». Празднование Татьянинного дня запретили.

В 1922 году в бывшей Татьянинской церкви открыли клуб, а в 1958 году – Студенческий театр МГУ. К восьмидесятым годам XX века выросли целые поколения студентов, которые понятия не имели о том, что здесь когда-то была домовая церковь университета. Мало кто мог внятно сказать, какой именно праздник отмечали раньше 25 января.

На излёте советской власти ситуация изменилась. А в начале 1990-х годов, когда возрождение порушенных святынь приняло грандиозный размах, встал вопрос и о восстановлении домового храма Московского университета. В 1993 году группа профессоров обратилась к ректору академику В. А. Садовничему с предложением воссоздать Татьянинскую церковь на прежнем её месте. Учёный совет МГУ пошёл навстречу пожеланиям учёных.

Скажем прямо: многие не сразу приняли это решение. Коллектив театра долго не хотел переезжать в Главное здание МГУ в предоставленное ректором новое помещение. В средствах массовой информации прошла шумная кампания с целью защитить якобы гонимых людей искусства от произвола мракобесов-церковников и православных маргиналов. Людям настойчиво внушалась мысль, что храм в университете не нужен, что туда никто не будет ходить, кроме нескольких живущих неподалёку старух, а если уж и восстанавливать домовую церковь, то лучше отдать под эти нужды какой-нибудь пустующий полуразрушенный храм поблизости от старого здания МГУ.

А тем временем в новую церковь Патриарх Алексий уже назначил настоятеля – им стал выпускник классического отделения филфака МГУ священник Максим Козлов. Больше года он проводил молебны у стен храма, куда ни его, ни прихожан пока не пускали сотрудники театра.

И вот, наконец, 22 января 1995 года театр освободил помещение храма. С этого дня началось возрождение домового храма Московского университета. Уже через три дня, на первый Татьянин день, сюда приехал Святейший Патриарх Алексий и отслужил молебен.

Со временем внутренний и внешний облик Татьянинского храма всё меньше и меньше напоминал бывший театр: сначала убрали ряды кресел, затем разобрали прямоугольную театральную конструкцию над алтарём и восстановили свод. Шаг за шагом храм преображался: разровняли пол (прежде он поднимался амфитеатром), восстановили парадную дверь, построили заново балкон с колоннами для хора. Снаружи поставили крест, на фронтоне, в пустовавшей долгие годы нише, воссоздали мозаичную икону святой мученицы Татианы, а над нею надпись «Свет Христов просвещает всех». В конце 1998 года в храме был установлен дубовый резной иконостас из бывшей церкви преподобного Серафима Саровского, перед которым несколько десятилетий молились поколения русских эмигрантов – сначала в Мюнхене, затем в Нью-Йорке. Этот иконостас перевёз из Америки в Москву один из старейших священников-эмигрантов протопресвитер Александр Киселёв (1909–2002).

Реставрация университетской церкви, по сути, не прекращалась ни на день. И сегодня, спустя полтора десятилетия после возобновления богослужений, внутри храма стоят строительные леса: идёт восстановление настенных росписей, закрашенных в советские годы.

В Татьянинском храме хранится много православных святынь: частицы мощей святой мученицы Татианы, святителя Филарета Московского – он освятил домовую церковь Московского императорского университета в 1837 году, преподобных Сергия Радонежского, Оптинских старцев и некоторых других святых.

Особым почитанием пользуется храмовая икона Пресвятой Богородицы «Прибавление ума», которая считается покровительницей студентов и школьников. Эта икона заметно отличается от привычных икон Божией Матери: на ней Дева Мария и Христос изображены запеленатыми вместе богослужебным облачением священника – фелонью. Прототипом этой иконы послужила статуя Пресвятой Девы из итальянского города Лоретто*, которую, по преданию, изваял святой апостол евангелист Лука, автор первых, ещё прижизненных икон Богородицы. Изображение этой

* Существует двойное написание названия этого города – Лорето и Лоретто. Мы выбрали современное – Лоретто.

статуи попало на Русь при великом князе Василии III в 1524 году. А в 1574 году, в царствование его сына Ивана Грозного, с образа Лоретской Божией Матери была написана икона. Почитаемую сегодня икону «Прибавление ума» создал спустя столетие один иконописец после явления ему во сне Богородицы. Помещённые на иконе архитектурные детали в виде арки и светильников – это изображение богато украшенной ниши, в которой находится скульптура Лоретской Богоматери.

Перед иконой «Прибавление ума» часто молятся студенты и школьники – особенно перед экзаменами. А летом, на протяжении приёмных экзаменов в МГУ в Татьянинском храме служат специальные молебны для абитуриентов.

Впрочем, прихожан в Татьянинском храме много не только в дни экзаменов. Каждое воскресенье сюда приходит помолиться несколько сот человек. Среди них – как студенты, преподаватели, выпускники *Alma mater*, так и люди, не имеющие формально никакого отношения к Московскому университету: в храм пускают всех желающих. Конечно же, здесь больше, чем где бы то ни было, Татьян.

У каждого из прихожан была своя дорога к храму. Вот всего лишь одна история. Женщина по имени Татьяна никогда не ходила в церковь. Как-то раз одна знакомая подарила ей бумажную иконочку святой мученицы Татианы. «Когда тебе будет плохо, позови святую на помощь, и она поможет», – посоветовала дарительница. Наша Татьяна отнеслась к этим словам скептически, но иконочку взяла и, положив её к себе в кошелёк, вскоре забыла про неё. Однажды Татьяна зашла в подъезд своего дома, и на неё напал грабитель. Рядом никого не было. И тут она неожиданно вспомнила слова своей знакомой. «Татьяна, помоги!», – в отчаянии закричала женщина. То, что произошло дальше, было похоже на сказку: в ту же секунду грабитель неожиданно схватился руками за сердце и упал как подкошенный на грязный пол. Татьяна, придя в себя, вызвала ему «скорую помощь», которая констатировала сердечный приступ. Сама она стала с тех пор прихожанкой Татьянинского храма.

Большинство прихожан здесь составляет молодежь. Пожалуй, домовый храм МГУ – один из самых молодых приходов в Москве.



Икона «Божья Матерь – прибавление ума»

Здесь не встретишь старух со злыми глазами, которые шипели бы на юных прихожан за то, что те не так одеты и не той рукой передают свечки. Если и стоят в храме на службе пожилые женщины, то это почти наверняка интеллигентные преподавательницы или сотрудницы университета.

В Татьянинском храме едва ли не каждый прихожанин занят миссионерской работой: одни шефствуют над детской больницей, другие регулярно ездят в провинциальный дом престарелых, третьи помогают детям-сиротам – словом, занимаются тем, чему посвятила свою жизнь святая Татиана. Каждое лето молодые татьянинцы под руководством настоятеля храма протоиерея Максима Козлова выезжают в миссионерские поездки по дальним уголкам России. За последние годы миссионеры побывали в Костромской области, на Алтае, в Якутии, провели сотни миссионерских концертов в дальнем Подмоскovie – как правило, в больницах, домах-интернатах, колониях для заключённых. С первых дней возобновления деятельности Татьянинского храма силами студентов-прихожан издаётся студенческая православная газета «Татьянин день». Сейчас она перешла в электронный формат www.taday.ru и прочно занимает ведущие места в рейтингах среди христианских сайтов.

Ещё одна отличительная особенность университетского домового храма – каждый день здесь дежурит священник, к которому каждый может прийти посоветоваться, а то и поисповедаться. Скольким людям помогли такие беседы, скольких уберегли от неверных шагов – знает, наверное, лишь Господь. Так, один мой знакомый студент журфака, запутавшись в лабиринтах жизни, решил покончить с собой, но, узнав, что рядом, в двух шагах, принимает священник, всё же пошёл к нему – излить душу. Этот парень не стал прихожанином храма, но мыслей о самоубийстве у него с тех пор больше не возникало. Несколько лет назад он окончил университет и сегодня успешно работает в одной из центральных газет.

Конечно, больше всего народу в домовом храме университета бывает в престольный праздник, 25 января. Татьянин день начинают праздновать именно здесь. С раннего утра в алтаре собираются для совместного богослужения десятки выпускников МГУ,

которые стали священниками (а всего таких около сотни). Перед началом литургии в храме появляются ректор академик В. А. Садовничий, сотрудники ректората, деканы многих факультетов. Все вместе – руководство университета, духовенство и прихожане – встречают Святейшего Патриарха, который неизменно приезжает поздравить собравшихся с Татьяниным днём.

После богослужения центр торжеств перемещается на Воробьёвы горы, и начинается светская часть праздника, которая длится допоздна. И мало кто из веселящихся студентов знает, что были годы, когда не только домовый храм университета был закрыт, но запрещалось и само празднование Татьянина дня. Теперь времена изменились, и в день основания МГУ мы снова с любовью и молитвой вспоминаем святую мученицу Татиану – небесную покровительницу нашей Alma mater.

Л. Г. Свитич

Лоретто

Самым сильным для меня потрясением в Италии был домик Божьей матери в Лоретто. Его перевезла из Назарета во время своей богославной экспедиции в Израиль Елена Великая. Место для домика выбрали на очень высоком холме. Далеко внизу раскинулась живописная долина. Паломников встречает монастырь, обнесенный мощными стенами, с массивной приземистой башней. За стенами огромный храм, который воздвигнут над святыней. Внутри этого храма еще один дивный беломраморный дворец, украшенный барельефами на евангельские темы. Это сооружение и хранит внутри себя главную святыню – дом Богоматери, накрывая ее со всех сторон как драгоценный ларец.

Сам же домик Богоматери, в котором она провела свое детство, простой без всяких украшений, красного кирпича, метров девять в длину и четыре в ширину, довольно высокий. На стене кое-где сохранилась живопись – Богородица и ангелы.

Внутри полутьма. В торце длинной, как пенал, комнаты – алтарь, где стоит из черного дерева скульптура Богоматери с младенцем, выполненная знаменитым итальянским скульптором Челлини, после того как сгорело первоначальное изображение. Лоретская Божья Мать ни на какую другую не похожа: она вместе с младенцем укутана в просторное одеяние типа колокола. В России ее аналогом считается Богоматерь «Прибавление ума», почитаемая студентами и учеными. Под скульптурой Богоматери беломраморный алтарь в виде стола, как это принято в Италии.

Всю эту предварительную информацию рассказываю, чтобы потом не отвлекаться от впечатлений, которые овладевают человеком в этом месте.

Редко я испытывала такое благоговение, такой неизъяснимый покой и умиротворение. Прикасаешься лбом к тонким красным кирпичикам, которых касалась Она, и тепло зали-

вает душу. Выйдешь побродить по храму, рассмотреть прекрасную живопись в капеллах, и снова тянет в домик. Опять стоишь прислонившись к теплой стене, и снова то же чувство, которое пропадает за его пределами. И сколько нам было отпущено времени, возвращались под эти благословенные своды снова и снова.

Хотели запечатлеть жилище Богородицы не только в памяти, но и на фото пленке. Снимать со вспышкой в домике нельзя. Когда напечатала снимки, получила полутемный таинственный дом с бликами свечей и мощным голубым сиянием, струящимся от фигуры Богородицы, изображенной на стене. Показала паломникам, они удивились необычности изображения. Кажется, что сама Мать Божия излучала этот свет.

Благословен этот домик. Вспоминаю это чувство часто. Когда мне плохо, эти воспоминания помогают мне, и звучат в душе стихи.

*У Божьей Матери в Лоретто
В сухое, пепельное лето
Летали ангельские светлы,
У Божьей Матери в Лоретто.*

*Уйти из храма нету силы –
Вновь возвращаешься обратно.
И чувствуешь, тот облик милый
Теплу и Благодати равный.*

*Сей дом, жилище Богодевы,
Везла Елена с Назарета.
И он таит Ее напевы,
Ее священные заветы.*

*Спасибо, Господи, за милость,
Бесценный дар – не по заслугам.
И здесь, в Лоретто ясно мнилось:
Она спасет и приглубит.*

*Не передать святого чувства,
Любви безмерное сиянье.
Челлини лик – он не искусство,
Он Лик живой и Богоданный.*

Наш дом (строительство и архитектура)

Старое здание

По материалам журнала «Вокруг света» (№ 1, 2005), посвященным 250-летию Московского университета

Университет предпочли разместить в самом средоточии исторической, государственной и торговой жизни старой столицы – у Воскресенских ворот, недалеко от Монетного двора и собора Казанской Божией Матери, на пересечении Красной площади и Никольской – улицы просвещения и книжности со времен Средневековья. Указом Императрицы от 8 августа 1754 года создаваемому университету был передан «Аптекарский дом» – здание Главной аптеки, созданное в лучших традициях нарышкинского барокко.

«Аптекарский дом» вместил лекционные аудитории, общежитие для казеннокоштных (находящихся на содержании казны) студентов, помещения администрации, «физическую камеру», анатомический театр, минералогический кабинет, химическую лабораторию, обсерваторию, типографию. С 1756 года начала действовать книжная лавка. Находившаяся в этом же здании университетская библиотека была открыта «для любителей науки и охотников чтения каждую среду и субботу с двух до пяти часов». Однако, пожалуй, самым популярным новшеством оказался общедоступный университетский театр, где играли профессионалы и любители.

В 1756 году для университета наняли, а затем купили трехэтажный дом князя Репнина на углу Моховой и Никитской улиц. Строительство новых помещений было неизбежным. Профессора ратовали за расположение построек поблизости, но вне стен храма. Однако выбор места и архитектора строительства университетских зданий принадлежал Императрице <...>.

Сегодня редко кто вспоминает, что проект нового университета сначала представил В.И. Баженов. Однако его предложение было отвергнуто, а разработку проекта университетских зданий поручили знаменитому М.Ф. Казакову. Подготовительные работы начались в 1770-е годы, а поиск окончательного архитектурно-



Старое здание Московского университета



го решения продолжался до 1786 года. Зодчим было создано 3 проекта – они отразили общую эволюцию классицизма к предельной строгости и обобщенности форм. В 1782–1784 годах возвели боковые крылья. С 1786 года велось строительство центральной части комплекса. Необходимый кирпич доставлялся с принадлежащего куратору университета М. М. Хераскову завода у Воробьевых гор, белый камень – из села Мячкова, а щебенка – из района современного Гоголевского бульвара, где разбирали стену Белого города. Торжественное открытие университетского дома состоялось 12 августа 1793 года <...>.

Университетский дом стал частью жизни города и вместе с городом пережил 1812 год. Почти все университетские постройки сгорели во время пожара. И хотя в августе 1813 года было объявлено о начале занятий, из-за масштабов разрушения к восстановлению университетского дома приступили только через 5 лет. Работами руководил Д. Жильярди. 5 июля 1819 года состоялось торжественное открытие реконструированного здания.

С восстановлением дома на Моховой получает новую жизнь университетский квартал Москвы – постепенно возводятся новые корпуса. На Моховой (ныне дом № 9) усадьба Пашковых в 1830-е годы перестраивается под руководством архитектора Е. Д. Тюринина под Аудиторный корпус, в 1904–1905 годах он был реконструирован К. М. Быковским.

Во второй половине XIX – начале XX века продолжали возникать новые учебные, научные, жилые постройки. Всего до недавнего времени насчитывалось до 20 зданий. В первую очередь следует назвать Фундаментальную библиотеку, построенную к 1905 году по проекту К. М. Быковского в «неоренессансном» стиле. По проекту того же архитектора в 1879–1902 годах были возведены здания Ботанического музея. Отличительной особенностью их стал «ботанический» и «зоологический» декор. Наиболее стройным и строгим стало здание Геологического музея 1912–1918 годов.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

От Правления Императорского Московского Университета объявляется, чтобы желающие принять на себя: 1. Окрашение КРЫШ с водосточными трубами дикой краскою на масле за два раза, на зданиях старого дома Университета; 2. Исправление крыши над церковью и музеем в новом доме Университета, с переменою старых проржавленных листов и с окраскою новых дикою же краскою на масле, явились в сие Правление к торгу 30 текущего апреля и к переторжке 3 будущего мая месяца в 12 часов утра с законными свидетельствами и залогами.

«Московские ведомости»,
№ 50 от 26 апреля 1851 г.
«Прибавление», стр. 114

Акт технического осмотра в середине 80-х годов прошлого века памятника архитектуры – здания Московского университета по адресу: Моховая, 9

Жилой трехэтажный дом построен в конце XVIII в. для Д. И. Пашковой. От нее дом перешел к сыну В. А. Пашкову. В 1833 г. дом Пашкова был приобретен Московским университетом. Главный дом был переоборудован архитектором Е. Д. Тюриным в 1835 г., а во флигеле, где помещался театр, была устроена в 1837 г. Татьянинская церковь. Переоборудование церкви производил архитектор Тюрин. В 1905 г. главный корпус был капитально перестроен архитектором К. М. Быковским. В 1942–43 гг. здание, пострадавшее от взрыва авиабомбы, реставрировалось под руководством архитектора С. А. Торопова. Тогда же восстановлена и чугунная ограда здания, которая была отлита по рисунку Тюрина. К юго-восточному торцу здания в XX в. пристроен новый корпус, соединяющий главное здание с бывшей церковью. Используется здание для учебных помещений. Цоколь главного здания оштукатурен. В здании бывшей церкви цоколь белокаменный. Отмостка асфальтирована, в хорошем состоянии. Кровля железная.

Центральная часть здания перекрыта стеклянным трехъярусным куполом. Купол и над центральной частью бывшей церкви (сейчас там находится ДК МГУ).

Главный фасад обработан шестиколонным портиком ионического ордера между II и III этажами. Во фризе и карнизе, также над окнами II и III этажей лепные орнаменты. I этаж обработан рустом. Ротонда бывшей церкви обработана колоннами ионического ордера, в нишах лепной орнамент.

Общее состояние удовлетворительное. Срочного ремонта требует стеклянный купол*.

I этаж – перекрытия сводчатые, остальные в коридорах II и III этажей – сводчатые, в аудиториях – плоские.

Полы частично новые, паркетные, метлахская плитка. Стены оштукатуренные и покрашенные известковой и масляной краской. Вестибюль парадной лестницы обработан: I этаж – колоннами, отделанными серым искусственным мрамором, II этаж – колонны, искусственный мрамор розового цвета, композитного ордера.

Переплеты окон изготовлены по старому рисунку, двери новые XX в.

Парадная мраморная, трехмаршевая лестница с деревянными балясинами. Лепные капители колонн композитного ордера. Резные деревянные канделябры** на каменных тумбах, тумбы соединяют металлическую решетку, ограждающую лестничную клетку III этажа. Имеется внутренний сад. Перед зданием в 1876 г. был поставлен бронзовый бюст М. В. Ломоносова работы скульптора С. И. Иванова. В 1941 г. постамент памятника был разрушен авиабомбой. В 1943 г. поставлен временный памятник работы скульптора С. Ф. Меркулова. В 1957 г. поставлен памятник Ломоносову. Скульптор И. И. Козловский.

* В начале 90-х годов прошлого века трехъярусный купол был заменен двухъярусным. Работы проводились финскими мастерами.

** Канделябры не деревянные, а металлические.

Факты свидетельствуют

7 сентября 1947 г. (день, когда вся страна праздновала 800-летие Москвы) в столице были заложены восемь высотных зданий. Одно из них – 32-этажный дом для рабочих – предполагалось построить на Ленинских горах – там, где сейчас оборудована смотровая площадка. Над проектом работали несколько архитекторов под руководством Бориса Иофана (автора проектов Дворца Советов и «Дома на набережной»).

Через полгода Сталин распорядился выделить строительную площадку на Ленинских горах для здания университета. Возникли серьезные разногласия по поводу места строительства. Боялись, что под тяжестью здания, расположенного над обрывом, грунт начнет оседать. Иофан не был с этим согласен. Его отстранили от проекта. Работу поручили группе архитекторов под руководством Льва Руднева. Строительная площадка была отодвинута от берега. 12 апреля 1947 г. был заложен первый камень.

В процессе строительства проект менялся. Вместо запланированных 32 этажей стало 36 (главный корпус). Высота башни – 240 метров. 58 метров – шпиль, увенчанный звездой. Диаметр ее – 9 метров. Часы на главной башне – самые большие в Москве. Диаметр циферблата – 9 метров. Боковые корпуса – 18-этажные. Имеются 4 башенки. На них часы, барометр, термометр и гигрометр.

Архитектурный стиль – сталинский ампир. Очевиден возврат к классике – множество колонн и статуй, лепка с советской символикой. Со стороны главного входа скульптуры студента и студентки работы Веры Мухиной.

Задумывался главный корпус как самостоятельное здание. Общежитие, столовые, магазин, медицинский комплекс, бытовые услуги, почта, связь, кинозал, театр, типография и бассейн. Полная автономия.

1 сентября 1953 г. состоялось торжественное открытие нового здания, хотя строительные работы продолжались.



Почтовая марка. На ней изображен проект 26-этажного здания Московского государственного университета.

Страница памяти

В. С. Виноградский*

КОЛЛЕГИ

*Во время войны фашистская бомба
попала в стеклянный купол
старого здания Университета
на Моховой.*

Расставило время акценты.
Война всем свое воздала.
На фронт уходили студенты,
Доценты, профессора.
Шли танков железные ромбы,
В столичный прицелившись щит.
Полночной фашистскою бомбой
Был купол стеклянный разбит...
В струе огнеметов сгорали,
Шептали святые слова –
Коллеги в бою умирали,
Чтоб нашей осталась Москва.
Жесток, беспощаден и долгов
Войны сокрушающий вал.
Стал летчиком бывший биолог,
Историк – разведчиком стал...
Не зря сквозь смертельные годы,
На дальнем войны берегу,
В рейхстаге написано гордо
Три слова: «Мы здесь. МГУ».
Коллеги! Вы были из стали...
Мы мужество ваше храним,
И купол сияет хрустальный,
И мирное небо над ним!

СОЛДАТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Впечатавшись в память столетья,
Как будто в бессрочный запас,
Все чаще уходят
в бессмертье,
Все меньше живут среди нас...
Стальные солдаты,
матросы,
Сквозь годы боев и утрат
Горят наши мирные росы
Всем золотом ваших
наград.
Седого народа полпреды,
Чья юность с огнем
пополам –
Сияющий орден Победы
Вручила История вам.

* Время свиданий: Книга стихотворений. М.; 2001. С. 56–57.

Студенческие традиции и обычаи

В этой рубрике рассказывается о традициях и обычаях студенчества, и не только российского.

Слово

О назначении университетов вообще, и в особенности русских, произнесенное Михаилом Погодиным

словесных наук магистром, всеобщей и российской истории в отделении этико-политических наук адъюнктом, Императорской Академии наук корреспондентом и Обществ, Московских: истории и древностей российских, любителей российской словесности, и Казанского любителей российской словесности действительным членом.

В сей торжественный день, когда университет Московский празднует семидесятилетие своего существования и двадцатипятилетие своего обновления, избранный произнести пред вами слово, почтенные посетители, на какой предмет, после священного воспоминания моих предшественников о благодеяниях, изливаемых на нас августейшими венценосцами, пред сообщением вам отчета о наших занятиях, трудах и успехах, на какой предмет могу я приличнее, достойнее, обратить ваше внимание, как не на цель университетов вообще, их происхождение, распространение, нынешнее состояние, отношение, в котором находятся к ним университеты русские, и преимущественно московский, древнейшее, обширнейшее, знаменитейшее святилище наук в любезном нашем Отечестве.

Начало университетов относится к двенадцатому столетию, к тому времени, как светлые религиозные понятия первых учителей христианской церкви и блестящие искры древнего просвещения, засыпанные на время варварами, разрушившими западную римскую империю, освободились наконец из-под пепла, их покрывавшего, и возгорелись с большею силою;

к тому времени, как с успехами образования гражданского, при стечении разных благоприятных обстоятельств, возникли в душах новых

обладателей Европы высшие, благороднейшие желания, неизвестные их диким предкам. Тогда в ответ на сию потребность века в разных юго-западных городах европейских явились мужи, которые всенародно, как в древних академиях, учили философии и богословию в Париже, римскому и каноническому праву в Болонье, врачебному искусству в Салерно и Монпелье – наукам, неслыханным в духовных школах, которые в продолжение пяти веков были единственными учреждениями для образования и ограничивались семью так называемыми свободными науками: грамматикой, диалектикой, логикой, риторикой, арифметикой, геометрией, астрономией и музыкой, Не подчиняясь влиянию духовенства, новые служители просвещения занимались преподаванием с полной свободой, и от всех сторон стекались слушатели, юноши и мужи, простые граждане и знатные сановники, в их уроках искать себе ответов на свои сомнения и недоумения. Сии-то собрания, вскоре после своего образования получив права и преимущества от правительств, действовавших в этом случае по частным своим соображениям, стали называться университетами, в смысле соединения учащихся и учащихся, (*Universitas magistrorum, Universitas scholarium, Universitas magistrorum et scholarium*), и уже впоследствии это имя, употребленное без придаточных слов, стало означать полное собрание позволенных наук, которые преподавались в новых заведениях, т. е. всех известных, кроме магии*.

Е. В. Скударь

У истоков

О возникновении студенческих традиций возможно говорить лишь с того времени, когда стали открываться университеты, сменившие или дополнившие учреждения, входившие в систему образования различных стран.

Слово «университет» в переводе с латыни означает «совокупность». Первые университеты возникли в странах Западной Европы – Италии, Испании, Франции, Англии и других – в XII – XIII вв.

Кроме приобретения научных знаний, учитывающих последние достижения человеческого гения, они давали молодежи воз-

* Цит. по: Речи и стихи, произнесенные в торжественном собрании Императорского Московского университета 26 июня 1830 года. М., 1830. С. 109.

возможность объединяться в сообщества, способствующие развитию волюнтаризма, критической и атеистической мысли.

На XII–XIII вв. приходится расцвет литературы вагантов, в основном песенной. Ваганты, или голиарды (*vagantes*, лат., *goliards*, фр.), – бродячие нищие студенты, школяры, исполнители любовных, антиаскетических) застольных, пародийных, часто с политическим или антицерковным подтекстом, песен. Средневековые студенты – зачастую озорники, воришки, нарушители общественного спокойствия. Любили собираться в кабаках, на постоянных дворах, устраивать пирушки, которые иногда перерастали в уличные беспорядки. За это преследовались блюстителями порядка и официальной церковью. Позже в XVI–XVII вв. университеты появляются почти во всех странах Европы.

Очень старые университеты имеются в городах Германии, Чехии, Польши и т.п.

В России первые университеты возникли в Москве и Петербурге. Их создание было следствием петровских реформ. В Москве, благодаря усилиям и стараниям Михайлы Васильевича Ломоносова, воле ее Императорского Величества Елизаветы Петровны и с помощью графа Ивана Ивановича Шувалова в 1755 г. открылся университет, который до 1917 г. именовался Императорским. Однако еще долгое время «западное» образование считалось более престижным. Интересно, что, по официальной статистике, в университетах Западной Европы, особенно в Германии, 30% студентов в XIX в. были русскими. Связь с немецкими университетами ощущали многие. В «Охранной грамоте» Борис Пастернак пишет о «пятилетнем шарканьи Ломоносова по марбургским улицам», о том, что он, как и Ломоносов, с трепетом вступил в этот ничуть не изменившийся за 200 лет город, о родстве, которое он ощущал с любым немецким студентом.

Здесь уместно вспомнить и «Фауста» И. В. Гёте, где есть сцены, описывающие, как сейчас принято это называть, гламурные развлечения средневековых студентов.

О традициях московского студенчества можно получить некоторое представление из публикуемой ниже анкеты «Зари» за 1914 г., а о том, как учатся и развлекаются студенты в современной Европе, – из статей С. А. Петровой и Н. В. Фроловой.

Анкета «Зари»

Любопытная рубрика существовала в еженедельном иллюстрированном журнале «Заря» за 1914 г. (издание Т-ва И. Д. Сытина). Она носила название «Анкета “Зари”» и выражала мнения людей по разному поводу.

На вопрос «Можно ли повысить нашу рабочую энергию?» отвечали читателям «Зари» известные московские профессора.

О том, как «выйти в трудовую жизнь служителю слова или искусства», рассказывали А. Н. Толстой, С. Т. Коненков, К. А. Коровин.

В анкете «Интересные люди об интересных людях» много необычных подробностей жизни А. Ф. Писемского, А. П. Мея, И. С. Тургенева.

«Честь семьи и право детей» – так называется еще одна «Анкета “Зари”». На вопросы редакции ответили общественные деятели, ученые, писатели, отцы и матери, представители молодого поколения.

Под этой же рубрикой обсуждается действие указа правительства о запрещении продажи водки.

«Анкета “Зари”» во втором номере журнала за 1914 г. посвящена традиционному студенческому празднику «Татьянин день» и содержит воспоминания выпускников Московского университета XIX века. Ниже приводим её текст.

Обращение редакции «Зари» к читателю

Обычно принято отмечать десятилетие, двадцатилетие, пятидесятилетие чего-нибудь, но в Москве, на Моховой, стоит ежегодный юбилар. Стоит он, немного пригорюнившись, выцветший, с облупленной штукатуркой, но то ли еще бывало! 100 лет тому назад в эту пору он был развалиной, а и тогда праздновали Татьяну, и тогда ежегодно говорили профессора – старички в париках, в голубых вицмундирах – речи, а студенты, гордившиеся своими малиновыми воротниками и шапками, пили горькую за процветание своей Alma mater. И ведь нужно сознаться, что всю свою жизнь, трудами и страданиями заслужил Московский университет этот ежегодный юбилей. Мы рады, что можем отметить

его, обрисовав интересные черты жизни сердца русской науки, заглянув в славное его прошлое.

Татьянин день

*Так было прежде и стало
Преданьем старины глубокой...*

В день св. Татианы, 12 января (по ст. ст., нов. – 25 января – Ред.), сходились настоящие и бывшие питомцы Московского университета – этого седого патриарха среди других рассадников русского просвещения. Сходились молодые и старые, без различия социального положения и убеждений – правые и левые. Седина роднилась с кудрями юности. Всех объединяла Любовь к Alma mater – к матери-кормилице, духовной, конечно. А это был именно Московский университет.

Молодые воспринимали от старых заветы прошлого, старые черпали в юношеском энтузиазме обновление гаснущих надежд и потускневших идеалов.

И речи старого профессора, и восторженные тосты-кличи юнцов звучали, как переключка часовых, расставленных на гранях десятилетий.

Кругом бушевали страсти, кипела борьба, волны общественного движения чередовались в приливе и отливе, а он, Московский университет, стоял незыблемо – стоял как твердыня могучей русской культуры, как опора, как источник всех великих чаяний и упований боевой интеллигенции России. Так было прежде.

Студенческие торжества

После официальных торжеств годовщина Татьяны начинала справляться студентами, профессорами и бывшими питомцами Московского университета в ресторане «Эрмитаж». Первый тост обыкновенно произносился за процветание Almae matris. Затем шли спичи за самого старейшего питомца из присутствующих и за самого молодого. Тост старого профессора сменялся тостом юного студента-первокурсника, речь адвоката речью врача.

Читались гордые страницы вековой истории университета и поднимались здравицы за славные имена:

– За старейшего студента Московского университета графа Д. А. Милютина, верного сподвижника Царя Освободителя!

– В память верных стражей науки, покрывших неувядаемой славой университет, – Б. Н. Чичерина, Т. Н. Грановского!

– В память графа Н. А. Милютина, кузнеца-гражданина, выковавшего умелую и решительной рукой основы освобождения крестьян!

Центром всеобщего внимания была всегда речь знаменитого адвоката-златоуста Ф. Н. Плевако, этого неперемного участника Татьянинного дня.

Маг и волшебник слова, московский златоуст, заставлял стихать горячие споры и пение. С бокалом шампанского в руках, стоя на столе, куда водружала его молодежь, весь отдавался порывам молодости, и речь его искрилась остроумием и красотой, переходя от бурного восторга к минорным тонам.

Торжество заканчивалось традиционным *Gaudeamus*. После душевной, угарной комнаты тянуло на воздух. Все отправлялись за город в «Стрельню», где и заканчивалось празднование Татьянинного дня.

Празднование не ограничивалось только этим. Татьянин день справляла вся Москва.

Этот день был по преимуществу студенческим днем. Даже постовые городские проникались этой мыслью, и обычно суровый «бутырь» снисходительно смотрел на резвящихся «коллег»:

– Пусть себе балуют. Такой уж видно день...

На улице празднование вырывалось так же шумно, как было в ресторанах и пивных.

Центром служил Тверской бульвар, куда часам к 11–12 собиралось по несколько сот студентов. Образовывался хор, и в морозном воздухе бодро и весело звучали молодые голоса:

*Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки широкой
Ради славного труда,
Ради вольности веселой
Собралися мы сюда.
Вспомним горы, вспомним доли,
Наши храмы, наши села,
И в стране, в стране чужой
Мы пируем пир веселый
И за родину мы пьем.
Пьем с надеждою чудесной
Из стаканов полновесных
Первый тост за наш народ,
За святой девиз – вперед,
Вперед, вперед, вперед!*

Заунывная песня о родных местах сменяется бесшабашной песнею молодости:

*Есть в столице, Москве,
Один шумный квартал,
Что Козихой-Большой прозывается.
От зари до зари,
Лишь зажгут фонари,
Вереницей студенты шатаются.
И т. д.*

Отдается дань и молодому чувству:
*Не любить – загубить значит жизнь молодую,
Сердцу рай, выбирай, каждый деву младую,
От бессонных ночей голова не болит,
А болит у того, кто беспросыпу спит.
От бутылки вина не болит голова,
А болит у того, кто не пьет ничего.
Проведемте ж, друзья, эту ночь веселее,
Пусть студентов семья соберется теснее.*

События 90-х годов создали новые студенческие песни, например:

*Как мне жаль ту девицу,
Что в манеж пошла одна,
Отворите ей темницу,
Дайте ей сиянье дня.
В одиночном заключеньи
Привыкали, как могли.
Ах вы, сени, мои сени,
Сени новые мои.
Вот Архангельск, вот Пинега –
Все болота да леса,
Пропадай моя телега,
Все четыре колеса!..*

Пение сменялось играми. Тут же на бульваре устраивались чарда, слон, снежки.

Особым удалством празднование Татьянинного дня отличалось на Козьем болоте – Козихинские переулки. В конце 80-х годов среди студентов, ютившихся на Козихе, был обычай справлять с большой помпой именины Кабанихи – Татьяны Кабановой, по профессии прачки, много лет свято исполнявшей обязанности студенческой мамыши.

Кабаниха, или по-праздничному Татьяна Карповна, была всеобщей пестуньей.

Всем своим «скубентам» она говорила «ты» и звала просто по именам.

Кабаниха строго блюла интересы своей паствы. Обмывала, обшивала, штопала и чинила, приходила на выручку в тяжелые моменты жизни, ухаживала за больными, вразумляла сбившихся с пути истинного. Получал студент деньги – Кабаниха, знавшая о всех возможных получениях, тут как тут. Она уж и составляла смету расходов.

– Вот тебе рубль – угости товарищей и меня, старуху, не забудь. Закуску сама уж приготовлю.

Затем шли расчеты: сколько дать хозяйке, сколько заплатить за харчи. Покупки по домашности Кабаниха брала на себя и бежала без устали по Сухаревке, Ильинке, выторговывая гривенники на поношенных брюках, шерстяных чулках, рубахах и т. п.

Кабаниху знала вся Козиха.

– Ну, как твои голоштанники? – спрашивали обыватели Кабаниху.

– Голоштанник, да не тебе чета, – отвечала обиженно Кабаниха, – и начинала перечислять все науки, которые превосходят ее «скубенты».

В Татьянин день все шли поздравить Татьяну Карповну с днем ангела. Говорились речи, читались стихи. Приносилась хлеб-соль.

Кабаниха, в нарядном платье, кланялась гостям и просила не погнушаться отведать пирога.

Пока говорили ораторы пожелания ей здоровья и благополучия, Кабаниха выдерживала, но когда выступал с речью студент Б., бывший семинарист, прошедший в университете не один десяток лет, переходя с факультета на факультет, и принимался говорить от писания, Кабаниха начинала всхлипывать и горько плакать:

– И откуда у тебя, Митроша, слова такие? Просто сердце щемит. Да так все складно, все по порядку. Б. пользовался особым расположением Кабанихи за его действительно блестящий ораторский талант и неисчерпаемое остроумие.

– И когда ты человеком станешь? – выговаривала она ему. – Все учишься да учишься.

– Ничего, мамаша, мудрее стану. Трудно найти себя, человека. До себя самый далекий путь. Вот дойду, стану адвокатом, тогда тебя в экономки возьму.

Торжество у Кабанихи заканчивалось часов в пять утра апофеозом.

На водовозной бочке верхом ехала Кабаниха: в руках у нее была пустая четверть из-под водки. «Выезд» замыкался гостями, напевавшими какую-либо студенческую песню под аккомпанемент гитары. Шествие направлялось за водкой.

На обратном пути уже с «запасом» устраивали шествие царицы Клеопатры.

Студенты усаживали к себе на плечи Кабаниху и так доносили ее до дому.

Шире дорогу – Ляпинка идет!

Празднование имени Татьяны Кабановой было известно далеко за пределами Козихи. Там море водки и настоящие сдобные пироги, и к этому морю тянулись со всех сторон. В самый разгар веселья у Кабанихи появлялась странная фигура студента П-ского, одетого в какую-то кацавейку с пледом на плечах и в широкополой шляпе. П-ский был представителем известного в свое время общежития для студентов – Ляпинки.

– Татьяна Карповна, разрешите возвеличить Татьяну, ляпинцы пришли!

В комнату вваливалась компания «бедных, но благородных» студентов-ляпинцев и начиналось величание:

– Кто виноват, что пьяны?

Спрашивала одна часть хора,

– Татьяна, Татьяна!

Отвечали другие. И затем всем хором повторяли:

Наша милая Татьяна,

Наша милая Татьяна!

Как ты пьяна,

Как ты пьяна!

Куплеты этого «прославления» слагались обыкновенно экспромтом и очень часто носили злободневный характер.

Проделками студентов в Татьянин день полна история старого студенчества, умевшего работать и отдаваться науке и в то же время не отказывавшегося от веселых пирушек.

Но прошли времена. Теперь только старые могикане вспоминают минувшие, безвозвратные дни...

Татьянин день 40 лет назад

(из воспоминаний д-ра Померанцева)

Много подчас курьезного и смешного происходило в жизни студенчества семидесятых и восьмидесятых годов. Тогда умели веселиться, умели праздновать Татьянин день – этот праздник Московского университета, всего русского студенчества. Теперь этот

обычай понемногу исчезает, день Татьяны очень многим ничего теперь не говорит ни уму, ни сердцу.

Вот, например, один из курьезных эпизодов, над которым в свое время смеялась вся Москва.

В Татьянин день компания студентов заказала владельцу экипажного заведения карету, запряженную цугом, для развозов по Москве. Владелец, отлично зная, что с заказчиков-студентов, да еще с таких, которые даже задаток давали «в складчину», кроме задатка ничего больше не получить, – приказал рабочим запрячь лошадей в самую что ни на есть старую и поломанную карету. «С пьяных глаз и такая сойдет», – так, по-видимому, рассуждал хозяин этой допотопной колымаги.

В назначенный час студенты явились за каретой. Поналезло в нее народу столько, сколько только могла в себя вместить эта колымага, именуемая каретой. Кому не хватало места внутри кареты, те стали на запятки, более предприимчивые уселись верхом на лошадей. Нечего и говорить о том, что компания еще накануне изрядно подвыпила да и с собой в карету не забыла захватить целую батарею бутылок. День тогда как раз был очень морозный, и студенты, севшие верхом на лошадей, поверх шапок понадели башлыки. В таком виде карета помчалась по улицам Москвы. Едут студенты, а прохожие, в особенности простонародье и бабы, останавливаются и крестятся. Думали, что чудотворную икону какую везут. Подъезжает компания к ресторану «Эрмитаж». А там уже столько народу понабилося, что больше никого не пускают. Но не попавшие внутрь ресторана додумались до следующего. Откуда-то достали бочек, старых столов, табуретов и тут на тротуаре устроили второе, «летнее», отделение «Эрмитажа». Когда к этому импровизированному ресторану подъехала карета с пьяной компанией, на площади поднялся форменный галдеж и чуть не драка. Каждому хотелось попасть в карету, покататься на таком оригинальном выезде. Пока делали остановку у «Эрмитажа», некоторые из студентов стали напаяивать кучера кареты, в конце-концов, так напоили, что он предпочел остаться отсыпаться на тротуаре, чем опять лезть на свое место на козлы. На его место быстро нашли заместителей из среды добровольцев-студентов. Двое из них взобрались на козлы, взяли в руки вожжи, и карета тронулась по на-

правлению к Тверской. Теперь в нее понабило столько пассажиров, что о холоде и думать позабыли, – до того было жарко в карете. Едет такой оригинальный выезд по Тверской, вызывая, разумеется, всеобщее внимание прохожих, как вдруг, когда карета подъезжала к Садовой, в ней что-то хрустнуло, потом послышались крики сидящих в карете, и карета остановилась.

Оказалось, что не в меру перегруженная древняя колымага не выдержала всей тяжести сидящих в ней студентов. Дно вывалилось, и ноги пассажиров очутились на снегу. Собравшаяся в огромном количестве толпа громко смеялась, любуясь на такое невиданное зрелище. После короткого переполоха студенты нашли, что приключенное это очень оригинально и, решили идти внутри кареты до самого «Яра» пешком. Сказано – сделано. Карета медленно тронулась в путь, а ее пассажиры шли внутри нее. Прохожие с недоумением смотрели на такой способ передвижения, замечая десятки ног, которые торчали на том месте, где полагается быть дну кареты. Все бы кончилось ко всеобщему удовольствию. Но, увы, когда карета выехала или скорее «вышла» на Петербургское шоссе, добровольцы-ямщики со свистом и гиканьем стали погонять лошадей. Пьяны ли они были или решили «подшутить» над бежавшими в карете товарищами – только карета помчалась. Сколько ни кричали несчастные пассажиры, которым пришлось бежать во всю прыть внутри кареты, сколько ни умоляли «кучеров» остановиться – те и в ус себе не дули и только сильнее погоняли лошадей. К счастью, лошади были такие же древние, как и карета, и не особенно любили, да и не могли, бежать резво, а то бы не добровать находящимся в карете. Но все-таки несчастным студентам пришлось бежать своеобразной рысью вплоть до самого «Яра». Весь хмель вылетел у них из головы после такой оригинальной прогулки. Но это не помешало им после краткого отдыха опять приняться за должное празднование Татьянинного дня.

Когда студенчеству жилось вольготней?

Я – студент 80-х годов, но я знаю одного старца, который помнит 30-е годы, который принадлежит к поколению Тургенева, Некрасова и Достоевского. Это – доктор Казанов, прослуживший 60 лет врачом при Московском почтамте.

Сейчас ему 92 года. Но он очень бодр и крепок, полон умственных сил, всем интересуется. Вы его можете нередко видеть в одной из московских кофеен, где он по целым часам просиживает над усердным чтением газет и журналов. На днях я его спросил:

– Как жилось студенчеству в ваше время, 70–75 лет тому назад?

– О, куда лучше, – ответил он мне, – чем сейчас. Свободы было больше тогда для учащейся молодежи. О, куда больше, чем теперь! Господи Боже ты мой, бывало, мы и сходились, и собирались в каком хотели количестве, и говорили о чем угодно, и никто-то за нами не подглядывал, и никто-то нам препятствий не чинил никаких. Никаких и политических историй из наших студенческих волнений и недоразумений обыкновенно не делали. И исключения из этого обыкновения были крайнею редкостью. Да и жилось хорошо – свободно, – ну, куда там и сравнивать с нынешним временем.

На перепутье двух эпох

Вот что рассказывал П.Н. Обнинский, захвативший как раз кризис в истории положения студентов и университета, – конец «железного века» Николая I и воцарение Александра II, освободившего университет от солдатчины:

– Мы, студенты-новички, уже в 9 часов утра, по положению, стоим в приемной в ожидании самого господина субинспектора. Но вот он является. Начинается смотр. Батюшки! Горе наше! Мы все оказались не в порядке: у одного был замечен еще пробивающийся пушок на верхней губе, у другого волосы были слишком длинны, третий не застегнул всех четырех крючков на подпиравшем шею воротнике и т. д. Затем было показано, как отдавать честь, сбрасывая шинель с правого плеча, и т. п. артикулы, которые мы должны были неоднократно проделывать уже сами; под конец получили мы строжайшее запрещение появляться где-либо и когда-либо в фуражке, и аудиенция, слава Богу, кончилась более или менее мирно, благополучно...

Надо сказать, запрещение фуражек было очень и очень жестоким, особенно имея в виду морозы – жестокие тогдашние морозы. Углы «пирога» мешали поднять воротник. Некоторые хитре-

цы заказали было шляпы с прямыми углами, а не с опущенными, как полагалось по форме, но увы! – начальство заметило, увидало в этом пример опасного свободолюбия и запретило!..

С воцарением Александра II, в 1856 году посетившего университет, все изменилось. Возникли новые веяния и настроения, заброшена была шагистика и снят административный гнет. Правда, инспектором студентов оставался военный, а именно, полковник Ильинский, который преследовал незастегнутые пуговицы, отсутствие галстуков и белые (летом) фуражки у студентов, но дальше замечаний, и при том вежливо делаемых, это не заходило.

«Чельши» и их обитатели

В сороковых годах отправление юношей в университет, в Москву, являлось целым событием. Будущий студент приезжал в столицу в сопровождении специального «дядьки», который должен был заботиться о нем. Жили тогда студенты не в одиночку, а по большей части в номерах или специальных квартирах, сплошь населенных студентами. Одной из таких популярных в Москве квартир были так называемые «Чельши» на Театральной площади. Там жили, между прочим, будучи студентами, Николай Михайлович Лопатин, братья Николай и Иван Павловы, Татаринов, Мальшев, Шульгин и др. В дружбе с этой компанией были жившие отдельно: сын богатого помещика А. В. Иевлев, Н. О. Левицкий-Бунин и др. Это была тесная группа друзей, очень серьезная по характеру. Дни проходили в занятиях, в вечных спорах на самые разнообразные темы. По убеждениям вся молодежь была «гегелианцами». Целыми ночами они разбирали вопросы о существовании Бога, о происхождении человека.

Но иногда мирная жизнь обитателей «Чельшей» нарушалась неожиданными эксцессами и выходками некоторых из студентов, любителей выпить и кутнуть в подходящее время. Особенно отличался на этой почве Иван Васильевич Павлов. Поразительно талантливый человек, он был раньше чиновником, во всех местах своей службы отчаянно воевал с губернаторами, боролся со взяточничеством и отовсюду, конечно, принужден был уходить. Впоследствии он был управляющим одной из контрольных палат. Итак, этот Павлов иногда предавался безумным кутежам. Так, од-

нажды он явился с одной оторванной фалдой у скюртука и на вопрос, что с ним произошло, только отмалчивался и сокрушенно заявлял: «Что делать. Урок жизни, батюшка. Ничего не поделаешь...». С тех пор эти слова об «уроке жизни» вошли в поговорку при всех однородных происшествиях с кем был то ни было. Однажды в пьяном виде он даже подрался с будочником, стражем тех времен, и вырвал у него алебарду. От печальных последствий подобного происшествия его спас только инспектор Нахимов, вечный заступник за студентов. Павлов обладал феноменальной силой и однажды в пылу спора так загорячился, что ударом кулака разрушил печь в комнате, выбив из нее кафель. Его брат Николай был страстным поклонником церковного пения. Отличался также тем, что вечно разговаривал на всю церковь громким голосом. Однажды, вернувшись после кутежа домой, он не узнал расположения мебели и недоумевал: почему здесь стоит шкаф, куда девалось кресло и т. д. В то время празднование Татьяны началось немного позже и сначала было особенно популярно в среде казеннокоштных студентов, живших в университете. В подвалах университета собирались дружной семьей студенты и профессора. Начиналась грандиозная выпивка. Господствовало полное равенство.

Общий любимец инспектор Добров приносил в Татьянин день на своей спине специальный серебряный жбан. В этом жбане при общих радостных возгласах варилась традиционная жженка.

Клятва на шпагах

(из воспоминаний студента 60-х годов И. П. Деркачева)

В том студенческом кружке, к которому принадлежал и ваш покорнейший слуга, числились юноши, крайне увлекающиеся всяким делом. Нарушать данное слово считалось преступлением. Поступать против убеждений – этого ни в коем случае не допускалось. Один из членов этого кружка, Маккавеев, будучи уже на пятом курсе медицинского факультета, вышел из университета после одной блистательной речи молодого тогда профессора Захарьина. Сей профессор, только что возвратясь из Берлина, громил на своих лекциях современное состояние медицины, а практикующих медиков называл просто шарлатанами.

– Я не желаю быть «шарлатаном», – сказал просто Маккавеев и вышел из университета. Отец его, провинциальный врач, умирал в это время в нищете; надежда на сына, кончавшего тогда курс на медицинском факультете, рушилась! Но отец, умирая, благословил своего сына, сказав: «Я не поступал никогда против своих убеждений и тебя не насилую...». И достойный сын достойного врача в университет не возвратился, несмотря на уговоры самого Захарьина. Странная, очень странная была тогда молодежь! Расскажу еще один случай.

Три студента, сидя за кружкой пива, поклялись друг перед другом, поклялись на шпагах, что они никогда не женятся. Так что же вы думаете – они и не женились, и я верю, что они не женились лишь потому, что были связаны честным словом честной молодежи. Я виделся с одним из этих чудаков – малороссом. Стариком уже возвращался он с далекого севера на свою родину. Жалуюсь на то, как ему было трудно жить одному без жены, он, ухмыляясь, говорил:

– А все-таки не оженився; не хай и ті живуть біз жінок.

Студент и квартальный

(эпизод из далекого прошлого)

Спектакль в Малом театре. В антракте один из зрителей, студент Извеков, усердно вызывает студенческую любимицу актрису Колосову. Извеков немного выпил, и его восторги принимают чересчур громогласный характер. На несчастье, его место находится рядом с местом самого обер-полицмейстера. Тот хмурился, хмурился, да и не выдержал и распорядился удалить из театра не в меру разошедшегося студента. Частный пристав подходит к студенту.

– Будьте любезны удалиться из театра!

Извекову остается только повиноваться. Вместе с приставом он вышел в подъезд, где пристав передал его квартальному с требованием отвезти выпившего студента в университет на усмотрение его начальства. Извеков сел с квартальным на извозчика. Хмель у него вылетел из головы, и он был занят только одной мыслью, как бы избежать поездки в университет с квартальным и вероятного последствия ее – карцера. Проезжают они через Охот-

ный ряд мимо еще и теперь существующей гостиницы «Париж». Извекова осенила идея.

– Господин квартальный! Так как мне, вероятно, придется провести эту ночь в участке, то позвольте мне захватить в гостиницу, сообщить матери и сестре, чтобы они меня не ждали сегодня домой. – Квартальный, не имея оснований отказать в подобной просьбе, но и, подозревая ловушку, решил сам войти с Извековым в гостиницу. Входят в первый попавшийся номер. На счастье Извекова в номере сидит компания игроков в карты – студентов.

– Господа, – обращается он к ним, – передайте, пожалуйста, моей матери и сестрам, что я сегодня ночью в карцере и чтобы меня не ждали дома. – Начало сделано. Но надо изобретать продолжение. Извеков обращается к квартальному.

– Разрешите мне подкрепиться и закусить перед предстоящим карцером. Кстати, и сами выпейте за компанию. – Квартальный, конечно, не в силах был устоять против подобного приглашения. Началось угощение. Через некоторое время квартальный был пьян вдребезги, а Извеков, трезвый, уже обдумал план дальнейших действий.

При помощи товарищей он раздел пьяного квартального, напялил на него студенческий мундир, а сам переоделся в полное облачение квартального. В таком виде он выволок пьяного квартального на извозчика, привез его в университет, вызвал сторожа и приказал поместить в карцер как пьяного студента, вплоть до вытрезвления.

На другое утро квартальный просыпается и никак не может сообразить, что с ним случилось и где он. Наконец, видит на себе студенческий мундир и начинает соображать, в чем дело. Тут как раз входит сторож и зовет идти к субинспектору.

– Я не пойду. Я квартальный, а не студент. Выпусти меня, – пытается протестовать узник.

– Ну, иди! Не упрямься! Может быть, тебя инспектор и простит, – уговаривает его сторож.

Приходят к субинспектору Шпейеру, большому крикуну и ругателю. Тот накидывается на злополучного квартального.

– А! Опять нарезался! Опять пьяный наскандалил! Где? Кайся!

– Да я совсем не студент, – протестует мнимый студент.

– Что? Да ты еще не протрезвился. Ступай опять в карцер! – Шпейер кричит, не дает сказать квартальному ни слова, и того тащат опять в карцер. Инспектор не мог знать в лицо всех студентов, которых было до тысячи человек, и не мог и подумать о возможности какого-нибудь недоразумения.

Так продолжалось и на следующее утро, и на третье. Квартальный пытался рассказать, в чем дело. Шпейер кричал, и квартального опять уводили в карцер впредь до вытрезвления. Только на третий день Шпейер разворачивает «Полицейские ведомости» и читает, что неизвестно куда пропал квартальный, приметы такие-то и т. д. Тут ему пришло в голову, что, может быть, его пьяный студент и есть на самом деле квартальный, что он не врет, когда говорит об этом. По приказанию Шпейера сторож привел бедного квартального. Шпейер приказал его освободить, но прочитал ему следующее напутствие:

– Сами виноваты. Ступайте с Богом! Исполняйте ваши обязанности исправнее! Выпутывайтесь у вашего начальства, как знаете, только ни меня, ни моих молодцов не припутывайте, потому что впредь говорю вам, что и допытываться не буду, кто из студентов сыграл с вами такую ловкую штуку.

Студенческие песни

КУДА ИДТИ?

Стихи Н. А. Некрасова

1
Нейди просторною
Дорогой торною,
Страстей раба. (bis)

2
По ней громадная,
К соблазну жадная,
Идет толпа. (bis)

3
О жизни искренней,
О цели выпренней
Там мысль смешна. (bis)

4
Идет там вечная
Бесчеловечная
Вражда – война. (bis)

5
За блага бранные
Там души пленные,
В цепях умы. (bis)

6
Ключом кипящая
Там жизнь мертвящая,
Там царство тьмы!

7
Иные, – чистые, –
Пути тернистые
Обретены. (bis)

8
Иди к униженным,
Иди к обиженным
По их стопам. (bis)

9
Где трудно дышится,
Где горе слышится,
Будь первый там.

GAUDEAMUS IGITUR

Gaudeamus igitur,
Jave nes dum sumus; (bis)
Post jucundam juventutem,
Post molestam senec tutem.
Nos habelit humus. (bis)

Ubi sunt qui ante nos
In mundo fuere?
Vadite as superos,
Transite as inferos,
Ubi jam fuere.

Vita nostra brevis est,
Brevi finietur;
Venit mors velociter,
Rapit nos atrociter
Nemini parceretur.

Vivat academia,
Vivat professores!
Vivat membrum quodlibret,
Vivat membra quaelibet,
Semper sint in flore.

Vivat omnes virgines
Faciles, formosae,
Vivat et mulieres
Tenerae, ammales
Bonaе, laboriosae.
Vivat et respublica
Et qui illam regit!
Vivat nostra civitas,
Maecenatum caritas,
Quae nos hic protegit.

Pereat tristitia!
Pereat osores,
Pereat diabolus,
Quivis anteburschius,
Atque irrisores.

Где все те, что прежде нас
В этом мире жили? (повтор.)
Кто в подземный мир сошел,
Кто в мир горний отошел,
Где мы прежде были. (повтор.)

Жизнь ведь наша коротка,
Промелькнет невидно.
Смерть лихая к нам придет,
В мать сыру землю сведет
Всех нас безобидно.

Слава членам нашего
Университета,
Слава всем профессорам,
И, студенты, слава вам
Всем на многие лета!

Слава нашим девицам,
Милым и прелестным,
Слава женам всем земным,
Нежным и приветливым,
Добрым и любезным.

Слава и стране родной,
И кто ею правит,
Слава нашим гражданам,
Слава, кто любовью к нам
Здесь себя прославит.

Пропадайте горе, скорбь,
Скука и печали:
Погибайте дьявол, бес
И все, кто глумиться здесь
Вздумает над нами...

Гимн Московского Университета

Музыка В. И. Мартынова

Слова В. Д. Федорова

Редакция В. А. Садовниченко

Восславим Университет
Во дни торжеств, во дни побед,
Сумевший миру показать,
«Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать».

Восславим дар Елизаветы,
Исполнившей Петра заветы,
Ее величества указ,
В веках возвысивший Державу,
Чтоб Ломоносов и Шувалов
В деяньях жили среди нас,
В деяньях жили среди нас.

Он - Наш! Он Первый! Он Московский!
Недаром возле стен Кремлевских
Он был рожден, чтоб с давних пор
Стяжать немеркнущую славу,
Принадлежащую по праву
Питомцам Воробьевых гор.

И, доказав, что Знание - сила,
Навек в истории России
Блистательный оставил след
Наук, свершений и открытий,
Умов талантливых обитель
Московский Университет,
Московский Университет.

ВПЕРЕД

Стихи А. Н. Плещеева

1. Вперед! Без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Уж в небесах завидел я.

2. Смелей дадим друг другу руки
И вместе двинемся в поход,
И пусть под знаменем науки
Союз наш крепнет и растет!

3. Провозглашать любви ученье
Мы будем нищим, богачам,
И за него снесем гоненья,
Против озлобленным врагам!..

4. Пусть нам звездою путеводной
Святая истина горит,
И верьте, голос благородный
Недаром в мире прозвучит!

5. Внемлите ж, братья, слову брата,
Пока мы полны юных сил!
Вперед, вперед – и без возврата,
Что б рок вдали нам ни сулил!..

В ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

(Разговор)

Alma mater

Я именинница! Стаканы,
Звоните громче в честь Татьяны!
Друзья! Вином залейте раны!
Живей! Тряхните стариной!
Гоните сумрачную прозу,
Ловите сладостную грезу,
Примите жгучей влаги дозу, –
И мир заблещет, как весной!
Пускай Толстого наставленья
Забудет наше поколенье...
Не пить сегодня – преступленье,
Ложь обескрыленных натур...
Итак, вино скорей на сцену, –
Пусть песнь вину придет на смену,
И глядя вдаль, сквозь эту пену,
Пой «Gaudeamus igitur!»

Непьющий

Не пьется что-то... Нет веселья
В чаду веселого похмелья!..
От промелькнувших светлых дней,
От ярких, радостных огней
Остался горький, злой осадок...
В грядущем больше нет загадок, –
Все ясно, все предreshено.
Не даст забвенья мне вино.

Пьющий

А я, мой друг, «скрывать не стану,
Безумно я люблю Татьяну»,
Люблю подтапливать вином
Остывший пыл, уснувший разум,
Люблю, внимая пылким фразам
И бурной юности экстазам,
Мечтать о том, что стало сном,
И воздавая дань Татьяне,
У «Яра», в клубе, в ресторане

Провозглашать за тостом тост
И пить в пылу живой отваги
За «Almae matris» вечный тост,
И слезы лить над кубком влаги
О красоте «забытых слов»,
Святых надежд, счастливых снов...

Непьющий

Их нет теперь в эпоху мрака,
Когда царит мертвающий гнет...

Пьющий (не слушая)

Бывало Федор-свет-Плевако
Как вспыхнет весь, как запоет!..
Шубинский наш был тоже в моде...
Бывало взвизгнет о свободе,
О конституции-ой-ой -
«Долой, препоны! Прочь, застой!»
«Проснулся спавший дух в народе!»...
И все в таком же левом роде...

Непьющий (перебивает)

Шубинский? Это кто такой?
Есть в Думе некий Шубинской, -
Из октябристов самый правый,
И злоязычный, и лукавый,
Ему свобода - острый нож...

Пьющий

Переменился...ну, так что ж?..
Не продолжай тирады дальше, -
Среди гнетущей лжи и фальши
Седых, безрадостных годин
Одно осталось: пить без меры!
От жажды страждут лицемеры...
Ты не пойдешь? Пойду один!

Куда?

Непьющий

Пьющий

В «Кружок литературный», -
Там в тесном дружеском кругу
Мы вспомним утро жизни бурной, -
И славно выпьем!..

Непьющий

Не могу!

Не пьется что-то в День Татьяны...
Пить, чтоб залить живые раны?
Я в этом прежде видел цель...
Но нынче...чад, угар и хмель
Не принесут душе нирваны!

Alma mater

Не философствуй!.. Пей, как встарь, -
Когда, взглянув на календарь,
Ты каждый день (о постоянство!)
Умел найти предлог для пьянства.
Имей почтенье к старине, -
И помни: истина - в вине!

Непьющий

Нет, истин злых не надо мне,
Их горький яд мне ненавистен,
А рой святых, отрадных истин,
Которым верилось легко,
Витают где-то далеко...
Ах, жизнь быстрее кинемоленты!
Забыв о славных стариках,
Живого Линдера студенты,
«Свободно» носят на руках.

Бурши

Германия по праву считается колыбелью университетского образования. Старейшим университетом Европы является Гейдельбергский университет, открытый в 1386 году. Существует легенда, что именно здесь учился Фауст. В качестве подтверждения приводится список студентов за 1509 год, в котором числится некий Иоганн Фауст – бакалавр теологии. Интересно также, что отчеты университета составлялись от одной Вальпургиевой ночи (1 мая) до другой. Закономерно, что немецкое студенчество имеет самые «устойчивые» традиции. На их формирование влиял тот факт, что университеты, располагаясь в небольших городах, являлись во многом «градообразующими» и накладывали свой отпечаток на жизнь города. Первоначально Гейдельбергский университет имел всего три факультета: теологический, юридический и философский. Затем их число значительно увеличилось, а следовательно, выросло и количество студентов. Студенты были привилегированной группой и пользовались этим беззастенчиво. Отличаясь вольностью нравов, студенты – бурши противопоставляли себя обывателям – филистерам. Все шалости студентов были связаны в большинстве своем с выпадами по отношению к горожанам. Публичные знаки внимания к хорошеньким горожанкам, часто замужним (что было неприлично вплоть до конца XX века), «оскорбление действием» почтенных отцов семейства – все это было делом обычным. Подобное «гусарство» даже поощрялось. Однако, отделяя себя от социума, студенты несли на себе его отпечаток. С первых лет существования немецких университетов студенты объединялись в различные общества, товарищества, землячества и т. д. Эти организации играли большую роль в жизни немецких университетских городов. Две из них – Буршеншафт и Ландсмандшафт – сохранились до сих пор, но теперь существует и множество привилегированных студенческих клубов, членство в которых по плечу только достаточно состоятельным людям. Каждое сообщество имело свои излюбленные места развлечений: кабачки, скверы и т.д., куда не допускались члены других корпораций. У многих сообществ были свои излюбленные песни, а ино-

гда даже гимны. Все пирушки студентов сопровождалось непрерывным пением, причем председатель пирушки раздавал участникам пронумерованные ноты и указывал на того, кто должен петь следующий куплет, первый же пелся дружным хором.

Сообщества постоянно конфликтовали друг с другом, борясь за наибольшие сферы влияния. Каждая группа, помимо национальных цветов Германии, красного черного и желтого, имела свой излюбленный цвет или своеобразный герб, часто шуточный, а также головной убор того же цвета. Все эти особенности сохранены и поныне.

Студенческие сообщества определяли своеобразный кодекс дуэльной чести, бывший неотъемлемой частью немецкой студенческой жизни, которому должны были подчиняться студенты, устанавливали порядок проведения различных торжеств, брали на себя взаимоотношения с университетским начальством. В их недрах задумывались различные шалости, многие из которых нашли свое отражение в литературе. Вспомним известную сказку Андерсена о том, как буря перевесила вывески. Немецкие студенты делали это регулярно, особенно, если хозяин заведения впал у них в немилость. Вообще, в частной жизни немецкий студент был далек от интеллектуала, погруженного в изучение тайн мироздания. Еще Ломоносов, обучавшийся в Магбургском университете, отмечал, что немецкий студент «зело звероподобен и драчлив, задирист, то и дело пускает в ход кулаки и шпаги». В хронике Марбургского университета есть описание юбилейного обеда в честь 200-летия университета, где говорится, что «никакого безобразия в течение праздника произведено не было, господа студенты веселились вдоволь, только после обеда все тарелки и бокалы были разбиты вдребезги, что нанесло ущерб университетской казне в 200 талеров». Очевидно, что немецкий студент ближе к гоголевскому Хому Бруту, нежели к пушкинскому Владимиру Ленскому.

По сей день в университетских городах часто встречаются уже немолодые люди со шрамами на лице. Это следы студенческой дуэли, не поучаствовав в которой, студент не мог стать полноправным членом сообщества.

Дуэль между студентами – «мензура» – была мероприятием обычным. На каждого студента в год по статистике приходилось до

12 дуэлей. Никакого наказания за участие в дуэли студент не нес. В нее не вмешивались ни университетское начальство, ни городские власти. Существовала традиция и пивных дуэлей, во время которых два студента усаживаясь друг против друга, пили пиво кружку за кружкой и произносили заранее заготовленные тосты. Учитывалось не только количество выпитого пива но и интересные тосты.

Вот какой портрет современной студенческой жизни Германии дает Джером в «Записках импрессиониста»: «На обратном пути мы остановились в одном из университетских городов Германии, специально с целью ознакомиться с обычаями студенческой жизни, и, благодаря любезности некоторых знакомых, любопытство наше было удовлетворено.

В Англии мальчик резвится и играет до пятнадцати лет, а после пятнадцати – работает; в Германии же работает мальчик, а юноша – развлекается. Здесь ребята отправляются в школу с семи часов утра летом, а зимой с восьми, и учатся. В результате шестнадцатилетний мальчик основательно знает математику, классиков и новейшие языки и знаком с историей в такой степени, в какой она может быть необходима только завзятому политику. Если он не мечтает о профессорской кафедре, то обширность его познаний является даже излишней роскошью.

А вот вам портрет студента – он не спортсмен, и очень жаль, потому что мог бы быть хорошим спортсменом. Он в редких случаях умеет играть в футбол, чаще ездит на велосипеде, еще чаще – увлекается французским бильярдом в душных ресторанах, а в большинстве случаев употребляет время на питье пива, на дуэли и на свободное, бесцельное бродяжничество ради собственного удовольствия, для которого немцы придумали слово «Bummel».

...Но главная цель выдерживается, а именно чтобы университет подразделялся приблизительно на двенадцать отдельных корпораций, из которых каждая должна иметь строго определенные цвета знамени и шапок – а также строго определенную, излюбленную пивную, куда уже не допускаются члены других корпораций.

Главное занятие членов этих обществ состоит в том, чтобы драться с членами других обществ или своими собственными*.

И хотя времена изменились, нравы все те же!

* http://lib.aldebaran.ru/authorджером_

С. А. Петрова

Шалости удаются на славу!

*Торжественно клянусь, что замышляю шалость, и только шалость!
Господа Лунастик, Бродяга, Сохатый и Хвост.*

Дж. К. Роулинг. Гарри Поттер и узник Азкабана

Традиционно, 20 ноября студенты Свободного Брюссельского Университета празднуют День Святого Йоргена. Официальное открытие Университета состоялось в 1834 г. по инициативе Пьера-Теодора Йоргена, почетного мэтра ложи «Друзья филантропы», канонизированного неким самозванным ареопагом. Этот день был провозглашен выходным, но первые сборища студентов начались только в 1843 году, когда был создан Союз бывших студентов *l'Union des anciens étudiants (UAE)*. В бистро Брюсселя в этот день встречаются бывшие сокурсники, а студенческое празднование на улицах города заканчивается общим шумным банкетом. В этот день во многих районах бельгийской столицы столпотворения. Полиция пристально смотрит за порядком, но ей запрещено вмешиваться в происходящее, если студенты держат себя более-менее «в рамках приличия». Студенты создают легкий беспорядок на улицах и ищут приключений на свои горячие головы, а почтенные «буржуа» ворчат в многочисленных пробках на дорогах. Автомобилисты теряют терпение, нарушается график движения общественного транспорта, в том числе и трамваев, излюбленного способа передвижений жителей Брюсселя. Особое удовольствие для «разгулявшихся» студентов – порвать провода троллейбусов. Самые резвые шутники устраивают не только «игры» с общественным транспортом, но и потасовки, потом «отдыхая» в полицейских участках. Что делать, у студентов кипит молодая кровь. Правда, серьезные люди тоже не редкость в студенческой среде. Принимая участие в шумных празднованиях, они стараются не нарушать нормы поведения и демонстрируют оппозицию обществу «буржуа» корректными способами. Кроме празднования Дня Святого Йоргена или, как принято его звать в университетской среде, Святого Йо, а также всех общенациональных бельгий-

ских праздников, у студентов широко распространены так называемые *посвящения «синего»* (*наш эквивалент «зеленого»*). Ежегодно в честь «*grimus*», «Дня первокурсника», организуется кортеж и торжественный прием, заканчивающийся потоками красного вина и шампанского. Ритуалы посвящения новичка не являются новшеством. Они приняты во многих странах и празднуются в каждом вузе на свой лад, проходят не только в Бельгии, но и во Франции, Португалии, Италии, Нидерландах, Германии и т. д. В некоторых странах ритуалы сопровождаются даже церковными службами. Правда, часто обряды посвящения включают в себя несколько обязательных испытаний дурного вкуса, поэтому особо «ранимым» лучше всего наблюдать сие действие со стороны. К сожалению, студенты – народ упорный, и новичку трудно устоять перед искушением приобщиться к слегка злобной, отчаянно шутливой и беспутно веселой студенческой тусовке, чтобы наконец-то стать «своим в доску».

В Льеже с двадцатых годов прошлого века студенты празднуют День Святого Торе. Причем несколько дней или недель спустя празднование повторяется, нужно непременно провести «крещение» достопочтенного Торе (*Быка* на валлонском диалекте). Его так любят студенты, что власти отвели памятнику Святого Торе почетное место в центре города на бульваре Авруа. Скульптура из бронзы, выполненная Леоном Миньоном, изображающая быка и его хозяина Джозефа, раздражает «буржуа», а это чрезвычайно привлекательно для студенческой братии. И бык, и его хозяин демонстрируют, каждый по-своему, «прелести» общества, свободного от ханжества. Студенческий «талисман» во время Второй мировой войны заботливо укрывался в университетском подвале. День Святого Торе – не только праздник свободы, но и праздник весны, он начинается в понедельник третьей недели марта. Во вторник кортеж Святого Торе отправляется к подножию памятника, в сопровождении тысячи студентов. «Прелести» скульптуры разрисовываются яркими красками. И да здравствуют следующие за праздником экзамены!

Студенты, полные жизненных сил и с богатым воображением в дни праздников всегда готовы на проказы. То их обуревают воинствующий дух, и они идут «погостить» в замок графа, то устра-



ивают пародию на паломнический визит к королю. Случаются озорные посещения ратуши, чтобы «повидаться» с бургомистром. И почти всегда студенческие мероприятия сопровождаются страшным шумом и гамом. Что поделаешь, молодежи нравится шум! Она даже предпочитает его музыке. Не случайно бельгийский король вздыхал, что, в конечном итоге, музыка это тоже не более чем шум, хотя и дорогостоящий.

Всем известно, студенческий вид транспорта – велосипед, поэтому многие праздники сопровождаются велогонками. Это не обычные соревнования в нашем понимании. Например, в центре города Пуатье во Франции проходят «международные» состязания, где важна не столько победа, сколько украшение и раскраска велосипеда, а также оригинальный костюм участника. Соревнуются велосипеды всех размеров, разных видов, с шинами и без. Речь идет не о гонке на скорость, а о хитром испытании, состоящем в том, чтобы привести к победе под какофонию фанфар загадочного велосипедиста – существо покрытое лисьей шкурой и с длинным хвостом. Заканчивается «велогонка» распределением бонусов, блеском красочного кортежа и дефиле девушек-велосипедисток. Одним из ярких поклонников и зачинщиков молодежного веселья в Пуатье был Рабле, сам когда-то здешний студент. Несомненно, ему бы понравилось, как приспособились к нашей эпохе основанные им студенческие традиции.

Интересные подробности

О поступающих в Императорский Московский университет

«Московские ведомости»,
№ 68 от 7 июня 1851 г., стр. 668.

Начальство Московского Университета... сим объявляет:

1. На основании разрешения Его Сиятельства господина министра народного просвещения поступившие в число своекоштных студентов Университета могут быть помещены с будущего академического года на жительство в Университет со взиманием за полное содержание их по 200 руб. сер. с каждого года, сверх платы, собираемой за слушание лекций. Таковых пансионеров положено иметь при Московском Университете до 50 человек.

2. Выдержавшие экзамен и удостоенные права поступления в Университет прежде зачисления их должны обмундироваться по надлежащей форме и явиться к г. Инспектору студентов; после чего будет сделано окончательное распоряжение о принятии их в число студентов.

3. Молодым людям, в особенности прибывшим из других губерний, выдержавшим экзамен, ...во избежание излишних издержек, могущих произойти от неопытности их, и для соблюдения единообразия в форме, предоставляется внести на полную форменную обмундировку 49 р. 35 к. серебром.

*Прошение Белинского В. Г. в Правление
Московского университета
12 сентября 1829 г.*

Родом я штаб-лекарский сын, от роду имею 18 лет, обучался в доме моих родителей, я ныне, желая продолжить курс наук, для большего моего образования, в Императорском Московском университете, прошу Правление оно, по надлежащем меня испытании, принять меня в число студентов Университета и допустить к слушанию лекций по словесному отделению...

**Из письма В. Г. Белинского Г. Н. и М. И. Белинским
2-5 сентября 1829 г.**

Бога ради, пришлите мне, как наивозможно поскорее, свидетельство о рождении: мне все-таки без него невозможно обойтись. Да еще возьмите от полиции свидетельство, что я поехал в Москву для определения себя в Императорский Московский университет. Хотя я и не определился, однако с сим свидетельством мне год и более жить безопасно. Без сего свидетельства меня никто и на квартиру не пустит, ибо надобно заявить в части. Теперь я все равно как беглый и нахожусь в великой опасности...

**В. Г. Белинский – Г. Н. и М. И. Белинским,
26-30 сентября 1829 г.**

С живейшей радостью и нетерпением спешу уведомить вас, что я принят в число студентов Императорского Московского университета. Меня не столько радует то, что я студент, сколько то, что сим могу доставить вам удовольствие... Я получил от вас свидетельство о рождении 11 числа, в среду, просьбу подал 12 числа, экзамен держал 19, табель получил 21. Итак, я теперь студент... Имею право носить шапку и треугольную шляпу. 25 числа подал я просьбу в совет Императорского Московского университета о принятии меня на казенный кошт. Решение на мою просьбу выйдет около Рождества Христова, а не прежде, и до тех пор я должен жить на своем коште. Мне необходимо нужно сшить студенческий вицмундир с форменными панталонами и черным жилетом... Так как меня определяют на казенный кошт не ближе трех месяцев, а в партикулярной одежде ходить на лекции невозможно, то сделайте одолжение, пришлите мне денег на вицмундир, панталоны, форменную черную жилетку и форменную шинель...

Белинский восторженно и идиллически принимает свое новое бытие, позднее он пишет брату Константину о бедственном положении казеннокоштных студентов.

*Из письма В. Г. Белинского брату Константину
27 января 1832 г.*

...Папенька удивляется, что я, живя на казенном коште, нуждаюсь в одежде, и говорит, зачем ему деньги, когда он на казенном содержании? Теперь я об этом кое-что хочу сказать. Папенька, я думаю, видел мою казенную шинель, сквозь которую можно сеять аржаную муку: она дается на целый курс, ее должно носить и летом, и зимою, иногда в морозы, градусов тридцать с лишком. Как это полезно для здоровья! Хвала и честь казенному кошту! Сюртуки форменные даются каждый год; но так как они обыкновенно шьются из гнилого сукна, месяца за два до выдачи новых все щеголяют с разодранными локтями и лифами, с изорванными в куски панталонами... Срамоту штанов своих едва-едва прикрывают порыжелыми полами сюртука. Сапоги иногда попадутся такие, что становится чуть не на полгода; а иногда такие, что на другой же день прорываются, и тут-то пойдут починки; а ты сиди дома босиком да жди, когда починят...

Письма печатаются по: Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. XI. С. 111.

Из журнала «Вокруг света»

(2005, № 1. С. 68)

С самых первых лет существования университета принадлежность к этому учебному заведению подчеркивалась мундиром – его носили преподаватели, студенты и хозяйственный персонал. Университетские мундиры были сшиты из сукна темно-зеленого цвета, с красными воротниками, обшлагами и гербом. Кроме того, студентам и учащимся университетской гимназии предписывалось носить напудренный парик и шляпу. Еще одним важным событием для каждого молодого человека, принятого в Московский университет, была выдача шпаги при производстве в студенты. И пусть мундир и шпага имели лишь символическое значение, но они демонстрировали благородство просвещенных, возводили образование в ранг одной из самых важных ценностей государства.

Из интервью В. А. Садовниченко
корреспонденту газеты «Трибуна»
А. Заозерской (2 декабря 2004 г.)

Виктор Антонович, а Вы не думали над тем, чтобы ввести форму для студентов и преподавателей университета, как это было до революции? Мундирчики, белые перчатки, шляпы, благодаря которым студент Московского университета был виден за версту?

Некоторые факультеты на выпускной шьют себе мантии. Но поскольку мантии – это заказная традиция, то у нас эта форма приживается плохо. До революции в университете обучались всего 200 студентов, а сейчас – 40 тысяч. Девушек стали принимать в университет только с 1905 года, а в настоящее время их – большинство. Поэтому всех одеть в одну форму, как это было при царе, вряд ли получится. Зато мы приняли свой устав, учредили герб и свой гимн.

В формате хроники

Сквозь тернии к звездам

20 января 2005 г. с космодрома Плесецк в честь 250-летия Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова был запущен спутник «Университетский – Татьяна-1». Название «Татьяна» спутник получил в честь св. мученицы Татианы – покровительницы российского студенчества.

Аппаратуру для спутника создавали студенты и сотрудники НИИ ядерной физики им. Д. В. Скобельцына. С помощью спутника проведены эксперименты по изучению радиационной обстановки вблизи Земли, космических частиц высокой энергии, ультрафиолетового фонового излучения ночной атмосферы и полярных сияний, магнитного поля Земли.

Предусмотрена с помощью спутника и реализация образовательной программы. Ее цель – привлечение школьников и студентов к участию в космических исследованиях и экспериментах. Обучение студентов и аспирантов физике космоса. Этому вопросу в Московском университете всегда уделялось большое внимание.

17 сентября 2009 г. с космодрома Байконур осуществлен запуск ракеты-носителя с разгонным блоком «Фрегат» и группой космических аппаратов, в числе которых спутник «Университетский – Татьяна-2».

Научные приборы, которыми оснащен спутник, разработаны и изготовлены в НИИ ядерной физики им. Д. В. Скобельцына МГУ в сотрудничестве с университетами Южной Кореи и Мексики. Основная цель «Татьяны-2» – изучение нового феномена в верхней атмосфере (на высоте в десятки километров) – очень энергичных вспышек света в ультрафиолетовом диапазоне, природа которых пока не совсем ясна.

Большой вклад в создание «Татьяны-2» внесли сотрудники механико-математического факультета МГУ. Благодаря их программному обеспечению спутник оснащен новой, не имеющей аналогов бортовой системой навигации.

Студенты – школьникам

На факультете журналистики МГУ космонавт Ю. М. Батулин ведет занятия в специальном семинаре «Школа космической журналистики».

Под его руководством студенты выпускают тематическую полосу (2 раза в месяц) «Открытый космос» в «Новой газете».

Слушатели специального семинара написали для детей книжку «Желаю вам доброго полета... (учимся на космонавтов)».

Весть из эфира

30 декабря 2009 г. из порта Козьмино (Приморье) в Гонконг вышел нефтеналивной танкер «**Московский университет**». Танкер вместительностью 100 тонн входит в состав флота группы компаний «Совкомфлот». Козьмино – конечный пункт нефтепроводной системы «Восточная Сибирь – Тихий океан», которая начала функционировать в конце 2009 г.

Поколение «Facultet»

В декабре 2007 г. при поддержке факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова вышла в свет книга «Facultet. Новая литература нового поколения» – сборник произведений победителей литературного конкурса молодых талантливых писателей. Проект, задуманный несколькими студентами факультета журналистики, дал старт новому литературному движению, предоставив возможность талантливым и перспективным авторам выйти за рамки сети Интернет и самиздата.

Молодежное издательство «Facultet», руководимое сегодня уже выпускниками факультета журналистики МГУ, продолжает проводить литературные конкурсы, выпускает книги серии «6 девушек», в которые вошли рассказы 6 студенток журфака, организует тематические литературные вечеринки для тех, кто пишет и читает. В 2009 г. издательство начало активное сотрудничество с проектом «Артпарад» и Федеральным агентством по делам молодежи. Первый большой совместный проект – литературный

конкурс «Facultet-2009» – был представлен премьер-министру России Владимиру Владимировичу Путину на образовательном форуме «Селигер-2009».

Проект издательства «Facultet» – Литературная социальная сеть Facultet, по замыслу авторов, призвана «объединить мыслящих и пишущих людей в единый организм». Портал предоставляет своим посетителям возможность публиковать свои произведения и оценивать творчество других авторов, создавать собственную виртуальную книжную полку, писать рецензии на книги, участвовать в литературных дуэлях и турнирах, создавать группы по интересам, следить за последними литературными новостями. Главная задача литературно-социальной сети и издательства – создание хороших книг о современном поколении наших граждан.

Первый памятник студентам на Воробьевых горах

Памятник в честь 50-летия движения студенческих отрядов открыт перед зданием физического факультета МГУ на Воробьевых горах. Именно отсюда в 1959 г. был отправлен в Северо-Казахстанскую область поднимать целину первый отряд из 339 студентов. И вот теперь эти ребята отлиты в бронзе. Юноши и девушки, взявшись за руки, образовали круг, а у ног их – свернутые палатки, рюкзаки. На постаменте – слова из песни: «И снова романтики дорогами пыльными уходят, чтоб встретить рассвет...»

Автор памятника – известный московский скульптор Александр Рукавишников. Композиция выполнена им и его учениками.

А движение возрождается. 230 тысяч студентов в составе отрядов участвовали в 2009 г. в строительстве олимпийских объектов в Сочи, Красноярской АЭС, моста на остров Русский во Владивостоке.

Будьте добры, уступите место!

Студенты МГУ реализовали социальный проект – разместили на остановках плакаты с призывом о вежливости и терпимости в общественном транспорте.

Пригласительный билет

Бережно сохраненные пригласительные билеты о многом говорят нам сегодня. Это отдельные штрихи, приметы жизни университета, своего рода культурные знаки, свидетельствующие о годах складывающихся традициях Alma mater.

Уважаемый товарищ!

Приглашаем Вас на традиционный праздник факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова «Посвящение в журналисты».

Программа праздника

Торжественный митинг на Красной площади
Клятва пятикурсников
Возложение венков к Мавзолею Владимира Ильича ЛЕНИНА
и Могиле Неизвестного солдата
Посещение Мавзолея
Подписание текста клятвы пятикурсниками
Праздничный вечер

У нас в гостях:

Константин СИМОНОВ
Виктор КОЖЕМЯКО
Ярослав ГОЛОВАНОВ
Николай ХОХЛОВ
Юрий ЛЕТУНОВ
Юрий НИКУЛИН
Надежда ПАВЛОВА и Вячеслав ГОРДЕЕВ

Сбор у входа на факультет в субботу,
30 октября 1975 года в 10 час. 50 мин.

Пригласительный билет

Уважаемый товарищ!

Общественно-политический и профессионально-творческий Клуб Молодого журналиста «Октябрь» факультета журналистики МГУ приглашает Вас на творческий вечер-встречу «Балет Большого театра СССР» с участием Надежды Павловой и Вячеслава Гордеева, который состоится в ДК гуманитарных факультетов 16 декабря 1975 года в 19 час. 30 мин.

*Правление Клуба Молодого журналиста
«Октябрь»*

ВЕЧЕР ПОЭЗИИ

*Андрей Вознесенский
представляет поэта*

Уильяма Джея Смита (США)

В вечере принимают участие поэты

Лариса Васильева

Борис Заходер

Александр Ткаченко

*Вечер ведет декан факультета журналистики
профессор Я. Н. ЗАСУРСКИЙ*

Вечер состоится 20 марта 1981 г. в Коммунистической аудитории факультета журналистики МГУ

40-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ ПОСВЯЩАЕТСЯ
9 АПРЕЛЯ 1985 ГОДА
ФЕСТИВАЛЬ
«Студенческая весна - 85»
НА ФАКУЛЬТЕТЕ ЖУРНАЛИСТИКИ МГУ
ДК ДСВ, пр. Вернадского, 37
I отделение
А. ТВАРДОВСКИЙ
ПРО БОЙЦА
(картинки с войны)
СПЕКТАКЛЬ - КОМПОЗИЦИЯ
(по поэме и дневниковым записям военного корреспондента
А. Твардовского и письмам бойцов)
II отделение
КОНЦЕРТ

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ

*Протокольный отдел
Министерства Иностранных Дел СССР
и ректорат Московского Государственного
Университета имени М. В. Ломоносова*

Просят пожаловать на встречу Его Превосходительства господина Рональда Рейгана, Президента Соединенных Штатов Америки со студентами МГУ им. М. В. Ломоносова во вторник, 31 мая 1988 года, в 15 часов.

Акттовый зал Московского Государственного
Университета им. М. В. Ломоносова

**Действительно по
предъявлению документа**

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СТАДИОН
имени В. И. Ленина
ДЕТСКИЙ ГОРОДОК
МЕЖДУНАРОДНАЯ
ТОВАРИЩЕСКАЯ ВСТРЕЧА
ПО ФУТБОЛУ

Московский
университет

Лондонский
университет

Пятница, 28 апреля 1989 года
Начало в 17 часов

Пригласительный билет

9–10 ноября 1993 г. состоятся юбилейные торжества, посвященные 200-летию открытия Старого здания университета на Моховой улице и 40-летию Главного корпуса МГУ на Ленинских (Воробьевых) горах.

Старые университетские здания на Моховой отмечены талантом известных архитекторов, хранят память о наших выдающихся соотечественниках. В этих университетских аудиториях звучали голоса Пушкина, Толстого, Тургенева, Гончарова, Лермонтова, Вернадского, Жуковского, Ключевского, Соловьева... Питомцы университета внесли выдающийся вклад в развитие отечественной науки, культуры, образования.

10 ноября 1993 г. в 16.00 в Актовом зале МГУ на Ленинских горах состоится торжественное заседание Совета Советов Московского университета.

Ректор
Московского университета

В. А. САДОВНИЧИЙ

Повестка дня:

1. Слово ректора МГУ В. А. Садовниченко о Московском университете по случаю 200-летия открытия Старого здания университета на Моховой, 40-летия Главного корпуса МГУ на Ленинских (Воробьевых) горах и закладки памятного камня на новой территории МГУ.

2. Концерт Государственного академического симфонического оркестра (художественный руководитель Е. Ф. Светланов).

Приглашаем Вас принять участие в юбилейных мероприятиях, посвященных 270-летию со дня рождения одного из основателей и первого куратора Московского университета И. И. Шувалова

Мероприятия состоятся 27 ноября 1997 г.

В старом здании Московского университета (Моховая, 11)

Программа юбилейных мероприятий, посвященных И. И. Шувалову
27 ноября 1997 г.

- | | |
|-------|--|
| 13.00 | Панихида в Церкви Святой Татианы (Б. Никитская, д. 1) |
| 13.45 | Возложение цветов к бюсту И. И. Шувалова в Старом здании МГУ (Моховая, 11) |
| 14.00 | Научная конференция, посвященная жизни и деятельности И.И. Шувалова (Актовый зал МГУ, Моховая, 11)
Открытие конференции ректором Московского университета академиком В. А. Садовничим.
Доклады участников конференции. |
| 16.30 | Заккрытие конференции.
Выступление Академического хора МГУ.
Осмотр юбилейной выставки. |

Правительство Москвы
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Приглашают Вас На церемонию торжественного открытия
Мемориального барельефа
АЛЕКСАНДРУ СЕРГЕЕВИЧУ ПУШКИНУ
Церемония состоится 8 июня 1999 года в 11 часов
По адресу: ул. Моховая, д. 11

«...клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал».

Из письма А. С. Пушкина к П. Я. Чаадаеву
19 октября 1836 года

Глубокоуважаемые коллеги!
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
при участии
Санкт-Петербургского государственного университета,
Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы,
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина
организует
II Международный конгресс исследователей русского языка
«РУССКИЙ ЯЗЫК: ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ И СОВРЕ-
НОСТЬ»
Конгресс состоится 18-21 марта 2004 г. на филологическом факультете МГУ

Пригласительный билет

Приглашаем Вас на торжественный акт
в честь 249-летия Московского университета
22 января 2004 г. в 15.00
в фойе Актового зала Главного здания

В программе:

1. Вручение дипломов лауреатам премий имени М. В. Ломоносова и И. И. Шувалова.
2. Вручение дипломов Заслуженным профессорам Заслуженным преподавателям, Заслуженным научным сотрудникам, Заслуженным работникам Московского университета.
3. Вручение дипломов стипендиатам Московского университета – молодым преподавателям и ученым, добившимся значительных результатов в педагогической и научной деятельности.
4. Прием в честь лауреатов премий, обладателей почетных званий и стипендиатов Московского университета.

Ректор
Московского университета

В. А. Садовничий

Приглашаем Вас принять участие
в праздновании Дня основания Московского университета.
Татьянин день – это праздник студентов и аспирантов,
профессоров и преподавателей,
всех сотрудников университета и его выпускников,
сохранивших светлые чувства к своей Alma mater.
Будем рады видеть Вас 24 января 2004 г. в 13 час.
На торжественном заседании в Актовом зале МГУ.

Ректор
Московского университета

В. А. Садовничий

Актовый зал Интеллектуального центра –
Фундаментальной библиотеки МГУ

16 марта 2009 года в 17.30

Фонд Ирины Архиповой

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

**Гала-концерт вокальной
классической музыки**

Легенды и мифы

Преданья старины глубокой

Самое старое строение на территории Московского университета – здание типографии (учебно-полиграфической лаборатории) факультета журналистики МГУ. По преданию, это территория опричного двора. В зале, где в свое время размещались линогипсы, был удивительный простенок. Какой бы краской ни закрашивали стену (темной или светлой, даже масляной зеленой), на ней всегда выступало большое розово-красное пятно. Из уст в уста передавали, что на этом месте находился крест, на котором распинали жертв Малюты Скуратова, что до сих пор на стене выступает кровь тех, кого здесь пытали. В конце концов в простенок встроили металлический распределительный щит. И удивляться стало нечему. Но живы еще очевидцы этого чуда.

Удивителен был и подвал этого здания. По весне там всегда скапливалась вода. Преданье гласило, что здесь начинался подземный ход, который соединял опричный двор с Кремлем. Через этот ход талая вода и проникала в подвал. Когда здание ремонтировали, пригласили представителей Общества охраны памятников – хотели узнать, можно ли забетонировать пол, есть ли на это право у строителей. Заключение было положительным. Пол залили бетоном. И по весне стало в подвале сухо. Но очевидцы помнят, что так было не всегда. А существовал ли этот подземный ход, простые смертные не знают. И теперь, наверное, уже никто никогда не узнает. А может быть, именно где-то там находилась библиотека Ивана Грозного.

Впрочем, подземные ходы существовали не только в незапамятные времена.

В 70-х годах прошлого века еще функционировал подземный ход, по которому из убежища (бомбоубежища) в здании университета (проспект Маркса, 20 – Мохова, д. 9) можно было выбраться во двор. Через обычный чугунный люк вылезали наружу. Сейчас этого люка не видно. Все засыпано землей и поросло травой. А тогда люк тщательно оберегали, обметали и убежище находилось в боевой готовности. В то время составлялись «мобишпаны» (мобилизационные учебные планы) на случай военной угрозы и эвакуации факультета в город Ковров.

Слухами земля полнится

Отсутствие достоверной, открытой информации рождает домыслы и слухи о строительстве нового здания МГУ.

Говорят, что университет хотели переименовать (сделать его не имени Ломоносова, а имени Сталина), что венчать здание должна была скульптура вождя. Поговаривают даже о том, что где-то в подвалах до сих пор обитает не то золотая, не то бронзовая статуя.

А вот и еще одна версия. На красочной открытке «Все на выборы. Воскресенье. 18 февраля 1951 г.» (день выборов в Верховный Совет РСФСР) запечатлено здание университета на фоне башенного крана. Проектный эскиз, очевидно, – ведь здание еще строилось. На этом эскизе главную башню венчает скульптура. Изображение нечеткое. Контуры размыты. Но сквозь лупу можно разглядеть скульптурную группу наподобие «Рабочего и колхозницы» Веры Мухиной. И постамент такой же. Может быть, это студент и студентка. Сейчас со стороны главного входа здание украшают фигуры студента и студентки работы Веры Мухиной.

По другим сведениям, главную башню должна была украшать статуя Ломоносова. Но потом решили увенчать здание шпилем.

По официальным данным, строителями главного здания были комсомольцы (по воспоминаниям участников событий, этим молодым людям было обещано внеконкурсное поступление в университет). Но существуют свидетельства, что для строительных работ были условно освобождены тысячи заключенных. Говорят даже, что в строительстве здания принимали участие пленные немцы.

На сайте Клуба выпускников МГУ рассказана легенда о том, как один из строителей, используя листы фанеры, отправился в полет в сторону Москвы-реки. По одной версии он был расстрелян охраной, по другой – помилован Сталиным.

Существует версия, что под зданием находятся холодильные установки для замораживания грунта. И это делает фундамент более прочным.

А уж чего только не говорили о подземельях МГУ! Будто бы там берут начало дороги, ведущие в Кремль, а на пути к столице построены аэропорты и вокзалы и специальные ветки метро проложены. Естественно, и тайные склады в подземельях имеются. Недалеко от здания, в районе метро «Университет», расположен будто бы циклофазотрон.

Одним словом, слухами земля полнится.



Открытка с приглашением на выборы

Содержание

<i>К читателю</i>	3
ВРЕМЕНА НЕ ВЫБИРАЮТ	
<i>М. И. Алексеева</i> Российский государственный	5
<i>А. В. Бакунцев</i> Анатолий Кони: жизнь ради правды и красоты	14
РАДЕТЕЛИ ЗЕМЛИ РУССКОЙ	
<i>М. И. Алексеева</i> «Достоинство Москвы требует...»	28
<i>А. С. Сафронова</i> А. И. Коновалов – предприниматель XX столетия	53
УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ	
Из воспоминаний выпускников Московского Императорского университета XIX века	61
Из студенческих воспоминаний Ю. А. Бунина	68
Первый директор Московского университета И. И. Мелиссино ...	70
<i>Е. В. Скударь</i> Профессор Московского университета А. А. Грушка, его учителя и ученики	72
Обращение ректора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Виктора Антоновича Садовниченко к выпускникам 2009 года	83
Слово выпускника Московского университета	84
ОБРЕТЕНИЕ ХРАМА	
<i>Н. В. Фролова</i> Три века св. Татианы	85
<i>Е. В. Скударь</i> Святая Татиана (акварель М. В. Нестерова)	93
<i>Г. В. Прутков</i> «Свет христов просвещает всех»	95
<i>Л. Г. Свитич</i> Лоретто	103
Наш дом (строительство и архитектура)	
Старое здание	105
Акт технического осмотра здания Московского университета по адресу: Моховая, 9	108
Факты свидетельствуют	110
Страница памяти	
<i>В. С. Виноградский</i> Коллеги	112
Солдаты Великой Отечественной	112

Студенческие традиции и обычаи

Слово о назначении университетов вообще,
и в особенности русских, произнесенное М.П. Погодиным 113

Е. В. Скударь
У истоков..... 114

Анкета «Зари» 116

Татьянин день.....117

Студенческие торжества117

Шире дорогу – Ляпинка идет!.....122

Татьянин день 40 лет назад

(из воспоминаний д-ра Померанцева).....122

Когда студенчеству жилось вольготней?.....124

На перепутье двух эпох.....125

«Чельши» и их обитатели126

Клятва на шпагах

(из воспоминаний студента 60-х годов И. П. Деркачева).....127

Студент и квартальный

(эпизод из далекого прошлого).....128

Студенческие песни.....130

Н. В. Фролова
Бурши 135

С. А. Петрова
Шалости удаются на славу!..... 138

Интересные подробности

О поступающих в Императорский Московский университет 141

Прощение Белинского В.Г. в Правление Московского
университета 12 сентября 1829 г. 141

Из письма В. Г. Белинского Г. Н. и М. И. Белинским
2-5 сентября 1829 г. 142

В. Г. Белинский – Г. Н. и М. И. Белинским,
26-30 сентября 1829 г. 142

Из письма В. Г. Белинского брату Константину
27 января 1832 г. 143

В формате хроники

Сквозь тернии к звездам 145

Студенты – школьникам.....146

Весть из эфира146

Поколение «Facultet»146

Первый памятник студентам на Воробьевых горах147

Будьте добры, уступите место!.....147

Пригласительный билет..... 148

Легенды и мифы

Преданья старины глубокой 155

Слухами земля полнится 156

Ответственный редактор *М. И. Алексеева*
Составители: *М. И. Алексеева, Е. В. Скударь, Н. В. Фролова*
Компьютерный набор *Л. Лосева*
Оформление обложки, верстка *Д. Ю. Рожков*